БИБЛІОТЕКА МОРС. МИНИСТЕРСТВА.

Акт № 2

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	З-К.96-С		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-65

1893.
№ 80.

СѢВЕРНЫЙ ПОЛЮСЪ

и

ЗЕМЛЯ ЯМАЛЪ.

18270

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

Центральная Библиотека
Библиотека РКВМФ СССР

СОЧИНЕНІЕ

Ю. И. Кушелевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ М. В. Д., ЛИТОГРАФІИ К. ШТРЕМЕРА.

1868.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 13 февраля 1868 г.

1850

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Ю. И. Кушелевскаго.

Веденныя, во время бытности автора на государственной службѣ въ Обдорскѣ въ 1852, 1853, 1854 г. и во время экспедицій 1862, 1863, 1864 и 1865 г., предпринятыхъ имъ для открытія сухопутнаго и водянаго сообщенія на сѣверѣ Сибири отъ р. Енисея чрезъ Уральскій хребетъ до р. Печоры.

Путевыя записки Ю. И. Кушелевскаго, до изданія сего, анализированы гг. политико-экономами и одобрены, съ признаніемъ трудовъ его государственною пользою. Онѣ распубликованы ими въ с-.петерб. «Бирж. Вѣд.» въ 1865 г. въ № 91.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая моимъ читателямъ свои путевыя записки, долгомъ считаю предварительно извиниться за нецвѣтистое изложеніе ихъ. Впрочемъ, цѣль моего повѣствованія есть не блеснуть краснорѣчіемъ и фразерствомъ, а разсказать объ обитателяхъ сѣверной страны, у которыхъ въ быту нѣтъ ничего изящнаго. Ничто не приведетъ тамъ наблюдателя къ эстетическимъ ощущеніямъ. А потому, гдѣ все такъ дико и пусто, да еще холодно, то тамъ не дѣло ораторствовать и восхищаться, а развѣ скорбѣть, терпѣть и спасаться. Мои записки составлялись при подобныхъ ощущеніяхъ среди самоѣдовъ и среди ихъ тяжелаго быта.

Скрытность самоѣдовъ не позволяетъ стороннему человѣку подробно вникнуть въ ихъ нравственный бытъ; они даже стараются наружныя формы своихъ обрядовъ и обыкновеній скрывать и исполнять ихъ тайно. Эти препятствія заставляютъ меня разсказать только о томъ, что мнѣ случилось самому видѣть и лично испытать. Мнѣ желательно было писать объ остякахъ и самоѣдахъ отдѣльно, такъ какъ эти племена рѣзко отличаются между собою языкомъ и видомъ, но родственныя ихъ связи до того слили ихъ нравы и обычаи, что въ настоящее время между этими племенами гораздо болѣе общаго. Самостоятельность первобытныхъ ихъ нравовъ если не совсѣмъ еще потеряна, то зато искажена вліяніемъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, зырянъ и пустозеръ. Слѣдовательно, разсказывая о самоѣдахъ настоящаго

времени, я долженъ оставить мое желаніе описывать ихъ отдѣльно; тѣмъ больше, что опредѣлить съ точностью коренное происхожденіе смѣшанныхъ ихъ обыкновеній и нравовъ по національностямъ считаю невозможнымъ, не имѣя на то положительныхъ данныхъ.

Во время путешествій моихъ, по Самоѣдской странѣ, я имѣлъ возможность собрать типы, вполнѣ характеризующіе самоѣдскую національность, которые помѣщаю въ моемъ изданіи, а для большей рельефности ихъ, въ картинахъ, взятыхъ изъ обрядовъ, преданій и быта самоѣдовъ. Этимъ я желалъ достигнуть вѣрнѣйшей точности моихъ записокъ, сдѣлать ихъ интереснѣе, любопытнѣе для моихъ читателей и назидательнѣе и полезнѣе въ этнографическомъ отношеніи.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Ю. И. Кушелевскаго.

ЭКСПЕДИЦІЯ I.

Открытіе мѣсторожденія графита въ Туруханской странѣ было побуждающею причиною изыскать средства къ дешевѣйшей перевозкѣ его въ мѣста сбыта. Въ этихъ видахъ предположено было проложить сухопутныя и водяныя сообщенія отъ р. Енисея до р. Печоры по направленію полярнаго круга, черезъ Уральскія горы и никому неизвѣстныя сѣверныя тундры. Осуществить эти предположенія принялъ на себя я. Вслѣдствіе чего, оставивъ государственную службу въ концѣ іюня 1862 г., отправился въ г. Тобольскъ.

Предпріятіе мое было далеко не легкое. Много трудовъ сулило оно впереди и я, навѣрное, не рѣшился бы принять ихъ на себя, еслибъ моя прежняя жизнь на сѣверѣ не ознакомила меня съ ними и дѣланныя мною прежде изысканія не поселили во мнѣ твердой надежды и даже увѣренности, что я достигну желанной цѣли.

Попытки открывать пути сообщенія Оби съ Печорою или съ Архангельскимъ портомъ не были уже новостью. Не говоря о прежнихъ предположеніяхъ и предпріятіяхъ при Петрѣ I и Екатеринѣ II для изслѣдованія сѣвера Сибири, скажу только о томъ, что сдѣлано было въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1806 г., по предложенію бывшаго министра коммерціи графа Румянцева, посланъ былъ подполковникъ Поповъ для открытія сообщенія съ Архангельскимъ портомъ, посредствомъ соединенія устья Оби съ Карскою губою. О

послѣдствіяхъ экспедиціи Попова точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется, и надобно предполагать, что предположенія его найдены неудобоисполнимыми. Въ 1827 г., по распоряженію генералъ-гидрографа, командированъ былъ штурманъ Ивановъ для описанія береговъ Карскаго моря до Обской губы и острова Бѣлаго. Экспедиція г. Иванова окончилась въ 1829 г. и онъ возвратился въ Петербургъ, тоже не оставивъ никакихъ свѣдѣній о сдѣланныхъ имъ изысканіяхъ.

Бывшіе губернаторы, томскій, извѣстный ученый П. П. Аносовъ и тобольскій В. А. Арцымовичъ, первый въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, а второй въ 1857 г., заявляли свои предположенія о проложеніи пути на сѣверѣ Сибири соединеніемъ Оби или съ Карскою губою или съ Печорою, и проекты объ этомъ были публикованы въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1857 г. въ №№ 18 и 28.—Предположенія гг. Аносова и Арцымовича, или по недостатку сочувствія къ нимъ, или по другимъ какимъ, имъ неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, остались только предположеніями.

Возвращаюсь къ своему дѣлу. Прибылъ я въ Тобольскъ 27 іюля. Время это, по здѣшнему, довольно позднее, приближеніе осени уже слышалось, а потому нужно было торопиться, чтобъ во-время отправиться въ дальнѣйшій путь. Приготовленія мои были, по необходимости, быстры и я 16 августа, на собственномъ своемъ каюкѣ (небольшое судно, или лучше — большая лодка), съ грузомъ до 1.500 пуд. и пятью человѣками рабочихъ, выѣхалъ изъ Тобольска. Погода была невыразимо дурна—вѣтры и дождь не оставляли насъ почти во все время пути. Кто помнитъ лѣто 1862 г. и холода, бывшіе въ концѣ августа, тотъ повѣритъ, какъ тяжело было въ это время плаваніе на безлюдный сѣверъ, къ Березову. Несмотря на довольно большой грузъ, сравнительно съ числомъ рабочихъ, и противные вѣтры, я достигъ Березова 2 сентября. Пробывши тамъ не болѣе недѣли, отправился далѣе и прибылъ въ Обдорскъ 18 сентября. Холода начинались уже довольно сильные и 20 сентября сталъ По-

луй, рѣка, при которой стоитъ селеніе Обдорское. Скажу нѣсколько словъ объ Обдорскѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ я былъ въ немъ, прошло почти десять лѣтъ и эти десять лѣтъ, кажется, нисколько не подвинули его къ лучшему. Селеніе не разрослось, а какъ было, такъ и осталось— очень не большимъ. Собственно въ Обдорскѣ отъ 40 до 50 домовъ, а кочующихъ въ окрестностяхъ его остяковъ и самоѣдовъ до 2.000. Бѣдный и прежде, Обдорскъ сдѣлался еще бѣднѣе. Остяки и самоѣды тоже значительно обнищали. Причинъ обѣднѣнія города и инородцевъ много, такъ-что и сказать даже невозможно, но главная, какъ кажется, заключается въ сильномъ распространеніи пьянства, всегда очень гибельнаго для дикихъ народовъ.

Въ Обдорскѣ я былъ встрѣченъ остяками, какъ старый знакомый, потому-что, какъ сказалъ уже выше, назадъ тому около десяти лѣтъ служилъ въ немъ нѣкоторое время. Многіе изъ остяковъ и самоѣдовъ знали меня и помнили и это дало мнѣ возможность легче, чѣмъ кому другому, ладить съ ними. Разумѣется, я не жалѣлъ подарковъ, потому-что съ остяками не можетъ безъ подарковъ существовать не только дружбы, но даже и простаго знакомства, а безъ этого мнѣ ничего бы не сдѣлать.

Осмотрѣвшись немного и сошедшись съ старыми пріятелями-остяками и самоѣдами, я приступилъ къ снаряженію экспедиціи. Закупилъ и нанялъ оленей, купилъ нарты, чумы, нанялъ рабочихъ и прочее. Однимъ словомъ на все заготовленіе употребилъ до 15.000 р., которые и разошлись между остяками, давно невидавшими наличныхъ денегъ. По слухамъ, обдорская ярмарка 1863 г. была довольно оживлена и остяки многое покупали на деньги. Смѣло приписываю это заготовленіямъ для моей экспедиціи, потому-что прежде на обдорской ярмаркѣ денегъ у остяковъ почти вовсе не бывало и оттого существовала одна мѣновая торговля, чрезвычайно для нихъ невыгодная.

Караванъ мой состоялъ изъ 96 партъ, при которыхъ было 450 купленныхъ и 200 нанятыхъ оленей, съ 24 человѣками рабочихъ изъ остяковъ и самоѣдовъ. Надобно сказать, что

остяки и самоѣды смотрѣли на мое предпріятіе какъ на дѣло невозможное. По словамъ ихъ, основаннымъ на какихъ-то преданіяхъ, въ той странѣ, куда я шелъ, живутъ какіе-то одноглазые люди, ѣздящіе на медвѣдяхъ. Эти дикіе разсказы, наводящіе суевѣрный страхъ, много препятствовали найму людей, и безъ того довольно затруднительному.

Не могу умолчать о миссіонерѣ-священникѣ обдорской церкви о Петрѣ Поповѣ, принимавшемъ живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Однимъ только нравственнымъ вліяніемъ на инородцевъ онъ легко умѣлъ разсѣевать клевету моихъ недоброжелателей, которая видимо и быстро распространялась не только между инородцами, но даже дѣйствовала и на самого обдорскаго князя Тайшина. Также считаю себя обязаннымъ заявить о купцахъ Ан. Чечуровѣ, А. Мамѣевѣ и мѣщанинѣ В. Добровольскомъ, которые не только способствовали мнѣ къ снаряженію экспедиціи, уступая разные матеріалы за дешевую цѣну, но даже отдали ко мнѣ въ службу своихъ дѣтей, наказывая имъ безпредѣльно повиноваться и быть готовыми, какъ говорится, въ огонь и въ воду, для пользы дѣла и спасенія другъ друга. Отрадно мнѣ благодарить ихъ теперь отъ души за понесенные безъ ропота труды и лишенія, да думаю и многимъ отрадно слышать, что въ такой отдаленной и дикой странѣ я нашелъ людей, вполнѣ сочувствующихъ будущимъ интересамъ моего предпріятія.

Кромѣ купленныхъ мною и нанятыхъ оленей и нартъ и нанятыхъ рабочихъ, остяцкій старшина Ю. Ю. Ранымовъ, мой давній крестникъ, по старой привязанности ко мнѣ, отпустилъ со мною въ проводники сына своего, жену для исправленія женскихъ работъ, далъ чумъ и пятьдесятъ оленей.

Наконецъ 10 ноября, отслуживши, по христіанскому обычаю, молебенъ за благополучный исходъ нашего труднаго предпріятія, я двинулся съ своимъ караваномъ въ путь. Путь нашъ пролегалъ почти по самому полярному кругу. Отъ W. къ O. подвигаясь впередъ, мы переходили, или, лучше сказать, пересѣкали рѣчки: Ваксарку, Надымъ, Піуву, тун-

Выѣздъ эспедиціи изъ окрестностей Обдорска для отысканія сухопутнаго сообщенія р. Енисея съ р. Обью чрезъ самоѣдскія тундры.

дру Еловый островъ, Сандибей, Ныду, Тобьюганъ, Пуръ и вышли къ часовнѣ Василія убіеннаго на р. Тазъ. Рѣки эти всѣ имѣли, по общему характеру сибирскихъ рѣкъ, правый берегъ возвышенный, а лѣвый пологій. Возвышенный берегъ каждой рѣки всегда лѣсистъ, на немъ растутъ въ изобиліи: ельникъ, сосна, пихта и кедръ. Лѣвый же, пологій берегъ покрытъ только кустарниками и густымъ тальникомъ. Природа вездѣ, по пути нашему, была совершенно дѣвственная, или, лучше сказать, какая-то уснувшая, мертвенная. Живаго ни въ лѣсахъ, ни въ тундрахъ ничего нѣтъ. Во все время пути мы видѣли всего только одного ворона и нашли кусокъ оленьяго кала. Послѣднему обстоятельству мы очень обрадовались, потому-что полагали гдѣ-нибудь близко кочевье,—оказалось же, что кочевья не было и калъ былъ дикаго, случайно забредшаго сюда оленя. Путешествіе наше совершалось такимъ порядкомъ: впереди ѣхалъ я, и со мной старшій прикащикъ М. Мамѣевъ. Мы отыскивали, или лучше сказать, пролагали путь по компасу, придерживаясь болѣе на востокъ. Сзади, по проложенному уже пути, шелъ караванъ съ рабочими и всѣ наши чумы, имѣя впереди себя на особой нартѣ, которую везли два пестрые оленя, образъ св. Николая Чудотворца, наиболѣе другихъ святыхъ чтимаго остяками. Это доказывается даже и тѣмъ, что впослѣдствіи остяки приписывали присутствію этого образа благополучный исходъ нашей экспедиціи. Подходя къ лѣсистымъ берегамъ рѣкъ, обыкновенно кто-либо изъ насъ залѣзалъ на вершины большихъ деревьевъ и высматривалъ, гдѣ выгоднѣе, т. е. на меньшемъ пространствѣ, можно сдѣлать просѣку. Просѣки дѣлали мы отъ 50 саженъ до 1 версты. Иногда, чтобъ избѣжать большихъ просѣкъ, которыя требовали много времени и трудовъ, мы отыскивали у лѣсистаго берега рѣки какую-нибудь маленькую, впадающую рѣчку, по руслу ея добирались до большой и переходили на другой берегъ этой послѣдней.

Морозъ во все время нашего пути былъ очень сильный, можно полагать было выше 40°, потому-что ртутный термометръ постоянно замерзалъ. Во время пути, ночлеги наши,

т. е. насъ передовыхъ, нерѣдко были не въ чумахъ, а въ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ. Эти оригинальныя спальни довольно сносны, по крайней мѣрѣ нельзя замерзнуть. Такъ какъ у меня платье было довольно теплое, то мнѣ въ этихъ ямахъ было довольно хорошо; но товарищи мои употребляли иногда остяцкое средство согрѣванія, думаю, для многихъ неслыханное. Они срубали небольшое осиновое дерево, одинъ конецъ его зажигали, а другой проводили подъ гусь (верхную одежду) желающаго погрѣться. Паръ отъ горящаго сыраго дерева нагрѣвалъ довольно сильно.

Наконецъ, послѣ сорока-двухъ-дневнаго тяжелаго, утомительнаго и полнаго различныхъ лишеній странствованія, мы окончили его, дошедши 22 декабря до рѣки Таза. Дошли мы благополучно и въ дорогѣ не случилось съ нами никакихъ несчастій, кромѣ того, что одинъ олень, отъ неосторожности удавился въ упряжи. Всего пройдено было нами, по наглядному исчисленію, болѣе 800 верстъ, и по дорогѣ учреждено 26 станцій, гдѣ и оставленъ провіантъ для возвратнаго пути. Можно, кажется, утвердительно сказать, что проложенный мною путь—совершенно новый, на которомъ едва ли была нога человѣческая. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что на всемъ пространствѣ пройденной мною тундры нигдѣ не было видно срубленныхъ деревъ, затесовъ на нихъ и слѣдовъ истребленія лѣса, между тѣмъ тамъ, гдѣ только бываетъ человѣкъ, всегда замѣтно опустошеніе. Наконецъ это доказывается и тѣмъ, что только по вновь проложенной мною дорогѣ коренные жители Березовскаго сѣвера, инородцы, рѣшались впредь ѣздить для рыбной ловли, вмѣсто Надыма, на рѣку Пуръ, на которой прежде никогда не бывали. Такимъ образомъ окончилось первое мое предпріятіе—открытіе сухопутнаго пути на сѣверѣ Сибири.

Прежде-чѣмъ приступлю къ описанію дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о графитныхъ пріискахъ, найденныхъ на системѣ рѣки Енисея. Пріиски эти расположены на правомъ берегу Енисея, по впадающимъ въ него рѣчкамъ: Курейкѣ, Монастырской Тунгузкѣ, Бахтѣ и Фатьянихѣ. Не находя мѣста много рас-

пространяться о качествѣ графита и объ устройствѣ его добычи, скажу только, что графитъ этотъ признанъ лучшимъ изъ бывшихъ на лондонской выставкѣ 1862 г. Пластъ его, по приблизительному изслѣдованію, идетъ на шесть саженъ глубины на довольно значительномъ пространствѣ. Это кажется можетъ дать понятіе о громадномъ богатствѣ, въ немъ заключающемся.

ЭКСПЕДИЦІЯ II.

Какъ ни тяжелъ былъ для меня трудъ открытія сухаго пути на сѣверѣ Сибири, но онъ не удовлетворялъ меня и казался мнѣ недостаточнымъ для транспортировки грузовъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы я желалъ. Сухопутная перевозка, по проложенному мною пути, была, сравнительно, дороже водяной и къ тому же возможна только въ зимнее время. Всѣ эти соображенія дали мнѣ мысль попытаться открыть водяное сообщеніе отъ Обдорска до р. Таза посредствомъ Оби, Обской и Тазовской губъ.

Чтобъ разсказать о моемъ предположеніи обстоятельнѣе и о средствахъ къ исполненію его, я принужденъ возвратиться нѣсколько назадъ. Бывши, назадъ тому лѣтъ десять, въ Обдорскѣ на государственной службѣ, я коротко ознакомился какъ съ краемъ, такъ и съ его обитателями. Знакомство это давало мнѣ возможность предвидѣть напередъ всѣ препятствія, какія я могу встрѣтить при исполненіи моего предпріятія, и привело меня къ убѣжденію, что открытіе водянаго пути по Обской и Тазовской губамъ и р. Тазу до часовни Василія убіеннаго — дѣло возможное, хотя и очень рискованное. Польза этого открытія, какъ для графитнаго дѣла, такъ и для обитателей сѣвернаго края, была такъ очевидна, что я, какъ мнѣ казалось, имѣлъ бы вѣчный упрекъ на совѣсти, еслибъ не осуществилъ своихъ плановъ, поплатясь за это здоровьемъ и даже, можетъ быть, жизнью. Я очень хорошо понималъ, что другой кто-нибудь, менѣе знакомый съ мѣстностью, не скоро рѣшился бы обречь себя тяжелымъ

трудамъ и лишеніямъ, сопряженнымъ съ моимъ предпріятіемъ, еслибъ я отказался отъ нихъ. При этой мысли мнѣ казалось, что, отказавшись, я буду виновнымъ, что сѣверъ Сибири останется еще на нѣкоторое время въ своей тяжелой дремотѣ, или лучше—непробудномъ снѣ, въ которомъ онъ погруженъ нынѣ. Наконецъ признаюсь, мнѣ хотѣлось сдѣлать хотя одно истинно-полезное дѣло въ жизни и заслужить спасибо отъ благомыслящихъ людей. Проектъ мой объ открытіи водянаго пути не имѣлъ никакихъ осязательныхъ данныхъ къ убѣжденію въ своей удобоисполнимости, кромѣ однихъ голословныхъ доказательствъ. Къ трудностямъ моего новаго предпріятія необходимо прибавить и то, что инородцы, по многимъ причинамъ, всячески стараются сдѣлать родину свою недоступною для разслѣдованій, поэтому я предвидѣлъ, что, при желаніи моемъ пробудить сѣверъ къ новой, неизвѣстной ему доселѣ жизни, мнѣ придется бороться со многими препятствіями, которыя будутъ стараться изыскивать для меня предразсудки и невѣжественность дикарей.

Пріѣхавши въ февралѣ 1863 г. изъ г. Туруханска въ Тобольскъ, я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Помощника своего отправилъ въ Обдорскъ, для встрѣчи возвращавшейся туда изъ Туруханска, зимней экспедиціи и для найма подрядчиковъ на перевозку 20 т. п. графита къ Печорѣ, потому-что наемъ подрядчиковъ весною болѣе выгоденъ. Самъ же я отправился въ ахманайскія юрты, нанялъ людей для постройки шкуны и потомъ поѣхалъ на ирбитскую ярмарку для закупки нужныхъ для снабженія шкуны матеріаловъ. Окончивъ дѣла въ Ирбити, я подрядилъ торгующаго инородца Абназыра Коппанова Каліева перевезти кладь изъ Ирбити въ Ахманайскія юрты, и сверхъ того ему же передалъ заготовленіе муки, крупы и мяса для нагрузки шкуны, наемъ 9 человѣкъ рабочихъ изъ татаръ и проч. 10 марта я возвратился въ Тобольскъ.

Распорядившись такимъ образомъ, мнѣ оставалось только наблюдать за постройкой шкуны, исходатайствовать у тобольскаго начальства нѣкоторыя разрѣшенія, необходимыя для моей экспедиціи, и наконецъ нанять для шкуны матросовъ.

Явясь къ начальнику Тобольской губерніи, и изъяснивъ ему всѣ свои нужды, какъ при снаряженіи экспедиціи, такъ и при приведеніи ея въ исполненіе, я получилъ сначала приказаніе обовсемъ заявить формально, а въ самое непродолжительное время и полное удовлетвореніе по всѣмъ моимъ просьбамъ. Послѣ этого, я снова отправился въ Ахманайскія юрты наблюдать за постройкой шкуны. Тамъ пробылъ я до тѣхъ поръ, пока не сколотили днища и не укрѣпили киль, и затѣмъ, разъяснивши подрядчикамъ, что они должны дѣлать при дальнѣйшей постройкѣ шкуны, я отправился въ Златоустовскій заводъ, для заключенія контракта съ конторою оружейной фабрики Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, на поставку туда въ 18^{63}_{64} г. восьми тысячъ пудовъ графита. По заключеніи съ конторою контракта, чрезъ двадцать дней возвратился въ Тобольскъ, откуда поѣхалъ опять въ Ахманайскія юрты, наблюдать за окончаніемъ шкуны. Пріѣхавши туда, увидѣлъ, что постройка шкуны не подвинулась нисколько, потому-что уставщикъ работъ Суюбчакъ и съ нимъ 6 человѣкъ рабочихъ заболѣли тифомъ. Убѣдясь въ истинѣ этого несчастія, я вынужденъ былъ разослать повсюду людей, чтобъ искать мастеровъ для окончанія моей несчастной шкуны, назначая имъ цѣны за труды, какія только пожелаютъ. Черезъ нѣсколько дней мастера явились, работа пошла довольно успѣшно и 10 мая я спустилъ благополучно шкуну на воду и привелъ въ Тоболтуринскія юрты для поднятія на ней мачты и для нагрузки припасами, заготовленными моимъ коммисіонеромъ Каліевымъ. Въ Тоболтуринскихъ юртахъ стоялъ я недолго. 18 мая загорѣлся домъ моего коммисіонера Каліева и черезъ нѣсколько часовъ, вмѣстѣ съ десятью сосѣдственными домами, сгорѣлъ до основанія. Каліевъ потерялъ все: у него осталось только платье, въ которомъ онъ былъ. Съ потерей его была сопряжена и моя. На выданныя ему мною въ Ирбити деньги заготовлены были имъ для шкуны припасы и сдѣлались всѣ жертвой пламени. Эти несчастія и разныя препятствія при снаряженіи экспедиціи имѣли вредное вліяніе на мое здоровье.

Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, я продолжалъ окончательныя приготовленія и 4 іюня моя шкуна «Тазъ», распустивъ свой флагъ и паруса, была уже готова въ путешествіе по неизслѣдованнымъ доселѣ рѣкамъ и морямъ дальняго сѣвера. Передъ отплытіемъ моимъ изъ Тобольска, генералъ-адъютантъ Лутковскій, проѣздомъ, посѣтилъ этотъ городъ. Предпріятіе мое обратило на себя его вниманіе и я имѣлъ честь познакомиться съ генераломъ Лутковскимъ лично: его просвѣщенное участіе и поощреніе усилили мои желанія непремѣнно осуществить свои планы.

Итакъ обстоятельства сложились снова благопріятнымъ для меня образомъ; мнѣ оставалось—начать свое трудное странствованіе.

9 іюня мою шкуну посѣтили дорогіе для меня гости. Въ то время, какъ для освѣщенія ея былъ приглашенъ священникъ, нѣкоторые изъ тобольскихъ жителей, сочувствовавшихъ моему предпріятію, собрались на шкуну помолиться, вмѣстѣ со мной, за благополучный исходъ дѣла. Чистосердечныя желанія благополучнаго и удачнаго окончанія моего предпріятія давали мнѣ, такъ сказать, новыя силы къ предстоящему труду на пользу общую. Наконецъ шкуна тронулась, и съ берега слышались слова моихъ добрыхъ знакомыхъ: «Будьте счастливы, здоровы, благополучны и проч.». Мы вышли на средину Иртыша, голосовъ уже не было слышно, а только виднѣлись развѣвавшіеся платки, вѣтеръ крѣпчалъ и вскорѣ Тобольскъ скрылся отъ насъ.

Признаюсь, что радушные проводы людей, сочувствующихъ моему предпріятію и понимавшихъ пользу, какую оно можетъ принесть краю, произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе, неоставлявшее меня во все время плаванія.

Итакъ 9 іюня отправился я въ путь. Противные вѣтры и извилистое русло Иртыша замедляли мое плаваніе и я едва 28 іюня достигъ до села Саморова (въ 500 вер. отъ Тобольска). Иртышъ—одна изъ большихъ сибирскихъ рѣкъ; ширина и глубина его дѣлаютъ его очень удобнымъ для судоходства; теченіе его на $1^3/_4$ узла. Опасныхъ мѣстъ по

Иртышу нигдѣ нѣтъ, грунтъ земли иловатый, изрѣдка песчаный. Лѣвый берегъ Иртыша низменный, поросшій тальникомъ и богатый хорошими сѣнокосными лугами, правый же гористый и покрытъ густымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ ели, кедровъ, сосенъ и березъ. По берегамъ Иртыша расположены русскія и татарскія селенія, разбросанныя одно отъ другаго на 30 и болѣе верстъ; подъѣзжая къ Самарову, встрѣчаются заселенія и остяцкія. Прирѣчные жители занимаются преимущественно рыбными и звѣриными промыслами, а также собираніемъ кедровыхъ орѣховъ, мелочной торговлей и извозомъ. По Иртышу и берегамъ его, гдѣ только нѣтъ заселенія, мертвенная тишина, поражаютъ только дикость, однообразность, и необозримыя незаселенныя пространства, да изрѣдка попадаются пароходы, идущіе въ Томскъ и изъ Томска. Глядя на шумные и горделиво скользящіе по водѣ пароходы и сравнивая ихъ съ нашей тихой шкуной, у меня невольно рождалась мысль, что путь этихъ шумящихъ гордецовъ ограниченъ. они въ безопасности снуютъ между Тюменью и Томскомъ, тогда какъ наша смиренная шкуна идетъ далеко, на сѣверъ, въ страну почти неизвѣстную, и что на пути ее ожидаетъ, можетъ быть, много опасностей. Проѣзжая мимо деревень, пострадавшихъ отъ наводненія, тяжело было видѣть бѣдность ихъ жителей: они вездѣ встрѣчали меня печальными разсказами о своихъ несчастіяхъ и просили подаянія.

Но вотъ я миновалъ Иртышъ и 28 іюня выѣхалъ въ Обь. Обь очень широка, теченіе ея большею частію прямое, а крутые берега съ обрывами, съ нависшими надъ водою деревьями, придаютъ ей какую-то особенную картинность. На Оби и шкуна моя какъ будто бы повеселѣла; очень часто, распустивъ всѣ паруса, мчались мы съ такой быстротой, что берега, казалось, убѣгали отъ насъ. Широта рѣки давала шкунѣ полное раздолье и она, лавируя въ разныя стороны, пріучалась къ будущей борьбѣ съ морскими волнами. Матросы мои пріучались мало по малу управлять шкуною и исполняли свои обязанности довольно старательно. Кстати скажу нѣсколько словъ о своихъ матросахъ. Сна-

чала въ Тобольскѣ никто не хотѣлъ наниматься ко мнѣ, опасаясь дальняго и неизвѣстнаго пути. Видя, что рискую остаться безъ матросовъ, я принужденъ былъ испытать послѣднее средство. Послалъ одного изъ служащихъ у меня прикащиковъ искать рабочихъ по кабакамъ и объявлять имъ цѣны въ пять разъ дороже тѣхъ, какія даютъ имъ тобольскіе рыбаки. Мѣра эта оказалась дѣйствительною и въ теченіе 20 дней у меня было уже 16 человѣкъ рабочихъ. Ко мнѣ нанялись сапожники, столяры, шорники, кузнецы, плотники, портные, повара, кучера и проч. словомъ народъ все не простой, а ремесленный, но отставшій отъ работы, а отъ праздности, лѣни и пьянства дошедшій до нищеты. Выдавъ имъ задатки, заплативъ за нихъ подати и одѣвъ ихъ съ головы до ногъ, я передалъ всѣхъ ихъ наблюденію полиціи, члены которой были такъ обязательны, что согласились принять ихъ подъ свой надзоръ до 10 іюня. Много хлопотъ мнѣ было съ моими рабочими: всѣ они были большіе любители водки, которая часто доводила ихъ до наготы, въ полномъ значеніи этого слова, и я принужденъ былъ по нѣскольку разъ одѣвать ихъ. Когда наступило время моего отъѣзда, то полиція, по просьбѣ моей, за два дня собрала ихъ на шкуну и держала подъ строгимъ карауломъ до самаго ухода шкуны изъ Тобольска. Во время плаванія по Иртышу самодѣльные матросы мои ознакомились съ названіями парусовъ и снастей, пріучились лазить по канатамъ и на мачту, словомъ до того научились обращаться со шкуной, что вышедши на Обь, можно уже было командовать ими безъ особенныхъ затрудненій. Сильные вѣтры имѣли тоже вліяніе на образованіе моихъ матросовъ, потому что они убѣдились на опытѣ, что спасеніе отъ непогоды зависитъ отъ тщательнаго исполненія матросами своихъ обязанностей. Словомъ я былъ доволенъ своими людьми; пьянство на шкунѣ было невозможно и они, волей-неволей, сдѣлались усердными и расторопными. Къ этому должно прибавить, что, сдѣлавшись по нуждѣ матросами, они не оставляли своихъ ремеслъ и, на досугѣ отъ работъ на шкунѣ, каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ. Такимъ об-

разомъ, я смѣло могу сказать, что пословица «бѣда если сапоги начнетъ тачать пирожникъ, а пироги печь сапожникъ» не всегда примѣнима.

Водяной путь по Оби, отъ Самарова до Обдорска не представляетъ рѣшительно никакихъ затрудненій. Рѣдко можно найти рѣку съ подобнымъ фарватеромъ. Теченіе ея по прямымъ плесамъ $1^1/_2$ узла, а глубины, на разстояніи 1.500 верстъ, менѣе трехъ съ половиной саженъ я не встрѣчалъ. Берега Оби имѣютъ общій характеръ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ, т. е. правый берегъ возвышенный и лѣсистый, а лѣвый болѣе пологій и луговой. По правому берегу разстилаются густые кедровые лѣса; на кое-гдѣ разбросанныхъ островахъ тоже виднѣются кедровые лѣса и индѣ небольшія заселенія. Картины лѣсовъ и маленькихъ заселеній довольно живописны, и остяки, снующіе тамъ и сямъ въ своихъ вѣткахъ (маленькихъ лодкахъ) придаютъ имъ нѣкоторую жизненность.

Грустно смотрѣть на Обь и на страну ею обмываемую и видѣть, что человѣкъ не хочетъ воспользоваться богатствами, такъ щедро здѣсь разсыпанными. Ясное доказательство этого—малонаселенность и отсутствіе всякой дѣятельности. Обь для многихъ настоящая мать. Сотни тысячъ людей, даже за предѣлами ея, кормятся ея рыбою; природные жители береговъ ея, остяки и самоѣды, изъ которыхъ большая часть не ведутъ осѣдлой жизни, до настоящаго времени трудятся только для дневнаго пропитанія, о будущемъ и не думаютъ; причина такой безпечности явно кроется въ неисчерпаемомъ богатствѣ сѣверной природы. Въ паралель съ Обью, на сѣверѣ съ лѣвой стороны лежатъ Уральскія горы, вершины которыхъ видны съ Оби во время плаванія. Въ Обь впадаетъ множество рѣчекъ судоходныхъ, вытекающихъ изъ Урала. Слѣдовательно мѣстности, проходящія чрезъ Обь и Уралъ, могутъ послужить для предпріимчивыхъ людей источниками богатствъ при розысканіи въ нихъ разныхъ металловъ и минераловъ. Одинъ изъ такихъ людей, именно Курганскій купецъ Ѳ. В. Шишкинъ доказалъ уже нѣсколькими попытками о существованіи золота въ этой мѣстности Урала. Въ

настоящее время находятся уже соревнователи г. Шишкину и есть надежда, что кто-нибудь изъ нихъ будетъ счастливѣе г. Шишкина и найдетъ золото въ содержаніи возможномъ для разработки въ этомъ отдаленномъ и холодномъ краѣ.

Наконецъ, послѣ благополучнаго плаванія, 10 іюля я прибылъ въ Обдорскъ, который я избралъ для своего мѣстопребыванія, какъ центръ между Туруханскомъ и Печорскимъ портомъ, отстоящими одинъ отъ другаго на 2.500 верстъ. Выгрузивъ все, что предназначалось собственно для Обдорска, снарядивъ еще другое небольшое судно подъ управленіемъ осьми человѣкъ инородцевъ, и пріискавъ подрядчиковъ для перевозки въ зимнее время графита съ р. Таза на Печору, 17 Іюля я отправился съ вожатымъ, остяцкимъ старшиною Юріемъ Ранымовымъ въ дальнѣйшій путь. Изъ Обдорска провожалъ меня тамошній участковый засѣдатель г. Мицкевичъ. Готовность помочь моей экспедиціи и предусмотрительность въ распоряженіяхъ г. Мицкевича были такъ велики и важны для меня, что до юртъ Хэ, чрезъ самыя опасныя мѣста Обской губы, дошелъ я безъ малѣйшаго затрудненія, потому-что на опасныхъ мѣстахъ вездѣ разставлены были вѣхи. Остяки, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ, не только съ полной готовностью услужить, указывали намъ фарватеръ, но даже добровольно принимались за матросскія работы. Ихъ очень забавляла моя шкуна, конструкцію которой они видѣли едвали не въ первый разъ. Они лазили на вершину мачты и спускались оттуда по канату съ довольно большой ловкостью. Эта ловкость остяковъ поселила во мнѣ убѣжденіе, что изъ нихъ можно образовать отличныхъ моряковъ. Убѣжденіе это укрѣпилялось во мнѣ еще болѣе, когда остяки и самоѣды, бывшіе въ рабочихъ на маленькомъ моемъ суднѣ, переходили на большое и принимались за матросскія работы. Они были гораздо дѣльнѣе и проворнѣе русскихъ; смѣтливость ихъ удивляла меня, также какъ и любознательность. Я познакомилъ ихъ съ компасомъ, подзорной трубой, термометромъ, барометромъ, секстантомъ и проч. Все слышанное отъ меня они очень скоро усвоивали и хорошо по-

мнили, такъ-что каждому вновь приходящему посѣтителю моей шкуны передавали все съ величайшей подробностію. Способность сѣверныхъ инородцевъ къ жизни на морѣ нѣсколько разъ наводила меня на мысль о томъ, какъ бы улучшилось ихъ положеніе при развитіи мореплаванія на сѣверѣ. Такъ какъ правительство видимо заботится объ улучшеніи быта сѣверныхъ инородцевъ и о распространеніи между ними грамотности, то, мнѣ кажется, было бы полезно въ училищѣ, имѣющемъ учредиться въ Обдорскѣ, ввести нѣкоторыя науки, необходимыя для мореплаванія и морской промышленности. Тогда морскіе промысла, нетронутые на сѣверѣ Сибири доселѣ никѣмъ, обогатили бы инородцевъ и вполнѣ обезпечили бы бытъ ихъ, а морское образованіе привязывало бы ихъ къ родинѣ и не заставляло бы чуждаться ея, какъ это замѣтно теперь въ каждомъ сколько-нибудь учившемся инородцѣ.

Обская губа начинается съ того мѣста, гдѣ рѣка Обь раздѣляется на два русла: правое,—большую Обь и лѣвое—Хаменельскую Обь. Теченіе здѣсь на пол-узла на ширинѣ 100 верстъ. Безчисленное множество подводныхъ мелей, салмъ *) и острововъ представляютъ много трудностей для плавателя. Но я этого не испыталъ. Вожатый мой, старшина Юрій Ранымовъ провелъ меня чрезъ всѣ эти мѣста очень удачно и подробно объяснилъ мнѣ: гдѣ и какія препятствія можно было встрѣтить. Опишу мое плаваніе. Отъ праваго берега устья Оби я пошелъ сначала къ мысу на островѣ Яри. Проѣхавъ его и дошедши до острова Напги, повернулъ налѣво къ мысу на островѣ Надылово. Затѣмъ подлѣ праваго берега этого острова я плылъ до юрть Сахвельтопугольскихъ. Оттуда уже держалъ прямо на югъ и, не доѣзжая острова Юмзина, повернулъ налѣво, къ востоку и вошелъ въ узкую, но глубокую Мохтаскую Обь. По Мохтаской Оби дошелъ я до юртъ Мохтасковыхъ; оттуда держалъ на юго-востокъ и вышелъ сѣвернѣе рѣки Кутыньюгана на правый берегъ Об-

*) Салма есть глубокая широкая яма на мелях Обской губы.

ской губы. Придерживаясь этого берега и минуя юрты Ярсынги, дошелъ я наконецъ до юртъ Хэ, къ мысу Орнелъ, а оттуда, возлѣ берега, до рѣчки Сугу. Тутъ окончилось самое опасное плаваніе по Обской губѣ и предстоялъ новый отважный трудъ перевалиться чрезъ устье р. Надыма, во сто верстъ въ ширину, на тотъ же правый берегъ Обской губы, который съ устья Надыма уже поворачивается къ сѣверу.

Сильный сѣверо-западный вѣтеръ не дозволялъ мнѣ рѣшиться на эту перевалку, а незнаніе фарватера ставило меня въ совершенное затрудненіе. Поэтому я остановился на рейдѣ и сталъ дѣлать соображенія: какъ бы приступить къ этому трудному дѣлу. Съ вожатымъ моимъ Ронымовымъ я долженъ былъ здѣсь разстаться. Онъ не зналъ мѣстности и отказывался вести меня далѣе. Когда, при прощаньи, я предложилъ ему денежное вознагражденіе за труды его, онъ оскорбился и отказался на-отрѣзъ принять что-либо, просилъ только дать къ засѣдателю бумагу, удостовѣряющую, что онъ благополучно довелъ меня до р. Сугу. Разумѣется, я съ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе. Спустя часа два послѣ отъѣзда Ронымова, пріѣхалъ ко мнѣ новый вожатый, надымскій старшина Тялько. Вмѣсто того, чтобъ ободрить меня онъ сталъ доказывать, что прямо на сѣверо-востокъ чрезъ Надымское устье перевалить невозможно и что тамъ безчисленное множество мелей. Затѣмъ онъ предлагалъ мнѣ другой путь, именно: сначала плыть противъ теченія Надыма, возлѣ лѣваго его берега до первыхъ острововъ, потомъ обогнувъ эти острова, выйти къ мысу Наре, на правый берегъ Надыма, а оттуда въ Обскую губу, прибавляя, что другаго пути онъ не знаетъ и сѣвернѣе мыса Наре не бывалъ. Изъ разсказовъ Тялько я увидѣлъ все неудобство указываемаго имъ пути и потому прибѣгъ къ Меркаторской картѣ. На ней курсъ плаванія назначенъ былъ отъ мыса Жертвы прямо на мысъ Ледензи, при глубинѣ отъ 3 до 4 саженъ. По повѣркѣ же этого пути на дѣлѣ оказалось совершенно не то: безпрестанныя мели на полутора футовой глубинѣ доказали совершенную невозможность плаванія по оному. Оставалось приняться за изслѣдованія самому. Разыскивая фарватеръ на сѣверъ отъ

моей стоянки; я нашелъ, что глубина Обской губы отъ устья р. Надыма къ сѣверу постепенно увеличивалась и доходила до 21 фута. Это открытіе заставило меня рѣшиться на перевалку чрезъ устье Надыма, держа курсъ плаванія отъ мыса Жертвы къ мысу Ныдскому. Когда я сказалъ вожатому моему Тялько объ избранномъ мною пути, то онъ затрепеталъ отъ страха и началъ проситься отпустить его домой. Видя его испугъ, я приказалъ его ободрить стаканомъ вина. Средство мое подѣйствовало и Тялько сталъ смѣлѣе. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, что если я стану держаться принятаго мною направленія, то выйду прямо къ рѣкѣ Ныды. Дѣлаясь болѣе и болѣе смѣлымъ, Тялько сказалъ мнѣ наконецъ, что онъ бывалъ и на Ныдѣ и что тамъ кочуютъ инородцы его вѣдѣнія, но не знаетъ—можно ли безопасно пройти по предположенному мною пути, потому-что никто изъ инородцевъ не переплывалъ такого большаго пространства въ своихъ маленькихъ лодкахъ. Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнился западнѣе; принявъ это не иначе какъ за милость Божію къ моему предпріятію, я ободрился и рѣшился дѣйствовать не теряя времени. Меньшее судно я приказалъ взять на буксиръ, поднялъ паруса и отправился въ путь. Перевозка началась въ 5 часовъ утра 27 іюля. Въ 10 часовъ я не видѣлъ уже береговъ, постепенно усилившійся юго-западный вѣтеръ мчалъ меня съ необыкновенною быстротою.—Бросаемый лотъ измѣрялъ быстроту моей шкуны отъ 6 до 7 узловъ въ часъ. Голоса матросовъ, стоявшихъ на лотѣ и кричавшихъ: 14 фут., 15 фут., 16 фут. и 19 фут., успокоивали меня насчетъ надлежащей глубины. Въ это время я, на радости, подозвалъ къ себѣ Тялько, далъ ему стаканъ водки и спросилъ: нравится ли ему ѣздить на шкунѣ? Тялько отвѣчалъ, что мы ѣдемъ очень скоро и ему дѣлается что-то страшно и потому просилъ подать ему еще стаканъ водки. Когда просьба его была исполнена, Тялько повеселѣлъ и подъ свистъ вѣтра сталъ напѣвать какую-то пѣсню. Матросы-инородцы тотчасъ же усѣлись вокругъ него на палубѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ прислушивались къ его пѣнію. Я спросилъ у матросовъ-инородцевъ, что такое поетъ Таль-

8270

Центральный Морской Библиотека РКВМФ СССР

ко. Они отвѣчали мнѣ, что онъ разсказываетъ былину о Надымской странѣ. Я позвалъ толмача и услышалъ слѣдующій переводъ слово въ слово:

Око, око хае ири, ири совой та, сыри. Тамаленгана нарсансалена теда няута хару, Тамаленгона неро нэувы. Нэумиръ баергадась саленгарда хеуна хазуанъ харта ервона елевы, хабиеру хеуна. Луце понгона тамаленгана парауда ейга серъ не. А тюки нена танясь око татебе, пуда нэдаптадась тюки татебена яитингана, номдачь емня хунена хази іелесптысамеа хазу о пенгана таня іи гылына, я мюмне. Тюки татебена сари тэуы венекона няды няю. Тюки татебена ядермы яняу няю хазуо понэна, Маньпяни табеда ибись сыри силчь, тюки симня омгари потелимку іенемалена эдаранмбидась иккана, тада пуны патамбидась падеркана пякочена. Пуда синна хоробтадась, хуне хурка янгеу хаида маня омге сятня еюрельпида, хунепы амгы якучи таремъ пуда ядовы надлью баернадась гаобтенаяняю. Миль таялъ піусъ, мани сесна хаясь мань мадомъ ями малъ номдагуда маеи тына талярэ пянгуда тына тараню хадабіучь пуда Емня соммолянъ ты опной хадамъ. Хазейня обсеръ ты оурнадась ябѣ іи баернадась тазей хунагы няря іи нэувы. Тюки Ненчею арка татебе Неувы не-

Много, много прошло лунъ, а съ ними и лѣтъ и зимъ. Въ то время на мысу Жертвы нынѣшнія толстыя лиственицы были кустарниками, ясакъ собирали не въ Обдорскѣ и самоѣды управлялись своими родоначальниками, а не остяцкимъ княземъ. У русскихъ была тогда ханомъ бѣлая женщина; у этой женщины было много знахарей и она посылала ихъ вездѣ, чтобъ узнать, гдѣ кочуютъ самоѣды и что у нихъ есть въ водѣ и на землѣ. Вотъ эти знахари пріѣхали зимою, на собакахъ и въ Надымское мѣсто. Они ѣздили по Обской губѣ въ самоѣдской одеждѣ, приказывали намъ рубить проруби и въ проруби на питкѣ пускали что-то въ воду, и потомъ писали на бумагѣ деревянной палочкой. Они разспрашивали насъ: куда какой берегъ поворачивается, гдѣ какая рѣчка, и такъ шли и ѣхали далеко къ морю. Но самоѣды имъ правды не говорили, боясь, чтобъ они, узнавши мѣста въ тундрѣ, не захватили оленей, которыхъ и безъ того убивали имъ каждый день по пяти на пищу. Да и самоѣды съ ними ѣли оленей и пили вино ихъ желтое и красное. Эти люди были большіе зна-

най іидъ ябеіи сертабедась, тюки аккама хазей нерпидась. Хазей арконо пюлидась, хурка амгары мятерцана поіебись. Хуптэ, хупте пуда унгина іэмь, хазена сей пеялмы татебена татебернась хэна хороптабедась. Луцэ сія танамта, тюки еккана ингупта. Татебе пеизяръ ладабидась, харта пудомда маттедедась моттургада. Темаленгана Ортикъ хэ таремъ мамы, тада пуны соо вона еленгуда ода юръ ты хададе Нядинъ салена, тюки вади пуны лано вонда серъ хази юръ ты хадида. Тюки маленгана, тюки Нядинъ-сале. Нарасан-симга нюмдеда, тада пуны тенда темаленгуна татебе табеда ванда ееръ. Элеттъ ты хадабю. Тюки сале тенда лэтабида. Харта нина геуна хибири багрнась няды я науна модась, пуды низи гиедерамбидась та лирче баергада, сыри серъ плыбида тюки хеуна арка хади баернась, хартанина темамнгина харовита теда ядерептвода алігарти восво ну ніухомбида тада пуны тюки табедавы хидачь тына хаберта луце еркарада ніуядерциды. Тякуна мани мамыу луце тапибена емгурцъ пяга хуне ныда хесига. Тада пуны луцена таромдайду, тюки силена хари: изъ воды дѣлали вино *) и имъ поили самоѣдовъ. Самоѣды очень боялись ихъ и давали имъ разные подарки. Долго, долго, они жили въ тундрѣ и самоѣдамъ сдѣлалось страшно. Шаманы ворожили имъ и спрашивали шайтановъ, — слѣдуетъ ли обманывать русскихъ и будетъ ли имъ отъ этого хорошо. Шаманы били въ бубенъ, рѣзали и кололи свое тѣло. — Тогда Ортикъ **) сказалъ имъ, что они будутъ счастливы, если принесутъ въ жертву сто оленей на Надымскомъ мысу. — Жертва была принесена, и мысъ съ того времени названъ мысомъ Жертвы, каковыя приносятся на немъ и понынѣ. Этотъ мысъ караулитъ и кто бы ни пытался проѣхать чрезъ Надымское устье въ самоѣдскія тундры, онъ не пускалъ, подымая лѣтомъ сильные вѣтры, а зимой снѣжные бураны. Самоѣды же ѣздили, но вѣтровъ и бурь никогда не видали. Съ того времени никто чужой не въѣзжалъ въ тундры, и русскіе знахари стали хворать и умирать. Но когда русскіе узнали силу мыса Жертвы, то стали заѣзжать въ Надымскую сторону съ рѣки Полуя. И Ортикъ наказалъ самоѣдовъ, что

*) Вѣроятно пуншъ.

**) Обожаемый идолъ на р. Харовѣ. Ортикъ—остяцкое слово, въ переводѣ сынъ луны; у нихъ самый старшій идолъ называется Мастерко, потомъ младшій Ортикъ, послѣ Ялманъ.

ны, ядерцъ пяйду няды я няю. Ортикъ хэ неизими тюки екка-на амгы нидиеертайду ларь яги геуна абтерче пуехару хазаль-мы, вынъ пя сялмы. Ты хась пяйду унзе опойтена илибемалъ, Тюки хауы тыда хазу о уни-оурга, хупены неначь омда тю-ки неначь хангу. Тюки нерня терге серъ янгусь ты хаситы, тюки еккана Ортикъ хэ таран-харуась хазуо оурманда емни лазуана малъ вой еле пяйду елибе сялмы, ты малъ янгума нарсана хада ты янгумы. Ха-зина луцени хеувы, лузма мем-зераць пяйду. Нянь омць пяйду, опой Нумъ няго геува хаура пяй-ду. Хабіеру ерва хазей ервоги хаѣ сно елена хазуо янгума хи-берта вой елена, хазуо ніу лу-лимбида. Хазуо теда талибида тамаленгина ты унзе толиби..... ги ги ги ги ги ги.

они не поставили ему мыса Жерт-вы съ полуйской стороны. Лист-венницы стали сохнуть, тундры сдѣлались голыми. Олени стали дохнуть не поодиначкѣ, а ста-дами. И дохлыхъ оленей не ѣли самоѣды,—кто поѣсть, тотъ ум-ретъ. А прежде такъ не было. Олень издыхалъ, потому-что Ор-тикъ хотѣлъ, чтобъ самоѣдъ съѣлъ его. Самоѣды обѣднѣли, не ста-ло у нихъ оленей на жертву. Самоѣды стали дѣлаться рус-скими, наниматься къ нимъ въ работы, ѣсть хлѣбъ и покло-няться одному Богу, а остяцкій князь сдѣлался самоѣдскимъ княземъ. Богатыхъ самоѣдовъ не стало; не кому теперь кор-мить бѣдныхъ. Самоѣды нынѣ считаютъ оленей, а прежде и счету имъ не знали. Кожъ олень-ихъ не продавали, а отдавали бѣднымъ на одежду. Теперь про-даютъ кожи русскимъ за вино. А вино вкуснѣе мяса: какъ напьешься, такъ и разбогатѣешь. У тебя вдругъ появится много оленей и дѣлаешься купцомъ. А какъ проснешься, такъ узнаешь, что бѣденъ и что пропилъ по-слѣдняго оленя.

Эту былину Тялько разсказывалъ на-распѣвъ, почти всю ночь.

28 іюля, въ шестомъ часу утра мы увидѣли синѣющій-ся вдали мысъ. Когда мы подошли ближе къ этому мысу, то изъ воды выказались еще два мыса и одинъ изъ нихъ, по словамъ Тялько, былъ Ныдскій. Я направилъ шкуну

свою на этотъ мысъ и въ 6 часовъ по полудни мы благополучно достигли его. Бросивъ якорь, первымъ дѣломъ нашимъ было возблагодарить Бога, что онъ дозволилъ нашему маленькому судну благополучно проплыть такое большое пространство въ открытомъ морѣ. Матросы вышли на берегъ и занялись кто ловлей рыбы, кто сбираньемъ ягодъ морошки, растущей здѣсь въ большомъ количествѣ. Между тѣмъ я послалъ прикащика своего Мамѣева для розысканія пастуха съ оленями, который, по разсчету времени, въ концѣ іюля долженъ быть со стадомъ на р. Ныдѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ стадо было розыскано и выгнано къ берегу для повѣрки числа оленей. По повѣркѣ, я приказалъ пастуху подвигаться со стадомъ далѣе къ р. Тазу.

29 іюля погода была ясная и стоялъ штиль. Этотъ день я хотѣлъ посвятить работѣ и занялся опредѣленіемъ с. ш. мѣста при р. Ныдѣ и, сдѣлавъ съемку праваго берега Обской губы, положилъ ее на карту. Температура 27 іюля у мыса Жертвы была +12° по Реом., по мѣрѣ же приближенія нашего къ сѣверу, пониженіе температуры было очень рѣзкое. При совершенно тихой погодѣ, въ мѣстѣ нашей стоянки, при Ныдѣ, 29 іюля утромъ въ 4 часа было +8°, въ 12 часовъ дня +10°, а въ 12 часовъ ночи +6°. Отъ мыса Орнелъ замѣчается уже постепенное умньшеніе растительности. У мыса Наро замѣтно еще небольшое количество лиственичнаго лѣса, у Надымскаго уже гораздо менѣе, далѣе же къ сѣверу лѣсъ совершенно исчезаетъ. Виднѣются только голые берега и тундры, покрытыя въ низменныхъ мѣстахъ небольшою травою, а въ высокихъ оленьимъ мхомъ. Фарватеръ Обской губы отъ р. Сугу до р. Ныды глубиною отъ 14 до 17 футовъ, вездѣ ровный, песчаный, съ тиной. Правый берегъ ея довольно возвышенъ, лѣваго же берега, по причинѣ дальняго разстоянія, видно не было. Здѣсь я распрощался съ моимъ вожатымъ Тялько, другаго вожатаго для дальнѣйшаго слѣдованія я пріискать уже не могъ. Кочующіе у р. Ныды самоѣды отозвались незнаніемъ мѣстности и я долженъ былъ отправиться далѣе безъ вожатаго, предавая себя вполнѣ волѣ Божіей. По Меркаторской картѣ 1734 г., посланной мнѣ для

руководства, я никакъ не могъ держать курсъ плаванія. Она оказалась совершенно неправильною,—вѣроятно ее составляли тѣ знахари, о которыхъ разсказывалъ вожатый мой Тялько.

Въ шестомъ часу вечера подулъ небольшой западный вѣтеръ, я снялся съ якоря и пустился далѣе въ путь. Ныдскій и Осетровый мысы мы миновали благополучно; но послѣ этого вѣтеръ опять затихъ и мы принуждены были стоять на рейдѣ до 1 августа. Недостатокъ рыбы вызвалъ у матросовъ желаніе отправиться на берегъ съ неводомъ и попробовать счастья. Неводъ былъ саженъ въ тридцать. Въ первую же тоню поймано было шесть осетровъ. Эта удачная ловля такъ разохотила матросовъ, что съ тѣхъ поръ, впродолженіе всего пути до устья р. Таза, осетрина не сходила со стола ихъ; они ѣли ее и вареную, и сырую, и соленую. Однимъ словомъ, вездѣ по нашей дорогѣ былъ такой обильный уловъ рыбы, что еслибъ у насъ былъ большой запасъ соли, то изъ этой ловли можно бы сдѣлать небольшую спекуляцію. Этотъ же недостатокъ соли и заставлялъ матросовъ ѣсть осетрину свѣжую. Такъ какъ рыба ловилась, по мѣрѣ надобности, къ столу, то матросы, часто смѣясь другъ съ другомъ, говорили: «А что, г. поваръ, осетрины на варю хватитъ, али нѣтъ? если нѣтъ, то мы сейчасъ пойдемъ въ свой садокъ и принесемъ осетриковъ, сколько вашей милости потребуется. Вотъ-то ихъ здѣсь благодать какая, столько же, какъ и воды! Вѣрно потому здѣсь много воды и осетровъ, что некому здѣсь воду пить и осетровъ ѣсть.» Такое мнѣніе составили мои матросы о богатствѣ здѣшняго осетроваго промысла. Но вскорѣ появлявшіеся довольно часто на Обской губѣ большими табунами дельфины (бѣлухи) убѣдили матросовъ, что и безъ нихъ есть кому ѣсть рыбу. Присутствіе дельфиновъ объясняетъ обиліе рыбы у береговъ. Дельфины, преслѣдуя рыбу по срединѣ губы, отгоняютъ ее къ берегамъ и тутъ, по мелководью, не могутъ уже далѣе гнаться за ней. Рыба же, найдя у берега затоны и безопасность отъ дельфиновъ, успокоивается и плыветъ далѣе уже возлѣ береговъ. Постоянные лунные приливы и отливы, дѣлающіеся болѣе замѣтными отъ р. Ныды къ

сѣверу, сбивая путь рыбы, производили слѣдующее явленіе. Въ противность закона природы, заставляющаго рыбу плавать, для ловли корму, противъ воды, она, придерживаясь теченія приливовъ и плавая взадъ и впередъ, оставалась почти на мѣстѣ. Постоянные сѣверные вѣтры имѣютъ большое вліяніе на приливы въ Обской губѣ. Отъ нихъ вода подымается надъ обыкновеннымъ уровнемъ до 12 фут., отливы же въ то время дѣлаются почти незамѣтны и увеличиваются только по мѣрѣ затиханія вѣтра. Самоѣды называютъ приливы вѣтреной водой, т. е. водой, приносимой вѣтромъ.

Съ 1 по 7 августа плаваніе мое не имѣло ничего особеннаго. Погода была перемѣнная, Утреннiе туманы усиливались и температура понизилась до +4° по Реомюру.

Путь свой я держалъ съ мыса на мысъ и, подъѣзжая къ каждому изъ нихъ, давалъ имъ названія. Отъ Осетроваго мыса, минуя мысы Досады, Преображенья и Послѣдній, добрался я до Круглаго мыса. Здѣсь юго-восточный вѣтеръ побезпокоилъ меня, сорвалъ шкуну съ якоря и унесъ, черезъ Тазовскую губу, на правый берегъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что держаться на якорѣ не было никакой возможности. Минуя Тазовскую губу, меня понесло, вдоль праваго берега, по Обской губѣ, прямо къ сѣверу, хотя я не имѣлъ никакого желанія познакомиться съ Ледовидымъ моремъ и его бѣлыми медвѣдями и моржами. Это невольное путешествіе продолжалось съ 4-хъ часовъ утра до 9 часовъ вечера. Послѣ этого вѣтеръ утихъ и я, пользуясь луннымъ приливомъ, возвратился опять въ Тазовскую губу. Но справедлива пословица, что нѣтъ зла безъ добра. Вѣтеръ уносилъ меня, какъ я полагаю, подъ 72° с. ш., хотя при облачной погодѣ я не могъ сдѣлать точныхъ наблюденій, но близость Ледовитаго моря доказывалась появленіемъ моржей, морскихъ зайцевъ и тюленей, и даже вода при приливѣ не имѣла обыкновеннаго прѣснаго вкуса. Между тѣмъ я удостовѣрился, что въ той мѣстности, куда доходила моя шкуна и дальше оной, сколько только можно было усмотрѣть въ зрительную трубу съ высоты мачты, сплошнаго и плавающаго льда въ Обской губѣ вовсе не было.

Тазовская губа гораздо уже и мельче Обской. Лѣвый берегъ возвышенный, а правый низменный, а фарватеръ, глубиною отъ 8 до 14 футовъ, лежитъ почти по срединѣ губы, въ виду береговъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго верстъ на 50. Почва фарватера иловатая и индѣ песчаная. Ближе къ устью р. Таза есть на ней и острова. Берега губы покрыты мхомъ и нигдѣ не видно почти никакой растительности. Изрѣдка только виднѣются на низменныхъ мѣстахъ небольшіе, но густые кусты маленькой искривленной березки и тальника; волнистые холмы и песцовыя норы дополняютъ картину этой пустынной страны. Тазовская губа образуется изъ сліянія двухъ большихъ рѣкъ Пура и Таза, раздѣленныхъ отчасти возвышенною горою, оканчивающеюся вдавшимся въ губу мысомъ Нарсан-Сале. Въ устье р. Пура съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Яловая, а съ правой, у устья р. Таза, тремя устьями рѣчки Мяцо и Хорута. На устьѣ рѣкъ Пура и Таза есть множество острововъ, съ безрыбными озерами, куда самоѣды впускаютъ добытыхъ ими осетровъ; острова эти покрыты очень густымъ, но небольшимъ тальникомъ. На нихъ цѣлое царство дикихъ гусей и утокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ здѣсь такъ много, что, кажется, они слетѣлись съ цѣлой Азіи. Проѣзжая Тазовскую губу, первыхъ самоѣдовъ встрѣтили мы у мыса Кочующій. Шкуна была на довольно большомъ разстояніи отъ этого мыса, но самоѣды, замѣтивъ насъ, тотчасъ же усѣлись въ свои небольшія лодки и подплыли къ намъ. Трудно описать ихъ радость и удивленіе при осмотрѣ моей шкуны и, въ особенности, когда они встрѣтили на ней матросовъ, такихъ же самоѣдовъ, какъ и они сами. Отъ гостей своихъ я узналъ, что устье р. Таза уже недалеко. При извѣстіи объ этомъ радость овладѣла моими матросами; мы бросили якорь и, принарядивъ свою наружность, ударили въ колоколъ къ молитвѣ. Поблагодаривъ Создателя за сохраненіе во время пути и за то, что, миновавъ всѣ трудности, увидѣли себя снова между людьми, матросы мои усердно поздравляли меня съ успѣшнымъ и скорымъ окончаніемъ дѣла. Тутъ пошло у насъ угощеніе гостей, вѣстниковъ нашего счастія, и самихъ хозяевъ. Пѣсни матросовъ, сопровождаемыя барабана-

Пиръ на шкунѣ "Тазъ,, близъ мыса Кочующій въ Тазовской губѣ.

ми, гармоникой, бандурою и разнаго рода побрякушками, привели самоѣдовъ въ восторгъ. Подвеселѣвшіе матросы пустились въ пляску и отъ ихъ лихаго казачка эадрожала и затрещала шкуна. Пляска, пѣсни, посвистыванья, стрѣльба изъ штуцеровъ и громогласное «ура»! сливались въ одинъ какой-то радостный гулъ. Мои подстреканья: «валяй, ребята, веселись»! возбудили въ смѣльчакахъ моихъ еще бо́льшую охоту къ веселости и такъ симпатически подѣйствовали на нашихъ гостей-самоѣдовъ, что и они, въ своемъ рубищѣ, босикомъ, на тоненькихъ ножкахъ, тоже пустились отплясывать трепака. Наконецъ ударили въ колоколъ па отдыхъ,—все затихло и черезъ нѣсколько минутъ всѣ покоились крѣпкимъ сномъ. Это празднованіе наше происходило 12 августа, въ 9 часу вечера. Когда все уснуло кругомъ, я остался одинъ на ночной вахтѣ. Измѣряя палубу взадъ и впередъ неровными шагами, я находился въ такомъ тревожномъ состояніи, что не зналъ, что съ собою и дѣлать—разныя радостныя мысли роями толпились въ моей головѣ; такъ я провелъ всю ночь. Часу въ 4-мъ утра шкуна моя проснулась и снова начались поздравленія меня со скорымъ достиженіемъ желаемаго. Поблагодаривъ всѣхъ и каждаго за ихъ усердные труды, я послалъ два катера,—одинъ осмотрѣть Пурскіе острова и разузнать какіе тамъ живутъ инородцы, о существованіи которыхъ мы извѣстились отъ нашихъ гостей, а другой—измѣрять фарватеръ по направленію къ устью р. Таза. Самъ же легъ спать. Черезъ нѣсколько часовъ катера мои возвратились и съ ними наѣхало множество самоѣдовъ съ разныхъ острововъ Обдорскаго и Туруханскаго отдѣленій. Лоцманъ сказалъ мнѣ, что на одномъ изъ острововъ, названныхъ мною «Находка», онъ нашелъ остяковъ Вульнастинскаго рода, которые не видали никогда русскихъ, не записаны въ ревизію и не платили никогда ясака и повинностей, и что остяки эти пріѣхали повидаться со мной. Увидѣвъ ихъ, я сталъ внушать имъ, что они нехорошо дѣлаютъ, что по настоящее время остаются неизвѣстными правительству. Я убѣждалъ ихъ подчиниться законной власти. Недавніе примѣры строгихъ наказа́ній надъ самоѣдами Ваули, Папи,

Садомы и другими за грабежи, буйства, разбои и неповиновеніе властямъ не имѣли почти никакого нравственнаго вліянія на этихъ дикихъ дѣтей природы. Внушенія же мои видимо на нихъ подѣйствовали. Не говоря ни слова, отправились они на свой островъ и, возвратясь оттуда, привезли трехъ лисицъ въ ясакъ за три года. Сверхъ сего привезли съ собой рыбьяго жиру и ворвани для продажи, съ тѣмъ, чтобъ заплатить за себя и повинности. Желая помочь имъ, я все это купилъ у нихъ и далъ имъ, по желанію, денегъ, табаку, ржаной муки и холста. Получивши все, деньги 17 р. 50 к. они мнѣ возвратили, поясняя при этомъ: «царскія деньги отдай царю на повинности». При этомъ они дали мнѣ слово, что будутъ каждый годъ сами пріѣзжать для положенія ясака въ Обдорскъ. Полученный мною ясакъ и деньги, съ поясненіемъ всего въ особой запискѣ, я отослалъ, по возвращеніи въ Обдорскъ, къ обдорскому засѣдателю для представленія въ казну.

Инородцы Туруханскаго отдѣленія стали упрашивать меня, чтобъ ихъ перевести съ острова на устье р. Таза, потому-что они въ своихъ маленькихъ лодкахъ не смѣютъ съ семьями пуститься чрезъ такое далекое разстояніе. Они объяснили мнѣ, что если они останутся на островахъ и за ними не пріѣдетъ никто изъ самоѣдовъ (что бываетъ очень нерѣдко), то, не имѣя теплой одежды и дровъ, при наступающихъ холодахъ, всѣ замерзнутъ. О помощи этой они просили настоятельно и потому еще, что съ ними случилось въ нынѣшнее лѣто несчастіе: осетры, пущенные ими въ озера (въ трехъ озерахъ до шести сотъ штукъ) подохли отъ затхлой воды и они остались безъ запаса для пищи. При этомъ они говорили, что если въ настоящее время попадутъ въ устье Таза, то успѣютъ еще наловить себѣ рыбы въ запасъ до весны. По желанію ихъ я далъ имъ катера для перевозки ихъ семействъ и 15 августа шкуна моя, наполненная бѣдняками, быстро мчалась въ устье Таза. Съ 14 числа температура быстро перемѣнилась. Сдѣлалось холодно и пошелъ дождь со снѣгомъ. Небольшія озера подъ 68° с. ш., на 14 августа, покрылись тонкимъ льдомъ.

Во время плаванія моего съ туруханскими инородцами я узналъ отъ нихъ, что весною 1863 г. у нихъ былъ голодъ. Они принуждены были питаться березовой губой и мхомъ, что изъ роду хулиныхъ; съ голоду умерли инородцы Метти, Тангимъ, Тэзима и крещеный Василій Полинъ, да и всѣ они едвали не умерли бы съ голоду, еслибъ появившаяся весною птица—гуси и утки не спасли ихъ отъ голодной смерти. Когда я спросилъ ихъ—отчего они не постарались достать себѣ хлѣба изъ тазовскаго магазина, то они отвѣчали, что хлѣба въ то время въ магазинахъ не было, вышелъ; привозится же онъ только зимнимъ путемъ. Бѣдность тазовскихъ туруханскихъ инородцевъ поразительна; не знаю съ чѣмъ ее и сравнить,—они хуже каждаго нищаго, потому-что имъ не къ кому и руки протянуть за подаяніемъ. Рыбные промыслы по р. Тазу и въ особенности въ устьѣ этой рѣки такъ богаты, что я нигдѣ не встрѣчалъ имъ подобныхъ. Такъ, мои рабочіе закидывали свой маленькій неводъ и вытаскивали за-разъ по 90 нельмъ икряныхъ, вѣсомъ каждая не менѣе 15 фунтовъ. О моксунахъ же, чирахъ и щукахъ удивительной величины и говорить нечего. Между тѣмъ тамошній инородецъ не въ силахъ завести себѣ неводъ. Нужда заставляетъ ихъ дѣлать невода изъ тальникова лыка, и, не смотря на это столь неудобное и непримѣнительное средство, они налавливаютъ рыбы и на дневное пропитаніе и въ запасъ. Одна только продолжительная холодная весна заставляетъ ихъ голодать и даже часто умирать съ голоду. Невольно приходитъ мысль: когда придетъ то счастливое время, что инородцы получатъ средства и возможность извлекать и сбывать богатства, которыя разсыпаны въ ихъ благодатной странѣ?

15 августа погода была довольно свѣжа, усилился сѣверный вѣтеръ и термометръ палъ до точки замерзанія. Но я уже находился въ это время внѣ всякихъ опасностей въ устьѣ р. Таза, куда привезъ и моихъ бѣдныхъ пассажировъ. Желая сколько-нибудь помочь ихъ горю, я поставилъ одного изъ служащихъ у меня съ большими запасами на р. Тазѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ на какой-нибудь рѣчкѣ, впадающей съ пурской стороны въ р. Тазъ, гдѣ больше лѣсу, выстроилъ

избу для печенья хлѣба и кормилъ имъ инородцевъ. При этомъ ему приказано было отъ меня надѣлять этихъ бѣдняковъ, по возможности, средствами для промысла рыбы и звѣря. Самъ же я на небольшомъ катерѣ отправился вверхъ по р. Тазу, къ самоѣдамъ, кочующимъ невдалекѣ отъ часовни Василія убіеннаго. Вскорѣ за мной пришла туда и шкуна, и 17 августа мы благополучно высадились у помянутой часовни. Этимъ окончилась моя вторая экспедиція. Прилагаемая при семъ карта изображаетъ въ подробности весь курсъ моего плаванія.

Рѣка Тазъ всюду судоходна. Глубина ея отъ 22 до 40 футовъ, фарватеръ ровный, безъ мелей и пороговъ, но довольно извилистый. Р. Тазъ имѣетъ особенное свойство,— вода въ ней, какъ говорится въ полярной странѣ, не замираетъ зимою и потому рыба держится всю зиму. Словомъ «замирать» здѣшніе обитатели приписываютъ рѣкамъ Надыму, Оби и другимъ, способность воды ихъ соединяться зимою съ ржавчиною, отчего она дѣлается буро-красною.

Во время слѣдованія моего по р. Тазу, остяки безпрестанно пріѣзжали на шкуну, осматривали ее и, удовлетворивъ свое любопытство, почти тотчасъ же спрашивали: не продаю ли я вина, муки и табаку. Желая узнать, по какимъ цѣнамъ продается у нихъ вино, я сказалъ, что уменя все есть и спросилъ какую цѣну они мнѣ дадутъ за требуемые предметы? Остяки отвѣчали, что за бутылку вина они платятъ обыкновенно отъ 15 до 20 бѣлокъ, за пудъ ржаной муки 15 бѣлокъ и за фунтъ табаку 10 бѣлокъ. А такъ какъ бѣлка у нихъ темная, а иногда попадается чернохвостка и стоитъ недешевле 10 коп. сер. за штуку, то выходитъ, что за бутылку вина платятъ они отъ 1 р. 50 до 2 руб. сер. Убѣдившись лично, какъ дорого продаются инородцамъ предметы первой потребности, а также и вино, до котораго они такъ лакомы, не смотря на частыя гибельныя послѣдствія пьянства, я старался разъяснить имъ, что впредь всѣ товары и припасы они будутъ получать отъ меня по самымъ дешевымъ цѣнамъ, кромѣ вина, которымъ я торговать не намѣренъ.

Не доѣзжая часовни Василія убіеннаго, встрѣтился съ нами неожиданно священникъ Тазовской церкви от. Іоаннъ. Велика была наша радость при этой встрѣчѣ. Вмѣстѣ съ нимъ мы доѣхали до часовни и тамъ усердно благодарили Бога за благополучно совершенное путешествіе. Отецъ Іоаннъ поздравилъ меня съ пріѣздомъ, убѣдительно просилъ уступить ему сколько-нибудь ржаной муки, которой у него нѣтъ съ іюля, такъ что онъ съ семействомъ сидитъ безъ хлѣба. Я отвѣтилъ ему, что съ удовольствіемъ подѣлюсь съ нимъ не только мукою, но и всѣми запасами, какіе имѣю, и что мнѣ особенно пріятна возможность помочь ему. На это почтенный священникъ сказалъ мнѣ: «Съ хлѣбомъ съ солью и молитвою Богъ принесъ васъ въ эту страну, для того, чтобъ накормить алчущихъ и избавить ихъ отъ голодной смерти. Съ этимъ же Богъ и возвратитъ васъ отъ насъ, грѣшныхъ.»

Изъ рукописи, находящейся въ Троицкомъ тунгузскомъ монастырѣ, извлечено мною слѣдующее преданіе о часовнѣ Василія убіеннаго. На мѣстѣ, гдѣ теперь эта часовня, назадъ тому 260 лѣтъ, былъ городъ Мангазея, сожженный тазовскими самоѣдами, причемъ и всѣ жители его были перебиты. Продолжаю словами рукописи. «За нѣсколько лѣтъ до этого несчастія, у одного купца въ Мангазеѣ жилъ въ услуженіи семнадцатилѣтній юноша Василій, сынъ ярославскаго мужа Ѳеодора и имѣлъ отъ хозяина своего довѣріе перепродавать товары. Но нѣкогда, бывшему ему Василію во церкви, на утреннемъ моленіи, хищники врученное ему имѣніе изъ лавки покрали, за что онъ преданъ былъ суду отъ хозяина своего, яко сообщникъ ворамъ, и мученъ воеводою Пушкинымъ на разныхъ розыскахъ до смерти. Мертвое же тѣло его христіанскаго погребенія не сподоблено, но аки ожесточеннаго злодѣя и нераскаяннаго грѣшника, брошено съ поруганіемъ въ гробъ и закопано въ болотистое грязное мѣсто. Но оттуда невидимою силою оно выходило на ружу земли». Это было поводомъ, что тѣло Василія перенесли на кладбище, похоронили по христіанскому обряду и надъ могилою построили часовню, которая поддерживается и понынѣ. Далѣе рукопись говоритъ: «Въ 1652 г. при воеводѣ Корсаковѣ

начали отъ него, Василія, бывать чудеса всѣмъ съ вѣрою притекающимъ къ нему.» Разумѣется, народъ сталъ чтить его память. По разореніи Мангазеи гробъ и тѣло Василія были перенесены въ Троицкій Тунгузскій монастырь настоятелемъ этого монастыря Тихономъ, гдѣ находятся и нынѣ. По преданіямъ, перевезеніе тѣла Василія было тоже сопровождаемо чудесами.

Осматривая мѣстность бывшаго города Мангазеи, я нашелъ очень еще замѣтные слѣды нѣкогда существовавшихъ зданій, а у обрушающагося берега р. Таза нависшій надъ водою огромной величины гробъ изъ лиственныхъ досокъ. Любопытство заставило меня посмотрѣть, что за останки великана покоятся. Человѣческій оставъ лежалъ во весь гробъ, въ немъ истлѣвшая уже пелена, въ которую онъ былъ обернутъ, заставила думать, что это останки какого-нибудь монаха, такъ какъ мнѣ сказали, что монаховъ хоронятъ спеленанными. Удовлетворивъ любопытство, я приказалъ людямъ моимъ обрушившееся мѣсто у гроба укрѣпить ряжемъ, засыпать пескомъ, обложить дерномъ и поставить на немъ крестъ.

Хотя я былъ физически измученъ трудами, однакожъ, не предаваясь отдыху, снова принялся за работу. Лѣниться и отдыхать было некогда. Оставивъ шкуну и матросовъ у часовни на р. Тазѣ, самъ я въ небольшомъ катерѣ отправился вверхъ по рѣкѣ, къ Тазовской церкви, отстоящей отъ часовни на 300 верстъ. Это было 22 августа. Чрезъ 6 дней я пріѣхалъ къ Тазовской церкви и прожилъ тамъ до 3 сентября, пріискивая вожатыхъ и рабочихъ, съ которыми могъ бы добраться до Туруханска. Наконецъ нанялъ пять человѣкъ, купилъ небольшую вѣтку *) и отправился въ дальнѣйшій путь. Отъ церкви поплыли мы внизъ по Тазу и, отъѣхавъ 20 верстъ по правому берегу Таза, повернули въ р. Худосею, каменистую и быструю. Изъ нея двинулись влѣво въ рѣчку Покадку и ея притокъ, и такимъ образомъ дошли до

*) Лодка, въ родѣ нашихъ душегубокъ.

озеръ, покрывшихся уже тонкимъ льдомъ. Прорѣзавшись чрезъ ледъ озеръ и перетащивши вѣтки черезъ два болотные волока, пришли мы къ довольно большому озеру, версты съ три длиною, тоже покрытому льдомъ. Здѣсь проводники мои—остяки измѣнили мнѣ. Вѣроятно, они боялись, что по случаю сильныхъ морозовъ не возвратятся домой и потому, воспользовавшись моимъ сномъ, убѣжали. Остался со мной одинъ, очень крѣпко заснувшій остякъ «Николка», какъ называли его товарищи. Это было 10 сентября. Мнѣ предстояла голодная смерть, потому-что я былъ оставленъ почти безъ помощи на срединѣ пути, т. е. въ 500 верстахъ отъ Тазовской церкви и въ столькихъ же отъ Туруханска. Мѣстность была совершенно пустынная, съ непроходимыми лѣсами; кромѣ дикихъ утокъ на озерѣ и медвѣжьихъ слѣдовъ на сушѣ ничего не попадалось. Медлить было невозможно, жилыхъ мѣстъ вблизи не было, между тѣмъ морозъ, усиливаясь болѣе и болѣе, грозилъ смертью. Спустивши вѣтки на озеро и вооружившись длинными шестами, мы стали прорѣзываться черезъ ледъ, бывшій уже въ вершокъ толщиною. Трудившись такимъ образомъ цѣлый день и почти выбившись изъ силъ, достигли мы до противоположнаго берега озера и въѣхали въ быструю, узкую и еще незамерзшую протоку. По ней дошли до р. Нижней Баюхи и, приставши къ берегу, выбрали развѣсистую ель для ночлега, развели огонь и уснули. На другой день мы снова усѣлись въ свои вѣтки и, плывя довольно быстро по теченію, вошли въ р. Верхнюю Баюху. Наконецъ 15 сентября въѣхали въ р. Туруханъ и высадились на берегъ у избушки вахтера Даурскаго. Здѣсь, отдохнувъ немного и нанявъ новыхъ рабочихъ, я въ тотъ же день, для переговоровъ съ повѣреннымъ по дѣламъ графитнымъ Н. Е. Амосовымъ, отправился въ Туруханскъ, куда и доѣхалъ 18 сентября весь измученный и разслабленный отъ тяжелаго пути.

Въ Туруханскѣ я просилъ тамошняго засѣдателя Назарецкаго дать мнѣ открытое предписаніе на свободный проѣздъ отъ Туруханска до Енисейска и, получивъ оное, отправился въ почтовой лодочкѣ въ Енисейскъ. На Енисеѣ стала уже

подниматься шуга, увеличиваясь день-ото-дня болѣе и болѣе, потому путешествіе мое было довольно трудно и опасно. Вообще переѣздъ мой до Енисейска былъ чрезвычайно разнообразенъ: то везли меня въ лодкѣ бичевою на собакахъ, то ѣхалъ я по берегу Енисея верхомъ на лошади, то шелъ нѣсколько станцій пѣшкомъ, и такъ далѣе, съ разными варіаціями; могу сказать, что только-что не леталъ, а то испыталъ всевозможные способы передвиженія. Переплывая черезъ Енисей изъ деревни Осиновой въ деревню Ворогову, при сильномъ вѣтрѣ, я чуть не утонулъ. Жители дер. Вороговой, видя мою, почти неминуемую бѣду, вышли, по мѣстному обычаю, съ образами на берегъ и молились до тѣхъ поръ, пока я благополучно переправился. Отъ Вороговой поѣхалъ я уже на саняхъ по лѣвому берегу Енисея. 5 октября, желая поскорѣе добраться до деревни Назимовской, я рѣшился, по совѣту ямщиковъ, перейти чрезъ Назимовское озеро, чтобъ попасть прямымъ путемъ въ деревню. Только-что начали мы переходить, ледъ подъ нами обломился и я, съ своими людьми, нырнулъ въ воду. Недоставая ногами дна, мы стали хвататься за льдины и, ухватившись за брошенныя оставшимся на берегу ямщикомъ возжи, успѣли кое-какъ вылѣзти на берегъ. Не имѣя перемѣннаго платья, я принужденъ былъ въ этомъ же, сначала мокромъ, а потомъ замерзшемъ, сѣсть на лошадь и почью въ лѣсу пробираться въ деревню кругомъ озера на разстояніи 20 верстъ, по кривой тропинкѣ, едва проходимой для лошади. Дотащившись до деревни, я велѣлъ везти себя на квартиру, чтобъ обсушиться и, взявъ по бланкѣ лошадей, отправиться дальше. Съ лошади меня сняли полуживаго, правая рука и нога, бывшія на подвѣтренной сторонѣ, окоченѣли. Кое-какъ меня оттерли. Баня и отдыхъ въ теплой квартирѣ возстановили мои силы. Проживъ три дня у добраго хозяина моего, крестьянина Ивана Назимова, и поблагодаривъ его за радушныя услуги, 8 октября я пустился дальше въ дорогу и 14 былъ уже въ Красноярскѣ, гдѣ, окончивъ что было нужно, я 29 октября отправился обратно въ Туруханскъ, куда добрался 9 декабря. Дорога была дурна и опасна, вездѣ то-

Путешествіе вверхъ по р. Енисею.

росы *) вышиною съ добрую гору, и наледь. Того и гляди, что изъ торосовъ попадешь прямо подъ ледъ. Въ Туруханскѣ прожилъ до 28 декабря, и отправился на р. Тазъ. По дорогѣ отъ Туруханска до Таза всего только два жилья. На 95 верстѣ Баюхинскій-станъ, небольшая избушка, въ которой живетъ вахтеръ, находящійся при казенномъ хлѣбномъ магазинѣ съ 300 пуд. ржаной муки, и на разстояніи 270 верстъ—Яновъ-станъ, избушка одного торгующаго мѣщанина. Эта послѣдняя тѣмъ для меня замѣчательна, что въ ней, во время моихъ странствованій по сѣверу, мнѣ въ другой разъ довелось встрѣчать новый годъ. Всякій можетъ представить удовольствіе этой встрѣчи, вдали отъ людей. Но я былъ доволенъ и этой избушкой, въ ней было тепло и можно было отдохнуть и поѣсть. А это, право, роскошь въ то время, когда большую часть ночей доводится проводить подъ открытымъ небомъ, при счастьи подъ густою елью, а больше въ сугробахъ снѣга. 3 января я доѣхалъ благополучно до р. Таза, къ пристани. Здѣсь была построена мною довольно порядочная изба, въ которой жилъ мой прикащикъ съ семействомъ. Тутъ уже встрѣтилъ я нѣкоторый комфортъ, рѣдкій на такомъ глубокомъ сѣверѣ. Вкусная кулебяка съ осетриной, уха изъ щекура, слоеные пирожки съ вареньемъ и замороженныя сливки, подаваемыя нарубленными кусочками, какъ сахаръ,—составляли мой столъ. Шумящій большой самоваръ и стеариновое освѣщеніе производили какое-то особенно пріятное чувство и заставляли забывать, что находишься въ пустынѣ. Сильные морозы и бураны не дозволяли намъ тотчасъ же пуститься въ дальнѣйшій путь, въ Обдорскъ. Усталость же отъ хлопотъ и путешествія, теплый пріютъ и желаніе отдохнуть расположили меня такъ, что я невольно прожилъ на Тазѣ четверо сутокъ. Въ это время я распорядился объ охраненіи и сбереженіи отъ весенныхъ льдовъ шкуны, лежащей тамъ на зимовкѣ, и объ отправкѣ ея, когда вскроются рѣки, въ Обдорскъ, съ грузомъ графита. Послѣ

---

*) Большіе наносы осенняго льда, покрытые снѣгомъ.

всего этого, 8 января отправился внизъ по Тазу до избушки Мамѣева, куда и прибылъ 10 числа. Не думая пробыть здѣсь долго, я прожилъ двое сутокъ по слѣдующей причинѣ. Негостепріимные волки съиграли съ нами очень непріятную штуку. Ночью на 11 число они напали на нашихъ оленей, которые паслись невдалекѣ отъ избушки, и, испугавъ ихъ, заставили разбѣжаться въ разныя стороны. Къ счастію, два оленя не могли сорваться съ привязи и съ ихъ только помощью можно было разыскать остальныхъ. Изъ числа 20 оленей 2 были зарѣзаны волками, остальные же до того измучились, спасаясь отъ волковъ, что едва тащили нарты, когда мы отправились въ дальнѣйшій путь. Путешествіе могло бы быть крайне медленно, но къ нашему благополучію, не доѣзжая р. Ныды, мы встрѣтили чумъ самоѣда Лабари, съ многочисленнымъ стадомъ оленей. Оставивъ у него своихъ оленей, мы наняли свѣжихъ. Лабари, по старой пріязни со мною, велѣлъ запречь рысаковъ, а чтобъ выказать большее уваженіе, приказалъ подобрать бѣлыхъ и убить, для угощенія нашего, жирнаго оленя. Услугу Лабари я не зналъ какъ и цѣнить,—у меня начала развиваться цынга въ ногахъ, потому одинъ только скорый переѣздъ до Обдорска давалъ мнѣ надежду на выздоровленіе. Олени мчали насъ съ неимовѣрною быстротою. Лабари велѣлъ вести насъ въ сосѣдній чумъ, кочевавшій за р. Надымомъ, гдѣ мы могли нанять опять свѣжихъ оленей. Такимъ образомъ, переѣзжая отъ чума до чума, 15 января благополучно добрались до Обдорска. Возвратившись въ Обдорскъ, я первымъ долгомъ счелъ благодарить Господа Бога за то, что онъ сохранилъ меня въ пути и дозволилъ счастливо окончить мое трудное предпріятіе. Потомъ хотѣлось-было отдохнуть среди добрыхъ знакомыхъ. Теплый и даже роскошный домъ, ласковый и привѣтливый уходъ за мною, довольство жизни и пріятныя сбыточныя надежды въ будущемъ, кажется могли бы скоро изгладить непріятное разстройство отъ путешествія на маленькой нартѣ. Кстати разскажу, какъ ѣздять на подобныхъ нартахъ. Помѣщаются обыкновенно въ сидячемъ положеніи, поджавши правую ногу подъ себя, а лѣвую выставивъ на

ружу, чтобъ поскомъ ея можно было придерживаться за копылья нарты у самыхъ полозьевъ. Сверхъ того въ лѣвой рукѣ необходимо держать длинный 10-ти-аршинный шестъ, чтобъ понуждать оленей, а въ правой возжечку отъ передоваго оленя для управленія имъ. Я думаю всякій согласится, что ѣзда эта не совсѣмъ удобна.

Разсчитывая на отдыхъ, я ошибся: проклятая цынга вычернила мнѣ ноги до колѣнъ и мучила три мѣсяца. Вылечилъ я себя средствами, которыя едвали извѣстны докторамъ, потому и считаю нужнымъ упомянуть объ нихъ. Ѣлъ сырую свѣжую рыбу и такое же оленье мясо, а ноги натиралъ tinc. arnica, и болѣзнь миновалась. Нѣкоторые въ Обдорскѣ употребляютъ вмѣсто арники, по совѣту инородцевъ, кислый рыбій жиръ, или кислую ворвань, а во время опухоли—припарки изъ конскаго кала съ примѣсью оленьяго мѣха, и получаютъ облегченіе. Употребленіе вина въ этой болѣзни сѣверной страны чрезвычайно вредно и производитъ пагубныя послѣдствія. При развитіи цынги во рту, здѣсь пьютъ обыкновенно по два стакана въ день теплой оленьей крови и ѣдятъ сырую рыбу. Это средство самое цѣлебное, не подлежащее почти никакому сомнѣнію.

ЭКСПЕДИЦІЯ III.

Наконецъ, съ наступленіемъ весны сего года, я сталъ поправляться въ здоровьѣ и приготовлять экспедицію на Уральскія горы, для пріисканія удобнаго лѣтняго пути черезъ Уралъ отъ р. Оби къ р. Печорѣ; открытіе это я считалъ послѣднимъ и необходимымъ дѣйствіемъ для окончанія моего предпріятія, т. е. проложенія пути отъ Енисея къ Печорѣ.

Купивъ небольшую лодку, нанявъ рабочихъ, заготовивъ съѣстныхъ припасовъ, я 10 іюня отправился въ путь, вверхъ по Оби, и благополучно достигъ р. Войкара. По дорогѣ

на р. Войкарѣ я дѣлалъ вездѣ промѣры и нашелъ, что отъ устья до юртъ Югангортскихъ глубина 7½ футовъ, а оттуда до р. Милькея, на разстояніи 70 в., отъ 5 до 3½ фут. Дно Войкара песчано-каменистое, въ немъ есть и валуны, подѣлавшіе довольно большіе переборы, отъ которыхъ теченіе Войкара усиливается. Между переборами образуются большіе плесы, умѣреннаго теченія, на 2½ узла. Берега Войкара не высоки, песчаны и покрыты нестроевымъ лѣсомъ. Чтобъ сдѣлать Войкаръ судоходнымъ, къ чему способствуетъ ширина (60 саж.) и глубина его, необходимо только разобрать восемь переборовъ, а какъ на немъ образовались острова и много руслъ, то оставить одно только русло, которое шире другихъ и глубже, прочія же запрудить. Не говоря уже о томъ, что вблизи Войкара есть много озеръ, которыя легко соединить съ нимъ, эта рѣка имѣетъ еще то достоинство, что послѣ каждой ненастной погоды вода въ ней прибываетъ очень быстро, такъ-что при устьѣ Милькея доходитъ въ нѣсколько часовъ до 7 футовъ, сбываетъ же медленно. При рѣчкѣ Милькеѣ дожидался меня подрядчикъ съ оленями и вожатые изъ зырянъ. Погода стояла ясная и тихая. Величественный Уралъ казался испещреннымъ черными и бѣлыми пятнами отъ таявшаго снѣга. Цѣпь его, то возвышаясь, то понижаясь, тянулась на необозримое пространство къ сѣверу. Дымящіяся вершины Урала образовали надъ собою сплошной облачный темносѣраго цвѣта покровъ, который безпрестанно волновался вѣтромъ. У подошвы горы разстилалась необозримая долина, каменистой почвы, покрытая разнаго рода мхомъ, ягодникомъ, багульникомъ и вообще очень бѣдной флорой, съ небольшими перелѣсками лиственичнаго и еловаго лѣса. По долинѣ вились ручейки и, соединяясь между собой вершинами, образовывали небольшія озера, на которыхъ безбоязненно плавали лебеди.—Я долго смотрѣлъ на эту картину и удивлялся сочетанію дикости и красоты природы въ одно изящное цѣлое.

Однако сколько ни восхищала меня картина Урала, но вскорѣ сухая существенность заставила обратить все свое вниманіе на другое,—на пріисканіе удобнаго мѣста, съ ко-

тораго можно было бы начать изслѣдованія для предполагаемаго пути. Въ первыя минуты Уралъ казался мнѣ недоступнымъ. Я развернулъ карту Строжевскаго и прочиталъ въ изданномъ имъ Пайхоѣ путешествіе его по Уралу. Унынie овладѣло мною при чтеніи: вездѣ описывались утесы, кратеры и величайшія препятствія въ путеслѣдованіи. Мысль, что я не найду удобнаго мѣста для дороги, ложилась свинцомъ мнѣ на душу. Такъ какъ это было уже не первое препятствіе, встрѣчаемое мною во время странствованій по сѣверу Сибири, то хладнокровно сѣвъ на нарту, запряженную пятеркой лихихъ оленей, пустился въ путь. Олени, какъ бы сочувствуя моему желанію достигнуть какъ можно скорѣе цѣли, помчали меня во весь духъ и черезъ полчаса я былъ у подошвы Урала. Здѣсь я сталъ осматривать ущелья при рѣкахъ Милькеѣ, Ларьюганѣ и другихъ, и нашелъ, что одна изъ вершинъ рѣки Войкара, прорѣзавъ Уралъ, у береговъ своихъ образовала ровную долину, довольно возвышенную надъ уровнемъ воды. Слѣдуя этой долиной, заросшей небольшимъ лиственичнымъ лѣсомъ, я выѣхалъ на площадку, по которой вилась рѣчка, названная мною Лирой. Перейдя эту рѣчку и площадку и достигнувъ одной изъ вершинъ Войкара, ѣхалъ я берегомъ этой рѣки до такъ-называемаго большаго Урала, покрытаго въ иныхъ мѣстахъ снѣгомъ. На большомъ Уралѣ не видно было никакихъ слѣдовъ произрастанія. Голыя утесистыя скалы гранита и сеянита то соединялись въ сплошныя массы, то, группируясь отдѣльно, образовывали кряжи съ коническими фигурами, въ родѣ башенъ, возвышающимися одна надъ другою и достигавшими своими вершинами облаковъ.—Дно Войкара усѣяно гальками кремнеземной породы и въ особенности кварца, сланцовъ яшмовой породы и обломковъ гранита и сеянита. Слѣдуя прямо на западъ, дошелъ я до двухъ небольшихъ озеръ, изъ которыхъ бѣжали въ противоположныя стороны маленькіе ручьи, одни на западъ, а другіе на востокъ. Эти озера показали мнѣ, что я былъ на срединѣ Урала. Желая убѣдиться въ этомъ еще болѣе, я залѣзъ на вершину одного изъ самыхъ высокихъ пиковъ и оттуда разсматривалъ мѣстности пройденнаго мною

и предстоящаго пути. Къ западу увидѣлъ я необозримую площадь, усѣянную небольшими собками, между которыми извивалась рѣчка Кокпыла. Рѣчка эта вытекала изъ выше-упомянутыхъ озеръ и, перерѣзывая, на разстояніи двухъ верстъ, небольшой кряжъ, продолжала теченіе по ровной долинѣ и впадала въ р. Тумболову, а сія въ р. Нагангу.— Пагаяга, проходя по этой же долинѣ, впадала въ Ленву, а сія послѣдняя—въ Уссу. Черезъ всю эту мѣстность очень удобно проложить дорогу, которая отъ Милкея до Уссы будетъ имѣть почти незамѣтную покатость на твердой каменистой почвѣ, что мною осязательно дознано при переѣздѣ. На р. Ленвѣ подрядчики приготовили мнѣ лодку, на которой проѣхавъ около 20 верстъ по теченію, я достигъ до р. Уссы,— главнаго и окончательнаго пункта моихъ изслѣдованій, чѣмъ и окончилъ мѣсячный трудъ для проложенія дороги черезъ Уралъ. Рѣка Лепва, отъ устья р. Паяги до своего устья, камениста, имѣетъ отъ 3½ до 5 футовъ глубины и 420 ф. ширины, удобна для судоходства; берега ея покрыты нестроевымъ лѣсомъ. На р. Уссѣ купилъ я большую лодку и отправился по теченію къ р. Печорѣ. Объ Уссѣ, извѣстной уже удобствомъ къ судоходству, я умалчиваю; при рѣкѣ Уссѣ, возлѣ горъ Адакъ, состоящихъ изъ известковыхъ и глинистыхъ сланцевъ и песчанника, найдено мною мѣсторожденіе синей фарфоровой глины, удивительно маслянистаго свойства. Изъ глины этой я вылѣпливалъ тончайшія пластинки, которыя очень легко полируются, и когда высохнутъ, то издаютъ стеклянный звукъ и дѣлаются прозрачными. У этихъ же горъ нашелъ сѣрный ключъ, съ безчисленнымъ множествомъ родниковъ, изъ которыхъ, какъ изъ бутылки шампанскаго, бпла и пузырилась чистая сѣрная вода. Едва вода эта выходила наружу, какъ тотчасъ же разлагалась, издавая непріятный запахъ гнилыхъ яицъ и обращалась изъ чистой въ мутную, какъ бы мыльную. Около отверзтій родниковъ и на разстояніи двухъ аршинъ по теченію ключа образовывался чрезвычайно бѣлый, пѣнистый осадокъ изъ сѣрнаго цвѣта (fl. sulphuri). По берегамъ рѣки Печоры, Уссы и Юняги, находилъ разныя окаменѣлости по большей части въ из-

На Уральскихъ горахъ Войкарская долина, раздѣляющая системы

вестковыхъ массахъ и формаціи каменнаго угля и антрацита. Кромѣ того, возлѣ горъ Адакъ, по берегамъ Уссы, замѣчено въ валунахъ безчисленное множество такъ-называемаго чортова пальца, что поневолѣ заставляло думать, что въ этомъ мѣстѣ какъ будто бы поставлена мишень для ударовъ молніи. Мѣстами, по берегамъ, находили мы кусочки бурой охры и слюдистый колчеданъ. Магнитная стрѣлка, во все время путешествія моего по Адаку, уклонялась въ разныя стороны отъ компаснаго полюса, что было несомнѣннымъ признакомъ присутствія въ этихъ горахъ обильнаго количества металловъ.

На Уралѣ, по случаю упадка оленей, съ величайшимъ трудомъ нашли мы подрядчиковъ и 25 и 26 августа благополучно переѣхали чрезъ него. 29 августа я прибылъ въ Обдорскъ и тамъ засталъ мою шкуну «Тазъ», благополучно прибывшую по вновь открытому пути съ грузомъ 4.100 пудовъ графита. Вообще, могу сказать, что давнишняя мысль о соединеніи Сибири съ Печорскимъ портомъ осуществлена и внѣшняя торговля въ настоящее время дѣлается доступною для Сибири, что можетъ послужить къ быстрому ея развитію во многихъ отношеніяхъ. Мнѣ остается только желать, чтобъ кто-нибудь изъ благомыслящихъ коммерческихъ людей принялъ на себя трудъ лично убѣдиться въ истинѣ сдѣланныхъ мною открытій и, по своимъ соображеніямъ, примѣнить ихъ къ дѣлу. Я же достигъ своей цѣли и по открытымъ мною путямъ графитъ перевозится благополучно.

Въ заключеніе моихъ записокъ о экспедиціяхъ скажу нѣсколько словъ о тѣхъ мѣстностяхъ, въ предѣлахъ которыхъ я производилъ свои изысканія для открытія удобныхъ сообщеній на сѣверѣ Сибири. Уральскія и Саянскія горы между 63° и 73° с. ш., направляясь почти параллельно къ сѣверу, оконечностями своими доходятъ до прибрежья Ледовитаго моря. Въ этой параллели образуется площадь на 1.500 верстъ, разсѣкаемая вдоль рѣками Обью, Воксаркою, Сугу, Надымомъ, Сандыбеемъ, Ныдою, Пуромъ, Тазомъ, Гыдою, Енисеемъ и многими другими не такъ значительными рѣчками, изобилующими рыбами. Въ нихъ водятся осетры,

стерляди, нельмы, моксуны, сырки, сельди, пыжьяны, щекуры, ерши, таймени, и другія. Между этими рѣками отъ 63° до 66° и 44′ с. ш. почва земли черноземная и индѣ встрѣчается песокъ, глина, тина и наносные голыши. Тутъ растутъ густые непроходимые лѣса: сосна, ель, лиственица, пихта, изрѣдка кедръ и береза и находятся небольшія моховыя тундры, въ которыхъ множество ягодъ (брусника, черника, черная смородина, малина, морошка и княжника) и грибовъ разныхъ сортовъ (грузди, рыжики, обабочки, красноголовки, опенки, мухоморы и проч.). Встрѣчаются и болотныя, луговыя мѣста съ бѣдной вообще флорой, большія озера, изобильныя рыбой, и незначительныя, вытекающія изъ этихъ озеръ, рѣчки. Въ лѣсахъ водятся много звѣрей слѣдующихъ породъ: соболи, горностаи, куницы, лисицы разныхъ родовъ, въ томъ числѣ и черныя, бурундуки, бѣлки, волки, рыси, россомахи, медвѣди, дикіе олени, лоси и песцы. Птица постоянная въ этой мѣстности: тетери, глухари, бѣлыя куропатки, рябчики, вороны и сороки; а прилетныя: галки, снигири, лебеди, гуси, утки, кулики, чайки, рыболовки, воробьи, синички, ласточки и другія. Отъ 66° 41′ до 68° 35′ почва земли песчаная съ тиной, глиной, графіемъ, круглыми и гладкими кусочками гранита и голышей. Растительность значительно уменьшается. На необозримыхъ моховыхъ тундрахъ индѣ только виднѣются лиственичные и еловые перелѣски, въ особенности при берегахъ рѣкъ и около болотистыхъ мѣстъ. Отъ 68° 35′ до Ледовитаго моря почва состоитъ изъ песку и глины, заключающихъ въ себѣ тину и кости допотопныхъ животныхъ (мамонтовъ и друг.) въ глинистыхъ или известковыхъ массахъ. На необозримыхъ тундрахъ виднѣются довольно возвышенные волнистые холмы съ заносными камнями гранита, песчанаго сланца и раковиннаго известняка. Индѣ встрѣчаются и каменно-угольныя формаціи. Однимъ словомъ, въ этой мѣстности можно довольно явственно различать формаціи начала и конца нептуническихъ образованій, что очень интересно для любознательнаго геолога. На этомъ обширномъ пространствѣ нѣтъ никакой растительности: вездѣ голыя тундры, покрытыя

мхомъ; только у болотистыхъ мѣстъ и на берегахъ рѣчекъ и безрыбныхъ озеръ растетъ густой, невысокій тальникъ и тоже маленькій искривленный и почти стелющійся по землѣ верескъ. Лѣтомъ залетаютъ сюда лебеди, гуси и утки и въ особенности утка гага *); песецъ, волкъ и дикій олень—постоянные обитатели этой страны, съ властелиномъ своимъ — самоѣдомъ. Могильная тишина изрѣдка нарушается вѣтрами, особенно западными, усиливающимися здѣсь, на просторѣ необозримыхъ тундръ, до невѣроятности. Лѣтомъ тучи комаровъ и мошекъ разныхъ породъ унылыми пѣснями своими какъ бы оплакиваютъ дикость природы. Но ихъ пѣсни здѣсь непродолжительны: стоитъ только подуть сѣверному вѣтру и голодный комаръ затихаетъ, падаетъ на землю и скрывшись за какую-либо былинку, замираетъ отъ холода. Въ этихъ мѣстахъ природа властвуетъ надъ всѣмъ и всѣми и бороться съ нею почти невозможно. Веселья и радости здѣсь, кажется, не существуетъ. Одинокій самоѣдъ влачитъ молчаливо свою жизнь, также какъ и неразрывный другъ его—олень. Для него восьмимѣсячная зима, съ ея сорока-градусными морозами, есть какъ бы неотъемлемая принадлежность дѣятельности. Вотъ онъ несется на легкой нартѣ, при свѣтѣ луны или сѣвернаго сіянія, нападаетъ на слѣдъ звѣря, слѣдитъ его, нагоняетъ и, послѣ очень непродолжительной борьбы, побѣждаетъ, какъ бы въ доказательство того, что онъ—единственный властелинъ подполюснаго царства, и все должно ему подчиняться.

Нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ Уральскихъ горахъ, изслѣдованныхъ мною отъ р. Ляпы до острова Вайгача, т. е. отъ 62° до 71° с. ш. Уралъ, имѣя направленіе отъ юга къ сѣверу, достигаетъ Ледовитаго моря. Потомъ, проходя по дну Югорскаго шара, появляется небольшими возвышенностями на островѣ Вайгачѣ и, прорѣзываясь по дну Матушкина шара, достигаетъ Новой Земли. Уралъ,

---

*) Гагачій пухъ добывается изъ гнѣздъ утки гаги. Онъ очень дорогъ.

въ описываемой мною с. ш. находится между рѣками: съ правой стороны Обью, а лѣвой р. Лемвой и Уссой. Мѣстности, находящіяся междуУраломъ и означенными рѣками, образуютъ подошвы его. Уралъ съ восточной стороны отъ вершинъ р. Щучей развлѣтвляется, по направленію р. Щучей, достигаетъ полуострова Ялмала, гдѣ, постепенно понижаясь, скрывается совсѣмъ съ поверхности земли, давая мѣсто сплошнымъ массамъ нептунической формаціи, которыя, кое-гдѣ образовали волнистые холмы. Вообще же полуостровъ Ялмалъ представляетъ изсякшее море, весь покрытъ крупнымъ морскимъ пескомъ, мелкими раковинами, заносными камнями и конгломератами. Въ нѣдрѣ своемъ сохраняетъ кости допотопныхъ животныхъ мамонтовъ. Кое-гдѣ, а въ особенности возлѣ Юробейскихъ озеръ, попадаются на большомъ пространствѣ турфянники и болота съ узкими прожилками твердой почвы и таковаго же свойства островами, въ родѣ оазисовъ, на которыхъ въ лѣтнее время кочуютъ самоѣды. Таянье земли на Ялмалѣ, въ самое жарчайшее лѣто, не болѣе какъ на $1^1/_2$ ф. Онъ представляетъ собою пустыню въ полномъ значеніи слова. Изъ царства растительнаго на немъ—оленій мохъ, искривленная, карловатая березка, таковой же черный тальникъ въ 2 фут. вышины, моховики, ягодники и багульникъ. Подъ 72° с. ш. на Ялмалѣ и этой растительности не замѣчается. Одинъ оленій мохъ, а въ логахъ вѣчные снѣга. Островъ Бѣлый, находящійся не вдалекѣ отъ сѣверной оконечности Ялмала, представляетъ тотъ же видъ. Часто проливъ, находящійся между Ялмаломъ и ос. Бѣлымъ, затирается льдами, которые стоятъ по нѣскольку лѣтъ неподвижно, образуя ледяной мостъ. По немъ путешествуютъ во множествѣ табуны дикихъ оленей, а за ними съ лукомъ и винтовкой вѣчный врагъ ихъ—смѣлый самоѣдинъ. У сѣверныхъ береговъ Ялмала образуются дюны изъ измельченнаго льда, а со стороны Карскаго моря въ бухты Ялмала нерѣдко заходятъ пловучіе острова полярнаго льда съ неотъемлемыми обитателями своими—бѣлыми мѣдвѣдями и случайно забравшимися на нихъ любопытными песцами. Издали эти острова представляютъ видъ городовъ съ башнями

куполами и на нихъ есть озера съ пресною дождевою водою. Во время сѣверныхъ сіяній, которыя въ описываемой мною странѣ бываютъ очень часто съ сентября по мартъ мѣсяцъ, путешественникъ за свое любопытство и рѣшимость посмотрѣть эти страны вполнѣ можетъ быть вознагражденъ картиною сѣвернаго сіянія. Нѣтъ генія, умѣвшаго описать его, нѣтъ художника, котораго кисть могла бы изобразить что-нибудь подобное! Сѣверное сіяніе, соединивъ горизонтъ Ледовитаго моря съ небесами и зенитомъ наблюдателя, представляетъ ему освѣщенными: море и плавающіе льды, которые сверкаютъ блесками разныхъ дорогихъ камней. Отъ дрожанія столбовъ сѣвернаго сіянія и качки моря, упоминаемыя блески, соединяясь въ радужныя ленты, опоясываютъ въ разныхъ направленіяхъ льдины, среди которыхъ показывается голова прожорливаго бѣлаго медвѣдя съ выпученными кровяными глазами, какъ двумя фонарями. Но финалъ картины сѣвернаго сіянія превосходитъ всю прелесть, какую только можетъ создать себѣ воображеніе человѣка. Изъ столбовъ сѣвернаго сіянія, прежде багровыхъ, послѣ золотисто-серебристыхъ цвѣтовъ, формируется корона; она, какъ бы сорвавшись съ небесъ, понижается; отдѣляющееся отъ нея электричество, въ видѣ искръ, сверкаетъ кругомъ нея; потомъ корона изъ рѣзкихъ формъ освѣщенія переходитъ постепенно въ менѣе свѣтлыя, наконецъ исчезаетъ вовсе, образуя на томъ мѣстѣ, гдѣ была, огненную небольшую точку, которая тоже въ одинъ моментъ уничтожается и оставляетъ послѣ себя дымокъ, переходящій отъ тонкой струи въ расширяющуюся, постепенно блѣднѣетъ, наконецъ разжижается до нѣтъ и взору зрителя представится то же голубое звѣдное небо, которое онъ видѣлъ за часъ передъ сѣвернымъ сіяніемъ. Тогда-то наблюдатель, придя въ нормальное состояніе, неохотно разстается съ очарованіями едва испытанными, скоро проходящими и оставляющими, для утѣшенія что-то мечтательное и едва уловимое для памяти. Нерѣдко я, сидя на скалѣ Урала, одинокій, восхищался подобными картинами сѣвернаго сіянія, и каждый разъ въ сердце мое врывались неисповѣдимыя чувства къ Богу—что тотъ Его можетъ понять, что Онъ есть и Единый, кто можетъ созерцать Его

міроздапіе, всѣмъ нравящееся, всѣхъ поражающее и вмѣстѣ съ тѣмъ никому непонятное!....

Отъ вершинъ р. Уссы, отроги Уральскаго хребта двинулись болѣе къ западу и, вдавшись въ Ледовитое море, образовали на немъ много небольшихъ острововъ въ сосѣдствѣ острова Вайгача. Теченіе морской струи въ Югорскомъ шару, отъ з. къ в. очень быстро на 6 узловъ. Въ Матушкиномъ шару *) теченіе обратное, едва замѣтное отъ в. къ з.; этотъ водоворотъ возлѣ острова Вайгача дѣлаетъ то, что Югорскій шаръ часто затирается льдами, образуетъ ледяной мостъ, по которому самоѣды перегоняютъ на лѣтнія кочевья стада своихъ оленей. При моемъ посѣщеніи Вайгача, на немъ кочевала самоѣдская ватага Найны.

Матушкинъ шаръ всегда проносный, полярные льды въ немъ не останавливаются. Описанное мною теченіе моря дѣлаетъ еще и то, что южная часть Карскаго моря до Байдарацкой губы бываетъ часто покрыта плывучими ледяными островами, въ которыхъ въ 1862 г. затерло шкуну Крузенштерна, предпринявшаго путешествіе изъ устья р. Печоры въ Енисейскую губу. Неудача вся состояла въ томъ, что г. Крузенштернъ не избралъ пути черезъ Матушкинъ шаръ, — давно извѣстный. По нему мезенскіе поморы, нерѣдко въ своихъ карбасахъ, достигали Бѣлаго острова и сѣверо-западныхъ береговъ Ялмала, гдѣ промышляли очень счастливо моржей и бѣлаго медвѣдя.

Восточную сторону Урала туземцы, остяки и самоѣды, раздѣляютъ на два Урала: *Малый и Большой*. Первый, поросшій лѣсами, растительность которыхъ, приближаясь къ Ледовитому морю, постепенно скудѣетъ и исчезаетъ вовсе. Большой Уралъ, возвышаясь надъ Малымъ въ значительной высотѣ, виднѣется съ дальняго разстоянія въ видѣ тучи облаковъ. Голыя скалы его съ снѣжнымъ покровомъ представляютъ назидательному геогносту старца — свидѣтеля всѣхъ

---

*) На Матушкиномъ проливѣ я не былъ, а разсказъ объ немъ помѣщаю со словъ самоѣдовъ и мезенскихъ поморовъ.

катастрофъ мірозданія, прожившаго многіе вѣка и пережившаго многихъ и многое. Эти-то дѣды, истинные благодѣтели міра сего, они-то прикрыли вѣчную огненную пучину расплавленнаго землянаго зерна; они скопили воды въ моря, озера и рѣки, образовали земляную сушь, предоставивъ гостить на ней всѣмъ веществамъ и существамъ; сами же, созерцая съ высоты народъ человѣческій, награждаютъ его своими богатствами и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ ему изучить науку, заключающуюся въ натурѣ,—названную нами естественной исторіей. Что же сдѣлалъ человѣкъ? Съ той минуты, какъ припялся за изученіе природы, находя многое для себя непонятнымъ и блуждаясь въ сокровенностяхъ, оставляетъ точное разузнаніе всего въ удѣлъ своему потомству. Такъ проходили дни и годы, а дѣды-то не перестаютъ трудиться и незамѣтно, уничтожая одно, созидаютъ другое. Человѣкъ же на все это смотритъ, осязаетъ даже и все-таки не понимаетъ дѣдовскаго труда, а сознялъ только ту одну для своей жизни усладу, что начало всему есть Мудрость—Богъ!

Западная сторона Урала не имѣетъ Малаго Урала, отъ Большаго переходитъ къ покатостямъ, образующимъ подошвы горъ съ небольшими холмами нептуническаго образованія, среди обширнѣйшихъ долинъ, поросшихъ, возлѣ многихъ рѣчекъ и озеръ, нестроевымъ лѣсомъ изъ лиственицы, ели и тальника.

Описываемыя мною Уральскія горы состоятъ изъ слѣдующихъ каменныхъ породъ:

а) *Огненной коры*. Гранитъ; въ немъ очень рѣзко развиты кристаллы полеваго шпата, зеленовато-блѣднаго цвѣта; но попадается шпатъ блѣдно-краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. У подошвы гранитныхъ скалъ, на Большомъ Уралѣ, а именно тамъ, гдѣ беруть начало рр. Войкаръ, Ларюганъ, Нилкей, Кокпыла, Нижняя и Верхняя Хорови, Щучья и друг., виднѣются щебни изъ разрушеннаго гранита, съ отдѣлившимися кристаллами полеваго шпата, зернами кварца и слюды. Въ гранитныхъ трещинахъ нерѣдко замѣчаются граниты, въ которыхъ кварцы расположены сквозными жилами въ полевомъ

шпатѣ въ различныхъ направленіяхъ, въ родѣ іероглифныхъ знаковъ. Самоѣды обожаютъ эти граниты тѣмъ больше, если въ ихъ узорахъ находятъ знаки, похожіе на ихъ тамги, которыми клеймятъ своихъ оленей и татуируютъ себя на рукахъ—подобный гранитъ они называютъ «тамга камень» и онъ составляетъ у нихъ талисманъ. Равнымъ образомъ остяки обожаютъ граниты самые возвышенные, отдѣлившіеся отъ сплошныхъ массъ, и которые представляютъ собою башни. Возлѣ этихъ башень они приносятъ жертвы, ставятъ своихъ идоловъ, стрѣляютъ на вершины изъ луковъ, и котораго стрѣла залетитъ на вершину, тотъ считаетъ себя счастливымъ, ибо, на промыслѣ звѣря, если станетъ стрѣлять, то зарядъ всегда будетъ оставаться въ звѣрѣ, какъ стрѣла на гранитной башнѣ. Гранитные камни, обожаемые остяками, очень легко узнать: возлѣ нихъ лежитъ множество поломанныхъ стрѣлъ и вблизи на кусточкѣ навѣшано много лоскутковъ разноцвѣтнаго сукна, мѣдныхъ колецъ, мѣдныхъ денегъ, набросанныхъ въ камни.

Въ гранитныхъ горахъ очень часто попадаются погреба, въ которыхъ каменные самоѣды и остяки, ведущіе пастушескую жизнь, прячутъ свои богатства. Въ погребахъ я находилъ топазы, аквамарины, аметисты и даже хризоберилы; послѣдній мною найденъ величиною въ старую мѣдную копейку, а что важнѣе—безъ трещины. Стѣны погребовъ изрѣдка украшены призмами кристалловъ топаза и блѣднаго аметиста. Вениссовъ, малиноваго шерла, которыхъ такъ много на Уралѣ въ широтахъ екатеринбургскихъ, на Сѣверномъ Уралѣ мнѣ не случалось видѣть. Въ вершинахъ же р. Щучей, между гнейсами найденъ мною альмандинъ, цвѣтомъ очень близкій къ рубину, но послѣднимъ рѣжется. Изрѣдка попадаются кристаллы прозрачнаго полеваго шпата и разныя кварцовыя породы некристаллическія: оникcы, агаты, яшмы разноцвѣтныхъ лентъ и полу-опалы и проч.

Сплошныя массы сіенита расположены вездѣ по сѣверу Урала, но ихъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, можно только отличить отъ гранита. Роговая обманка вкраплена столь узкими и короткими кристаллами, что едва ее замѣтно.

Слѣдуетъ еще пояснить о сіенитѣ особенность, что въ массахъ его, разспожоженныхъ ближе къ Ледовитому морю, меньше роговой обманки; въ южныхъ же массахъ роговой обманки кристаллы больше и слюда вкраплена въ полевой шпатъ серебристыми тончайшими пластинками.

Вылившійся мѣстами порфиръ, а въ особенности въ вершинахъ рр. Кары и Щучей, составляетъ единственное украшеніе Урала. Порфиръ въ этихъ мѣстахъ состоитъ изъ зеленой роговой обманки и мелкозернистъ. Тальковаго сланца на восточной сторонѣ Урала—множество; онъ всегда почти находится въ соединеніи съ полевымъ шпатомъ. Въ разрушенныхъ грудахъ его попадается колчеданъ сѣрный, мѣдный и желѣзнякъ темно-бураго цвѣта. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ находятся отдѣльными группами хлористые сланцы и отдѣльными глыбами мраморной змѣевикъ и мраморъ.

б) *Водяной коры*. На Маломъ Уралѣ, а преимущественно на западной сторонѣ Урала, находятся известняки, песчаники, глины. По берегамъ р. Уссы пуденги, конгломераты и породы метаморфическія, которыя часто попадаются подъ вылившимися порфирами.

Кто любопытенъ, пусть, путешествуя по рр. Уссѣ и Печорѣ, выйдетъ на берега этихъ рѣкъ: онъ найдетъ въ выносахъ много разныхъ окаменѣлостей.

Окисленныхъ рудъ на сѣверномъ Уралѣ очень мало. Изрѣдка попадается магнитный желѣзнякъ, красная желѣзная руда и бурый желѣзнякъ. На отрогѣ Уральскаго хребта, по рѣкѣ Уссѣ, съ лѣвой стороны, на такъ-называемыхъ Адакскихъ горахъ, попадается сѣрный колчеданъ и сѣрные родники, образующіе небольшія рѣчки, впадающія въ р. Уссу, посрединѣ которой образовался небольшой островъ изъ сплошнаго кварцита.

Въ заключеніе моего описанія объ Уралѣ, я долженъ еще упомянуть о томъ, что нѣкоторые гг. геогносты, путешествуя по сѣверному Уралу, упоминаютъ о видѣнныхъ ими потухшихъ кратерахъ. При всѣхъ своихъ усиліяхъ, изслѣдуя Уралъ отъ р. Ляны до Вайгача, нигдѣ я не находилъ кратеровъ. Незначительныя же воронко-образныя отверзтія, до

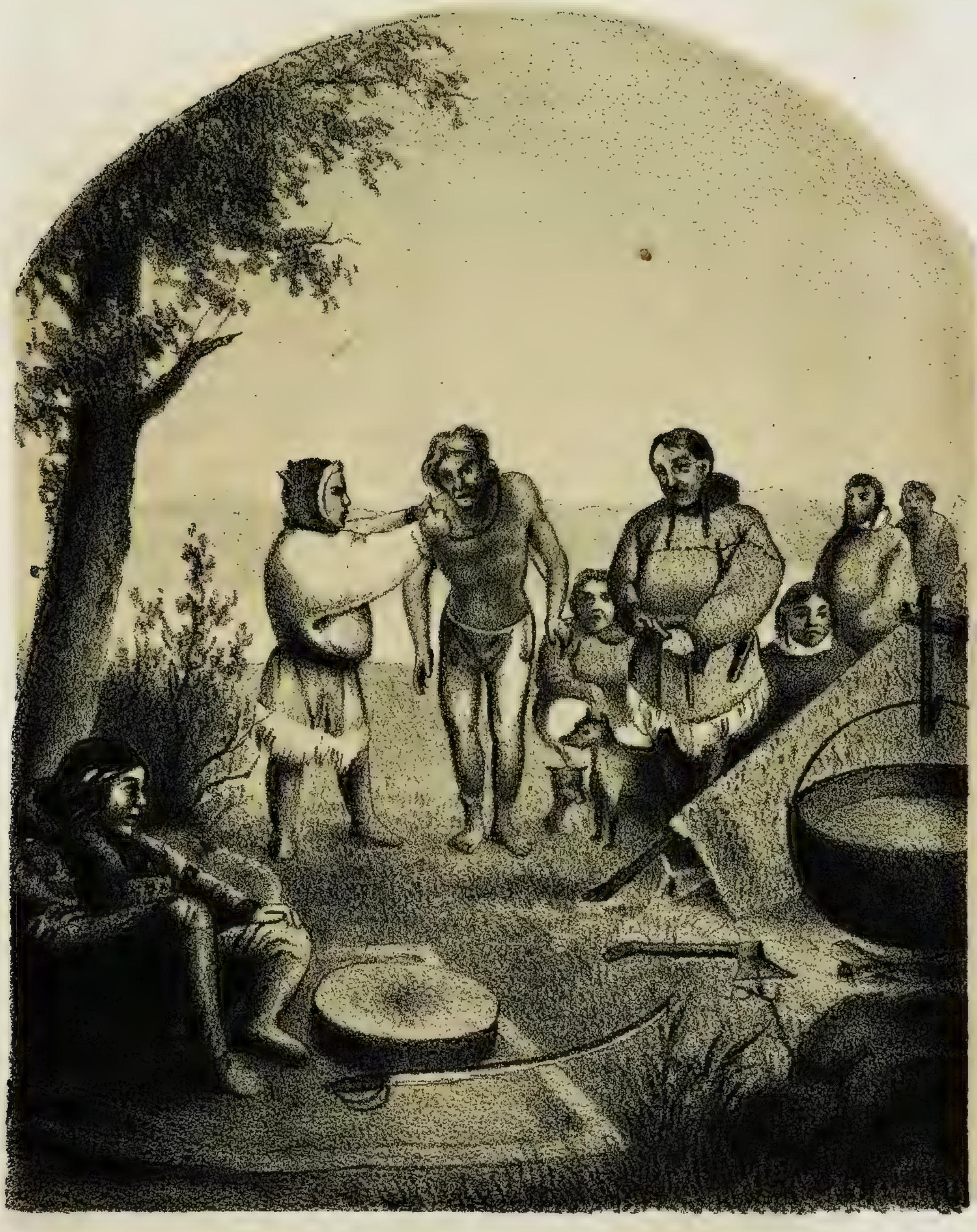
12 фут. глубины, видѣнныя мною на возвышенностяхъ Урала, если и находятся и во многихъ мѣстахъ, то они произошли, какъ полагаю, не отъ потухшихъ волкановъ, а отъ слѣдующаго дѣйствія расплавленнаго зерна: въ различныя эпохи существованія земли, плутоническая кора расплавленнымъ зерномъ подымалась, воздымалась, гдѣ вьющимися, а гдѣ складочными грядами. Пидѣ, вылившіяся гряды расли въ высоту. При такомъ процессѣ хрупкія горныя породы расщелялись, а дождевыя и снѣговыя воды, разъѣдая трещины горнаго хребта и смывая верхніе пласты коры, надѣлали въ однихъ мѣстахъ углубленія и воронко-образныя отверзтія, а въ другихъ—обнажили вершины стержней въ разныхъ видахъ: развалинами, башнями, зубцами, куполами. Отъ этого произошло и то, что верхнія части Урала состоятъ изъ толщъ первороднаго гнейса, гранитовъ, сіенитовъ, грюнштейновъ и порфировъ, т. е. изъ породъ плутоническихъ. Низменныя же части этихъ возвышенностей состоятъ изъ пластовъ разныхъ породъ нептуническихъ, косвенно къ горизонту поднятыхъ, которые, до поднятія ихъ расплавленнымъ зерномъ, составляли первородную водяную кору и прикрывали собою таковую же плутоническую. Возлѣ упомянутыхъ воронко-образныхъ отверзтій нигдѣ не находилъ я волканическихъ образованій, то есть туфовъ изъ кусковъ трахита, лавъ, шензы, что и доказываетъ отсутствіе кратеровъ, а напротивъ гнейсы, выдвинутые, при воронкообразныхъ отверзтіяхъ, въ гребни горъ, по большей части состоятъ изъ одного слюдистаго состава въ вывѣтренномъ и разрушенномъ видѣ, что также убѣждаетъ, что эти воронки вовсе не кратеры, ибо гнейсъ лежитъ у самаго расплавленнаго зерна, а потому разъ вылившись, образовали гребни горъ плутоническаго свойства, а не волканическаго, отъ котораго потоковъ бываютъ породы губчатаго вида и тѣмъ отличаются отъ породъ вылившихся горъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели, обращая вниманіе свое на климатическія условія сѣверной Сибири, давали вопросъ:— отчего произрастенія на одной и той же с. ш., при разныхъ долготахъ, имѣютъ неодинаковую растительность? а именно:

въ западныхъ долготахъ на материкѣ, окружающемъ Карское море, Обскую и Тазовскую губы подъ 68° с. ш. нѣтъ лѣсовъ, а на восточныхъ долготахъ, на материкѣ возлѣ Енисейской губы даже подъ 70° с. ш., есть лѣса. Нѣкоторые предполагали, что гольстромъ, обогнувъ восточную сторону Новой Земли, достигъ Енисейской губы и, проходя подъ землею, согрѣваетъ почву и тѣмъ способствуетъ растительности и существованію лѣсовъ. Эти убѣжденія давали даже мысль—открыть морской путь изъ Печорскаго порта кругомъ восточной стороны Новой Земли въ Енисейскую губу. Доказывать, что это такъ, или нѣтъ—оставляю болѣе компетентнымъ испытателямъ; я же долгомъ поставляю сдѣлать извѣстнымъ о моихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ мною въ Обдорскомъ отдѣленіи на западной и восточной сторонѣ Урала подъ 66° с. ш. — Высота Урала, въ упомянаемой с. ш. надъ площадью страны Азіи—до 4.000 ф.; — со стороны Европы—до 4.500 ф. — Средняя высота Европы надъ моремъ равняется 630 ф., а Азіи 1.080 ф. Помѣщаю эти вычисленія съ тою цѣлью, чтобы назидательнѣе представить причины появленія, въ зауральской полярной странѣ Азіи, западныхъ вѣтровъ столь сильныхъ, часто временныхъ и холодныхъ, во всякое время года, что противъ ихъ устоять невозможно. Вѣтры эти, по покатостямъ Урала, сдвигаютъ съ мѣста довольно большіе камни и катятъ ихъ къ подножью горъ. Олени, во время сильныхъ западныхъ вѣтровъ на Уралѣ, падаютъ на землю, придерживаясь объ нее рогами, или собираются въ кучи, лежа одинъ возлѣ другаго. Когда эта катастрофа находится въ полномъ дѣйствіи на восточной сторонѣ Урала, часто съ дождемъ, снѣгомъ даже въ лѣтніе мѣсяцы, на западной сторонѣ его едва подуваетъ теплый вѣтерокъ. Это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: теплые западные вѣтры, дойдя до Урала, подымаются по означенной высотѣ его, къ вершинамъ, гдѣ находятся вѣчные снѣга, тамъ охлаждаются, дѣлаются болѣе упругими, сдавливаются текуче-жидкими слоями воздуха; потомъ выбившись на восточную сторону Урала, какъ зарядъ изъ пушки, съ необыкновеннымъ стремленіемъ, со

свистомъ, шумомъ, грохотомъ, падаютъ съ вершины Урала на долину, находящуюся между рр. Обью и Тазомъ, съ дождемъ и холодомъ. Отъ этихъ-то урагановъ растительное царство полярной страны, во время знойнаго лѣта, едва украситъ себя зеленью, какъ въ то же время желтѣетъ. Долина, находящаяся между Обью и Тазомъ, имѣя пространство до 1.000 верстъ ширины, давая просторъ западнымъ вѣтрамъ, своею широтою вмѣстѣ съ спмъ отнимаетъ силу ихъ, такъ-что вѣтры эти, приближаясь къ сѣверной странѣ р. Енисея, дѣлаются обыкновенными, и холоднѣе европейскихъ вѣтровъ на столько, на сколько высота Европы ниже Азіи надъ моремъ и сѣверная широта ихъ ближе къ полюсу. А что только подобныя климатическія условія имѣютъ вліяніе на растительность царства Азіи, а не гольстремъ, это еще доказывается и тѣмъ, что степень замерзанія и таяніе земли подъ однѣми с. ш., а разными долготами сѣверной Обской и Енисейской страны—одинакова. Не лишнимъ считаю еще пояснить и то, что образовавшійся съ восточной стороны Малый Уралъ, котораго нѣтъ на западной, произошелъ отъ упомянутаго мною выше западнаго вѣтра, способствующаго силою своею разрушенію плутоническихъ породъ Большаго Урала, которыя, стремясь по направленію западнаго вѣтра на востокъ, образовали Малый Уралъ нептуническихъ формацій, что продолжается и въ настоящее время.

Эта-то страна была мѣстомъ моей дѣятельности и для нея-то впродолженіе шести лѣтъ я потратилъ много силъ и здоровья. Инородцы часто спрашивали меня: для чего я ѣзжу по ихъ рѣкамъ, горамъ и тундрамъ и чего я ищу, когда въ ихъ землѣ ничего нѣтъ? На это я отвѣчалъ имъ, что ищу труда для себя и для нихъ. И въ самомъ дѣлѣ на первый взглядъ кажется ничего нѣтъ въ ихъ странѣ, но нельзя сомнѣваться, что лишь только трудолюбивая и мощная рука человѣка коснется ея, то вдругъ обнаружитъ богатства, спрятанныя въ ея нѣдрахъ. Уральскія и Саянскія горы, находящіяся въ означенной здѣсь сѣв. широтѣ, носятъ на себѣ несомнѣнные признаки горъ первозданныхъ и, до настоящаго времени, были предметомъ однихъ описаній,—



Самоѣдинъ, удрученный лѣтами, передаетъ себя въ жертву, при шаманствѣ, дѣтямъ своимъ, для счастливѣйшаго ихъ быта на землѣ.

рука же человѣка не дотрогивалась до нихъ; нынѣ же въ этихъ горахъ найдены кладовыя богатствъ, тщательно сбереженныхъ въ награду тому, кто не пожалѣлъ труда для извѣданія ихъ. Огромная площадь между означенными горами есть какъ бы преддверіе къ этому богатству, съ путями сообщенія и съ обиліемъ звѣрей и рыбъ, предназначенныхъ Богомъ тому же человѣку, для поддержанія его жизненныхъ потребностей.

Сдѣлавъ краткій обзоръ страны самоѣдовъ, поставляю долгомъ продолжать повѣствованіе свое о ихъ житьѣ-бытьѣ въ частности, съ поясненіемъ развитія теологической и политической ихъ жизни и всего того, что мною лично замѣчено и узнано было впродолженіе 6-ти лѣтняго пребыванія въ ихъ сѣверной странѣ.

Жителей глубокаго сѣвера, ведущихъ бродячую жизнь по необозримымъ тундрамъ близъ береговъ Ледовитаго и Карскаго морей, называютъ самоѣдами. Въ бесѣдахъ съ самоѣдами, я спрашивалъ ихъ: отчего имъ дали такое названіе? Единогласно почти всѣ отозвались, что это не названіе ихъ, ибо ихъ зовутъ хозово (человѣкъ), а что самоѣдинъ—слово бранное, которымъ ихъ предковъ поносили русскіе! Остяки называютъ самоѣдовъ орхой (дикій человѣкъ). Въ преданіяхъ самоѣдовъ и остяковъ еще, по настоящее время, сохранилось въ памяти слѣдующее обыкновеніе самоѣдческихъ предковъ: «Удрученный лѣтами самоѣдинъ, когда чувствовалъ себя неспособнымъ къ промысламъ и ѣздѣ на оленяхъ, тогда жизнь свою считалъ въ тягость себѣ и своему потомству. Вслѣдствіе этого и вслѣдствіе убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить въ честь счастливой жизни своего потомства, а тѣло свое съѣсть.» Этотъ обрядъ отцеубійства исполняли дѣти при шаманствѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ и тѣло съѣдали. Остяки, видя такое ихъ варварское обыкновеніе, назвали самоѣдовъ орхой, дикимъ человѣкомъ, и во время оно, когда остяки въѣзжали къ нимъ въ тундру для торговли, то приказывали самоѣдамъ, при встрѣчѣ съ собою, падать на колѣни, кланяться въ землю и не смотрѣть на себя до тѣхъ поръ, пока не позволять. Входя въ самоѣдскіе чумы, приказывали постилать себѣ подъ ноги оленьи кожи и по нимъ входили. Не дотрогивались къ самоѣдской одеждѣ и къ вещамъ ихъ, а если которыя брали изъ рукъ ихъ, то чрезъ огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятію остяковъ, очищаетъ все, отъ всѣхъ нечистотъ.

Въ преданіяхъ остяковъ сохранилась еще быль, какъ одного казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ самоѣдамъ за сборомъ ясака, самоѣдскій старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при Какаулинѣ приказалъ своей младшей дочери раздѣться, показалъ ему тѣло ея, которое было жирное и бѣлое. Послѣ этого тотчасъ убилъ дочь свою и, отрѣзавъ у нея груди, вынувъ сердце, положилъ то и другое въ котелъ и сталъ варить на тотъ предметъ, чтобы этимъ лакомствомъ поподчивать Какаулина, но тотъ, испугавшись, убѣжалъ изъ чума и болѣе къ самоѣдамъ за сборомъ ясака не пріѣзжалъ, а поручилъ таковой производить остяцкому князцу.

Изъ этихъ преданій можно заключать, что самоѣды получили названіе свое отъ русскихъ казаковъ собственно потому, что сами себя ѣли, и неудивительно, что они считаютъ это слово браннымъ. Еще недавно былъ случай: лѣтъ 15-ть тому назадъ, самоѣдъ, руководясь убѣжденіемъ своихъ предковъ, съѣлъ свою мать, старую и неспособную къ трудамъ, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ. Преслѣдованія начальства давно искоренили между ними это варварство, и въ настоящее время самоѣды стали опасаться самоубійствъ, которыя для нихъ прежде были нипочемъ; задавить же себя, въ случаяхъ неблагопріятныхъ, они и нынѣ не считаютъ порокомъ, или, поймавъ вора, изувѣчить его до полусмерти считаютъ даже необходимымъ. Такъ недавно старшина Пячи, поймавъ съ родовичами своими отъявленнаго разбойника Пани, выломали ему ноги и руки и такимъ представили его начальству въ Обдорскъ. Когда же спрашивали ихъ, для чего они безчеловѣчно поступили съ Пани? то объяснились тѣмъ, что это сдѣлали потому, что Пани имѣетъ связи съ діаволомъ и ни одна веревка, какой бы толщины она ни была, не удержитъ Пани связаннымъ, а потому онъ могъ бы всегда убѣжать и отомстить имъ за поимку; чтобы не случилось этого, они выломали у Пани руки и ноги, и были спокойны, везя его чрезъ тундру къ начальству въ Обдорскъ. Было нѣсколько примѣровъ, что самоѣды, будучи взяты за преступленія

подъ арестъ, отъ страха давились, разсказывая объ этомъ своемъ намѣреніи родным раньше, убѣждая ихъ только тѣло по смерти увезти въ тундру и тамъ похоронить. Родные, зная намѣренія преступника, никогда никому объ этомъ не скажутъ, и признаютъ въ несчастныхъ случаяхъ самоубійство необходимымъ, лишь бы только оно было исполнено чрезъ задавленіе, ибо жертва давленная, по ихъ понятію, Богу пріятна, и послѣ подобной смерти въ загробной жизни самоѣдъ будетъ счастливѣе. Молодая дѣвица, если по принужденію родныхъ выходитъ за-мужъ за старика, то непремѣнно до замужества себя задавитъ, надѣясь, что, послѣ подобной смерти, получитъ такого жениха, о какомъ мечтала. Были еще недавно случаи, что самоѣдинъ, убѣдившись, что жена родила ему дитя не имъ прижитое, убивалъ его и выбрасывалъ на съѣденіе собакамъ.

Наконецъ не лишнимъ считаю разсказать объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, что самоѣды дѣйствительно сами себя съѣдали и что поэтому и названіе имъ дано русскими казаками «самоѣдъ»—правильно. Остяки и самоѣды долго между собою враждовали и ходили другъ на друга войною. Но когда самоѣды убѣдились, что остяковъ не въ состояніи были прогнать изъ своего отечества, то смирились предъ ними и въ клятву вѣчнаго мира и признанія надъ собою владычества остяковъ, исполнили слѣдующій обрядъ: изъ среды своей, по жребію, избрали одного самоѣда, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у лиственицы вершину и на оставшемся отрубкѣ поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Этотъ обрядъ былъ вѣрнымъ ручательствомъ вѣчнаго между ними согласія, и эта лиственица еще по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска.

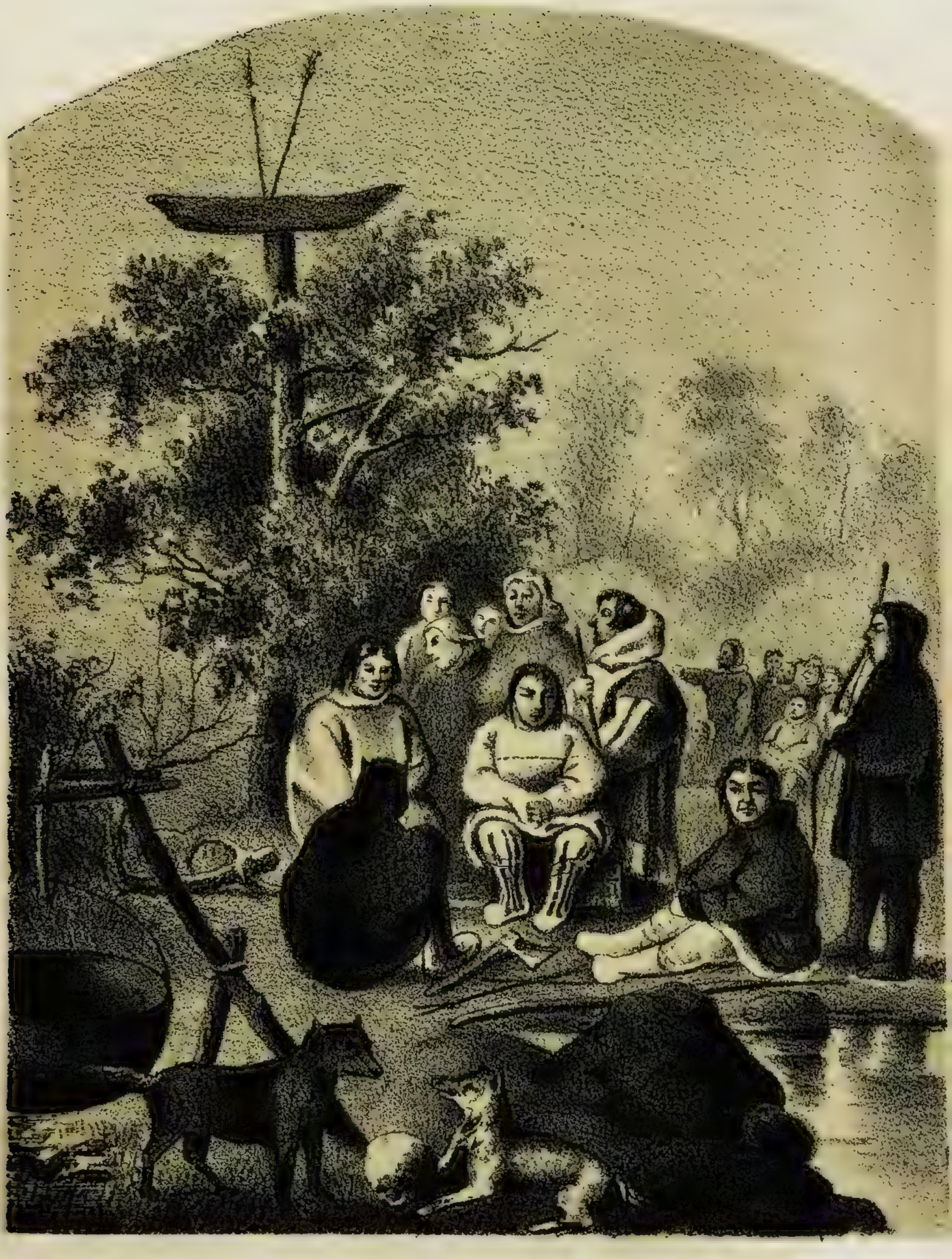
Самоѣды не имѣютъ рѣшительно никакихъ до-историческихъ легендъ о нашествіи предковъ своихъ на сѣверную, занимаемую ими страну. По теологическому преданію доказываютъ, что предокъ ихъ хозово (человѣкъ) сотворенъ былъ нумомъ (Богомъ) на сѣверѣ и для того они считаютъ себя коренными жителями сѣвера. Нѣтъ былинъ у нихъ, какъ

Угощеніе Сотника Какаулина самоѣдскимъ родоначальникомъ.

они до-историческихъ временъ, отъ разбойничьей охотничей жизни перешли къ пастушеской оленьей жизни. Въ сказкахъ ихъ упоминается только о людоѣдахъ съ прибавленіемъ разныхъ миѳическихъ приключеній. Но что они издревле, доисторическихъ временъ, были раздѣлены на роды и образовали изъ себя ватаги, то это сохранилось у нихъ въ потомствѣ, въ преданіяхъ, и этимъ доказывается то, что, для защиты своихъ личностей во время междоусобныхъ распрей, принуждены были самоѣды группироваться въ отдѣльныя общества, чтобы поставить этимъ сильный оплотъ противъ нападающихъ, или самимъ торжествовать въ грабежахъ и разбояхъ. Далѣе преданія ихъ гласятъ: когда же къ ихъ родственной враждѣ присоединилась борьба съ племенемъ остяцкимъ, которое сдѣлало на нихъ нашествіе изъ вершинъ рѣки Оби, тогда самоѣды принуждены были бросить междоусобія свои и сплотиться противъ враговъ своихъ—остяковъ, грабившихъ ихъ вездѣ. Много пролито было крови съ обѣихъ сторонъ. Много остяками было заграблено у нихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промышленныхъ мѣстъ, стадъ, захвачено женъ и дѣтей. Не видя спасенія, самоѣды стали собирать всѣ роды свои въ одно ополченіе и избрали себѣ радоначальника (князца) надъ всѣмъ самоѣдскимъ племенемъ, и общими силами стали прогонять остяковъ изъ своихъ тундръ. Война съ того времени для самоѣдовъ была удачнѣе. Остяки были отогнаны за устье р. Иртыша, но, къ несчастію самоѣдовъ, на нихъ изъ-за Урала начали нападать вагулы и пустозеры, а впослѣдствіи и зыряне. Много перетерпѣли самоѣды отъ этихъ нападеній: стада оленей были распущены, бродячая жизнь, разобщая ихъ даже семейно, не давала возможности держаться въ одной массѣ и противостоять врагамъ; принуждены были смириться предъ остяками, признать надъ собою ихъ власть и платить имъ ясакъ. Съ кочевьями же своими подвинулись къ сѣверу къ р. Сосвѣ и Козыму. Наконецъ наступило новое нашествіе—монголы, вытѣснивъ остяковъ изъ вершинъ р. Оби, Біи и Катуни, преслѣдовали ихъ до р. Томи. Остяки, удалившись къ устью р. Иртыша, думали, что спасли себя отъ лютѣйшаго врага,

но не тутъ-то было. Преслѣдованія татаръ, послѣ непродолжительнаго времени, застигли остяковъ и на устьѣ Иртыша. Остяки не могли съ ними справиться, признали надъ собою владычество монголовъ, вообще съ самоѣдами, и за-одно платили имъ ясакъ оленьими шкурами и соболями. Пораженіе остяковъ сдѣлало то, что они разсѣялись по всѣмъ рѣчкамъ, впадающимъ въ р. Обь до Обдорска, а самоѣды распространили свои кочевья вдоль береговъ Ледовитаго моря, отъ устья Печоры до устья р. Енисея. Нападенія пустозеровъ сдѣлали то, что самоѣды перенесли свои кочевья къ р. Карѣ, гдѣ довольно удачно защищались противъ непріятеля. Вогульское племя, будучи подавлено остяками, приняло надъ собою ихъ владычество и поселилось своими кочевьями на рѣчкахъ, впадающихъ въ р. Обь изъ уральской стороны.

Въ такомъ-то положеніи существовали дѣла сѣверныхъ инородцевъ, когда Ермакъ Тимоѳеевичъ, разгромивъ монголовъ, покорилъ Сибирь. Вслѣдъ за симъ наступило примиреніе пустозеровъ и зырянъ съ самоѣдами, появились взаимныя торговыя отношенія. По тундрамъ стали ѣздить разные торговцы отъ бѣлаго царя (новгородскіе купцы), и на сѣверѣ появились два торговые пункта—с. Пустозерское и с. Тазовское; куда стекались купцы разныхъ націй для торговли съ инородцами. Вышеозначенныя селенія скоро заселились русскими торговцами; даже Ледовитымъ моремъ чрезъ Карское море по р. Мутной, Обской губѣ и р. Еловой новгородскіе купцы доѣзжали до устья Пура, а оттуда по р. Тазу до с. Тазовскаго. Съ этого промышленнаго переворота въ самоѣдахъ стали смягчаться ихъ нравы, искоренялись людоѣды, пастушеская жизнь пришла къ полному своему развитію, оленей размножилось безчетное количество. Безропотно самоѣды повиновались русскому начальству, добровольно, чрезъ остяцкаго князя, вносили ясакъ оленьими шкурами и песцами. Но корыстолюбивые виды остяковъ, становились для самоѣдовъ годъ отъ году тяжелѣе, и они, желая себя освободить отъ этого ига, ополчились противъ остяковъ. Война продолжалась очень долго; тогда русское войско, казаки, были



Миръ заключенный между Самоѣдами и Остяками, послѣ продолжительной войны.

посланы въ помощь остякамъ, какъ племени, способствующему русскому правительству для введенія въ сѣверной странѣ административнаго порядка, а въ особенности для защиты русскихъ промышленниковъ. Къ этому времени, т. е. къ XVI вѣку слѣдуетъ отнести основаніе крѣпости Обдорска. Самоѣды были покорены, признали надъ собою власть русскаго правительства и остались въ подчиненіи остяцкаго князя Тайшана. Въ началѣ этихъ междоусобій пало жертвою лютости самоѣдовъ с. Тазовское: оно было сожжено и жители его перебиты. Самоѣды по настоящее время въ сказкахъ своихъ о разграбленіи с. Тазовскаго упоминаютъ о томъ страхѣ, какой они носятъ въ своемъ сердцѣ чрезъ выжиданіе наказанія отъ русскаго правительства за свое своеволіе, и повторяютъ, что рано или поздно, а насъ накажутъ.

До 1864 года остяцкіе князья постоянно держали самоѣдовъ въ своемъ подчиненіи; но правительство, убѣдившись во вредномъ вліяніи остяцкаго князя на самоѣдовъ, по просьбѣ сихъ послѣднихъ, лишило потомка Тайшиныхъ этой власти и разрѣшило имъ избрать своего родоначальника, чѣмъ и положило прочное основаніе избирательному управленію и угодило самоѣдамъ до восторга въ защиту ихъ личной свободы и имущественной собственности.

Племя самоѣдское было очень многочисленное: они считаютъ, что ихъ предковъ было тысячу тысячей, раздѣленныхъ на 100 родовъ; но бродячая жизнь ихъ въ полярной странѣ, которая обусловливаетъ только холодъ, голодъ и движеніе, какъ выразился одинъ ученый, есть трата силъ въ борьбѣ за существованіе до вымиранія. И дѣйствительно, самоѣды, испытывая отъ падежей скота, голода и свирѣпствующихъ болѣзней: оспы, гнилой горячки и подарковъ, занесенныхъ къ нимъ русскими—сифилиса, упадка нравственныхъ и физическихъ силъ, скоро разстались съ своимъ многочисленнымъ племенемъ. Въ настоящее время скитается ихъ по Обдорскому отдѣленію только до 2.000 семействъ, и то на половину пораженныхъ сѣверной проказой, каростой и сифилитическимъ худосочіемъ.

Торговыя отношенія самоѣдовъ съ русскими имѣли въ

ихъ политическомъ развитіи большое вліяніе. Они въ настоящее время очень хорошо понимаютъ, что кромѣ пастушеской жизни, рыболовства и звѣроловства, они могутъ поддерживать себя и другими средствами, и многіе изъ самоѣдовъ занимаются уже торговлею вина и разныхъ мелочныхъ товаровъ, необходимыхъ для ихъ жизни въ своихъ тундрахъ, не отставая отъ бродячей жизни.

Самоѣды средняго роста, тѣлосложенія мускулистаго, станъ довольно стройный, круглая голова, скулистое круглое лице, приплюснутый носъ, широкія и толстыя губы, бѣлые зубы, узкіе черные глаза, вдавленный узкій лобъ, черныя брови и ресницы, но малыя; черные волосы, небольшія уши, отдѣляющіяся отъ головы, походка качающаяся, но легкая, ноги выгнутыя, тонкія, маленькія руки и стопы, вообще тѣлодвиженіе проворное и смѣлое, голосъ сильный, пронзительный и негармоническій, разговоръ быстрый—въ носъ. Сила умѣренная, терпѣливые, скрытные къ стороннимъ, молчаливые, постоянные въ словѣ; неопрятные, лѣнивые, обжорливые, невоздержные, способности не развиты, но не лишены здраваго смысла, довольно сострадательны къ нуждамъ ближняго, но разсчетливые, корыстолюбивые, завистливые, властолюбивые и мстительные; въ женщинахъ замѣтна наружная скромность, на словахъ же и въ обращеніи онѣ довольно нескромны. Мужчины нравственнѣе ихъ. Привязанность къ дѣтямъ велика; но взрослыя дѣти очень мало почитаютъ своихъ родителей; жены въ отношеніи мужей своихъ—рабы; братья съ своими сестрами обходятся такъ же и смотрятъ на нихъ какъ на вещь, которая можетъ быть продана, тѣмъ больше. если нѣтъ въ живыхъ родителей ихъ и сестры остались подъ покровительствомъ братьевъ.

Одежда у самоѣдовъ дѣлается изъ кожъ оленьихъ, песцовыхъ, бобровыхъ и собачьихъ, и шьется нитками, приготовленными изъ оленьихъ жилъ. Изъ оленьихъ полугодовыхъ телятъ, называемыхъ неплюями, шьютъ малицы въ родѣ мѣшка съ отверзтіемъ вверху, какъ пролѣзть головѣ съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами съ однимъ пальцомъ. Къ отверзтію пришиваютъ тріушокъ, который дѣлается изъ пѣшки (выпорки изъ выкидышей оленьихъ). Малица надѣвается шерстью къ тѣлу, и обшивается кругомъ подола кундой (собачьей кожей), бѣлой, длинношерстной, въ родѣ бахрамы. Тамъ, гдѣ кунда пришивается къ подолу, проводятъ красную полоску сурикомъ. Надѣвъ малицу, опоя-

сываются широкимъ ремнемъ, украшеннымъ разными пуговицами. Къ поясу привѣшиваются съ лѣвой стороны ножны съ ножомъ, украшенныя мѣдными полосками, а съ правой ножны съ оселкой; сзади, по срединѣ пояса, прицѣпляютъ въ родѣ портмоне, мѣшочекъ, украшенный пуговицами: въ немъ прячутъ трутъ, огниво, кремень, нитки, иголки и волчій зубъ. Надѣвъ малицу и опоясавшись, самоѣды надѣваютъ на себя послѣ парку, которая отличается отъ малицы тѣмъ, что дѣлается безъ рукавицъ и изъ темныхъ одношерстныхъ неплюевъ, а у богатыхъ изъ пестрыхъ; ниже къ подолу пришиваются узорчатыя каймы, сдѣланныя изъ кусочковъ разношерстныхъ оленьихъ кожъ и разноцвѣтнаго сукна, а самыя кунды вверху обшиваютъ бобровыми полосками; тріупокъ дѣлается изъ тѣхъ же кожъ, что и парка, и принаравливается такъ, чтобы кожа головы оленя съ ушами приходилась на головѣ самоѣда. Парка надѣвается шерстью вверхъ. Гусъ— та же парка, дѣлается изъ толстыхъ неплюевъ безъ кунды и бобра, надѣвается шерстью вверхъ, и то во время сильныхъ морозовъ. На ноги надѣваютъ замшевые штаны; чулки (чижи) дѣлаются изъ толстаго неплюя, а на нихъ шимы (самоѣдскіе пестрые сапоги, которые дѣлаются изъ кожи оленьихъ ногъ съ длинными голяшками за колѣни, голяшки привязываются ремешками къ штанамъ, а ниже колѣна обвязываются шерстянымъ цвѣтнымъ пояскомъ. На ночь надѣваютъ длинныя ягушки, въ родѣ халата, сдѣланные изъ тонкихъ неплюевъ, на подкладѣ изъ песцоваго и бѣличьяго мѣха. Женская одежда у самоѣдовъ состоитъ изъ ягушки, сдѣланной изъ полосокъ неплюевъ, собачьей бѣлой и черной шкуры, бобра и разноцвѣтнаго сукна; къ рукавамъ прицѣпляются разныя мѣдныя побрякушки, бубенчики, колокольчики и длинные кусочки разноцвѣтнаго сукна. На голову надѣваютъ шапку съ бобровымъ околомъ, или же съ околомъ изъ песцовыхъ и лисьихъ хвостовъ; тулейка у нея дѣлается изъ полосокъ разноцвѣтнаго сукна. Къ шапкѣ сзади прицѣпляются двѣ косы, оплетенныя разъ возлѣ разу шерстяными тоненькими поясками; къ этимъ косамъ прицѣпляютъ разные мѣдные кружечки, колокольцы. Опоясываются шерстянымъ пояскомъ, къ

которому вмѣсто пряжки прикрѣпляется большой мѣдный кругъ, раздѣленный двумя хордами. Къ ушамъ привѣшиваютъ мѣдныя серьги въ родѣ пуговокъ. На пальцахъ носятъ множество мѣдныхъ колецъ. Волосы заплетаютъ въ двѣ косы, какъ мужчины, такъ и женщины, и оплетаютъ ихъ шерстяными малиновыми поясками. Женщины, чтобы рѣзче выказать на лбу проборъ, выдергиваютъ на немъ волосы. Нѣкоторые мужчины стригутъ волосы и голову подбриваютъ кругомъ. Штаны, какъ мужчины, такъ и женщины дѣлаютъ изъ оленьей замши. Одежда ими надѣвается всегда на голое тѣло; рубашекъ и подштанниковъ не носятъ. Имущественныя самоѣдскія принадлежности очень нероскошны; онѣ бываютъ слѣдующія: чумъ, передвижной домъ; онъ имѣетъ коническую фигуру, дѣлается изъ 25 и болѣе жердей въ 3 сажени длины; вверху эти жерди смыкаются всѣ въ кучу, а нижніе концы разставляются кругообразно по землѣ и образуютъ кругъ на 2 сажени и болѣе въ діаметрѣ. Поставивши жерди снаружи, прикрываютъ ихъ пюгами, т. е. покрывалами, сшитыми изъ оленьей кожи. Одну кожу кладутъ шерстью внутрь, а другую—шерстью вверхъ, оставляя вверху чума отверзтіе для выхода дыма; а чтобы пюги не могъ сдернуть вѣтеръ, обвязываютъ чумъ кругомъ веревками, а внизу обсыпаютъ на аршинъ снѣгомъ и утаптываютъ его. Одинъ конецъ пюги изъ подвѣтренной стороны не привязываютъ и онъ свободно откидывается и закидывается, и это отверзтіе служитъ имъ входомъ въ чумъ; противъ этого отверзтія внутри, по срединѣ чума кладутъ на полѣнахъ жестяной листъ, на которомъ разводятъ огонь, и это служитъ имъ очагомъ; надъ очагомъ на $1^1/_2$ аршина къ верху къ чумовымъ жердямъ противъ входа привязываютъ къ обѣимъ сторонамъ входа по концу двухъ длинныхъ палокъ такой величины, которыя хватили бы чрезъ весь чумъ; противоположные концы этихъ палокъ сводятъ вмѣстѣ и, завѣшивая въ паралель, къ очагу привязываютъ тоже къ чумовой палкѣ противоположной входу. На этихъ перекладинахъ завѣшиваютъ передъ огнемъ котлы, сушатъ свою одежду, коптятъ мясо и проч. По обѣимъ сторонамъ очага кладутъ на землѣ въ длину чума по двѣ ши-

рокія доски, которыя и служатъ имъ столомъ; за этими досками устраиваютъ себѣ логовище такимъ образомъ: на землю кладутъ ковры, связанные изъ тальничныхъ прутьевъ, на нихъ постилаютъ ковры, связанные изъ пучковъ длинной высушенной травы, и все это сверху прикрываютъ невыдѣланными оленьими кожами. Подъ голову кладутъ лишнюю одежду и прикрываютъ ее неплюями. У входа передъ очагомъ складываютъ дрова, а на другой сторонѣ очага ставятъ котлы съ водою, ведра, разныя корытца, мясо и проч. свою хозяйственную утварь. Чумъ складываютъ и разбираютъ въ четверть часа: онъ очень удобенъ для бродячей ихъ жизни, и когда поддерживается умѣренный изъ сухихъ дровъ огонь, тогда въ немъ очень тепло въ сильнѣйшіе морозы.

Нарты (сани). Они дѣлаются для обоза на высокихъ копыльяхъ и больше, чѣмъ для легкихъ разъѣздовъ; полозья у нихъ широкія, не толстыя, чтобы свободно могли держаться на снѣгу; сѣдалище устраивается на задней части полозьевъ; полозья спереди круто загибаются, почти шарообразно, и къ концамъ ихъ прикрѣпляются блоки (ендели), въ которые вдергиваютъ ремни отъ упряжи; одною рукою очень свободно можно нарту поднимать и въ снѣгу онѣ не вязнутъ.

Куромы (въ родѣ дровень); ихъ устраиваютъ для привоза дровъ и перевозки чума. Оленья сбруя очень несложна: она состоитъ изъ уздечекъ и лямокъ; къ лямкамъ привязывается длинный ремень, который пропускается чрезъ блоки, привязанные къ носу полозьевъ нарты, и служитъ въ родѣ оглобель; этотъ ремень пропускается между ногъ оленя. Одна возжечка привязывается къ уздечкѣ къ переднему оленю, которой правятъ; опоясывается олень выше брюха возлѣ переднихъ лопатокъ подпругой, и къ этой подпругѣ привязывается поводъ уздечки другаго оленя. Понуждаютъ оленей длиннымъ шестомъ въ 3 сажени, который дѣлается въ коническомъ видѣ; на тонкомъ концѣ этого шеста прикрѣпляютъ плоскую круглую косточку, а на толстомъ—желѣзное копье, тонкимъ концомъ колютъ оленей въ задъ, а копьемъ убиваютъ звѣрей и придерживаются о землю во время ѣзды, когда нарты закатываются при поворотахъ. Винтовка, лукъ

Внутренній бытъ Самоѣдовъ въ чуму.

со стрѣлами, пороховница, топоръ, широкій и узкій ножъ въ родѣ толстаго шила, которымъ колютъ оленей и долбятъ въ деревѣ дирки, сверло, трубка изъ мамонтовой кости съ крошечнымъ чубучкомъ, рожокъ для нюхательнаго табаку и тынзянъ (арканъ), которымъ ловятъ оленей (см. 71 стр.) Вотъ и все имущество самоѣда, которымъ онъ довольствуется; богатство и довольство жизни его заключаются въ оленяхъ и кожахъ пушнаго звѣря.

Обдорскіе самоѣды по настоящее время ведутъ жизнь бродячую, занимаютъ своими кочевьями весь сѣверный берегъ Ледовитаго и Карскаго Моря, отъ р. Кары до р. Енисея. Во время кочевьевъ распредѣляютъ временемъ такъ: лѣтомъ бродятъ вблизи моря, на возвышенностяхъ Уральскихъ горъ и ихъ покатостяхъ, называемыхъ Пайхой, на полуостровѣ Ялмалѣ, между Карскимъ моремъ, Байдарацкою губою и Обскою губою, на полуостровѣ между Обскою и Тазовскою губою отъ устья р. Еловой и р. Пура, и на полустровѣ между Обскою и Тазовскою губою отъ устья р. Мяцо къ вершинамъ ея и р. Енисея и Енисейскою губою. Съ приближеніемъ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, самоѣды подходятъ со своими стадами къ южнымъ частямъ Обской, Тазовской губы и р. Оби. Тутъ у береговъ этихъ водъ дожидаются замерзанія ихъ и, какъ только станетъ ледъ въ сентябрѣ, тотчасъ переходятъ на противоположный берегъ, гдѣ уже находятся небольшіе перелѣски, и чѣмъ сильнѣе дѣлается морозъ, тѣмъ скорѣе стараются попасть въ густые лѣса и среди ихъ и находящихся между ними тундръ распространяютъ свои кочевья все южнѣе и южнѣе отъ вершинъ рр. Табъюгана, Ныды, Полуя, Казыма, до предѣловъ Сургутскаго участка. При перекочевкѣ изъ пустыхъ тундръ въ лѣсныя мѣста самоѣды отдѣляютъ отъ своихъ большихъ стадъ часть оленей, почти самыхъ быковъ. Изъ нихъ формируютъ небольшое стадо и съ легкимъ чумомъ (безъ обоза) подкочевываютъ въ декабрѣ къ с. Обдорску для положенія ясака, для продажи своего товара и покупки хлѣба, муки и разныхъ принадлежностей на обдорской ярмаркѣ. По окончаніи ярмарки, въ январѣ возвращаются къ большимъ своимъ стадамъ, гдѣ остаются всю зиму до приближенія весны къ апрѣлю мѣсяцу. Во время зимнихъ мѣсяцевъ занимаются въ лѣсахъ охотой на дикихъ оленей, лисицъ, бѣлокъ, заготовляютъ себѣ всѣ деревянныя принадлежности, а особенно приготовляютъ большой запасъ нартъ, куромъ и полозьевъ, чтобы достало для кочевки на цѣлое лѣто; ибо самоѣды дѣлаютъ лѣтомъ свои разъѣзды

Обдорская Ярмарка.

тоже на нартахъ, а о камни и песокъ очень скоро стираются полозья; въ мѣстахъ же лѣтнихъ ихъ кочевьевъ лѣсовъ нигдѣ нѣтъ. Съ наступленіемъ весны самоѣды возвращаются опять въ свои лѣтнія кочевья и по этому, разъ заведенному, порядку бродятъ отъ незапятныхъ временъ до настоящаго времени. Самоѣды раздѣляются на роды и каждый родъ имѣетъ свой путь кочевой жизни. Отъ передвиженій этихъ образовались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по тундрамъ, переходныя, тертыя дороги, очень замѣтныя, которыя называются анасными дорогами. Дѣйствіе передвиженія ихъ чумовъ называется касланіемъ, всю же двигающую массу касланія называютъ анасомъ. Обозъ съ вожакомъ на передней легкой нартѣ бываетъ безъ клади, а изъ послѣдующихъ 6-ти нартъ съ кладью, запряженныхъ въ нарту по два оленя, привязанныхъ арканами сзади предъидущей нарты, называютъ аркишемъ. Мѣсто, гдѣ самоѣдъ стоитъ чумомъ, называютъ чугоромъ. Разѣзжая по самоѣдскимъ тундрамъ, часто слышимъ отъ вожаковъ, какъ они говорятъ, что вотъ анасная дорога такого-то и до такой-то считается столько-то анасовъ, а недалеко долженъ быть чугоръ, или вотъ уже онъ скаслалъ, вотъ далеко-далеко виднѣется паръ *) отъ аркишевъ и на пригорокъ въѣхалъ первый аркишъ. Когда случаются мятели и заносятъ анасныя дороги, то самоѣды разыскиваютъ кочевья другъ друга по чугорамъ, которые какъ бы ни были занесены снѣгомъ, все же въ какомъ-нибудь мѣстѣ оставятъ признакъ своего существованія, какъ-то: оленій калъ, поломанныя нарты. Найдя этотъ признакъ, самоѣды ощупью разыскиваютъ—въ которомъ именно мѣстѣ стоялъ чумъ и обозъ, собственно для того, чтобы узнать, въ которую сторону тронулся чумъ съ съ обозомъ, съ мѣста: по этому-то направленію они и ѣдутъ и находятъ разыскиваемаго; а чтобы узнать, какъ давно изъ чугора скаслали, то самоѣды ножомъ разрѣзываютъ снѣгъ до земли и по напластованію снѣга и находящагося въ немъ

---

*) Во время зимы надъ стадомъ оленей, гдѣ они пасутся, отъ ихъ дыханія, образуется облако, замѣтное издали. Это замѣчается еще рѣзче при касланіи.

оленьяго кала опредѣляютъ это время, а именно: чѣмъ калъ ближе находится верхняго напластованія снѣга, тѣмъ время недавнѣе скасланія, и чѣмъ глубже, тѣмъ дольше. Сверхъ того нѣкоторые самоѣды оставляютъ на чугорахъ нѣсколько палокъ, воткнутыхъ въ снѣгъ наклоненными къ тому направленію, гдѣ долженъ быть ихъ новый чугоръ, и на этихъ палкахъ они вырѣзываютъ свои тамги (знаки), по которымъ и узнаютъ, чей анасъ стоялъ на чугорѣ. Эти тамги находятся у нихъ на каждомъ оленѣ и у самихъ самоѣдовъ татуированы на рукахъ; они бываютъ слѣдующаго вида:

и проч.; у нихъ есть еще также слѣдующее тавро (клеймо дьявольское) ⊙: его кладутъ на оленей, обреченныхъ въ жертву. Тавры дѣлаютъ каждый годъ на бокахъ оленя у передней лопатки, выщипывая шерсть или просто вырѣзывая ее ножомъ. Во время моего путешествія по самоѣдскимъ тундрамъ, дѣлаемаго на собственныхъ оленяхъ, а ихъ было до 400 ш., я, чтобы можно было узнать, что эти олени принадлежали мнѣ, приказалъ на каждомъ оленѣ вырѣзать дьявольское самоѣдское и остяцкое тавро въ томъ видѣ, какъ оно показано выше. Рабочіе самоѣды и остяки совѣтовали мнѣ этого не дѣлать собственно потому, что на такихъ оленяхъ, по ихъ мнѣнію, нельзя ѣздить, и что будемъ постоянно блудиться, кружить по тундрамъ, но я на это замѣчаніе не обращалъ вниманія, и, сдѣлавши эти тавры на оленяхъ, имѣлъ ту выгоду, что если мой олень убѣжитъ и попадется въ чужое стадо, то его сейчасъ же доставляли ко мнѣ и чрезъ это сохранилось мое стадо цѣлымъ; убить же оленя съ подобнымъ тавромъ или держать его у себя въ стадѣ самоѣды не рѣшались по той причинѣ, что дьявольскіе тавры кладутся ими на оленей во время своихъ болѣзней и разныхъ несчастій, и олени носятъ ихъ до того времени, пока не выздоровѣетъ больной самоѣдинъ и лишь по выздоровленіи его убиваютъ въ жертву и съѣдаютъ; если бы кто раньше убилъ оленя съ подобнымъ тавромъ, такъ самъ захвора-

етъ тою же болѣзнью, которой затаврент былъ олень. Нѣкоторые самоѣды нарочно подпускаютъ подобныхъ оленей въ чужія стада, думая, что олень унесетъ на себѣ всѣ ихъ несчастія и, войдя въ чужое стадо, оставитъ несчастіе тому, кому принадлежитъ стадо; это дѣлается ими изъ зависти, и за подобныя продѣлки они вступаютъ въ тяжбы и жестоко враждуютъ другъ противъ друга.

Бродячая жизнь самоѣдовъ вызвана необходимостью, вслѣдствіе климатическихъ условій самой природы, и не можетъ быть измѣнена безъ потери настоящаго матеріальнаго ихъ пастушескаго быта. Холодная зима заставляетъ самоѣда для изобилія дровъ находиться въ лѣсахъ, ибо въ ихъ чумахъ зимою, въ сильные морозы, огонь поддерживается почти суточно; кромѣ того въ лѣсахъ есть небольшія моховыя тундры, въ которыхъ олень можетъ быть защищенъ отъ вьюгъ и непогодъ. Только въ зимнее время шкуры звѣрей имѣютъ настоящее достоинство, и дорогой звѣрь водится болѣе въ лѣсахъ. Пищу же для самоѣда въ зимнее время преимущественно составляетъ оленье мясо, которое тогда бываетъ жирное, сочистое и несвищеватое. Съ приближеніемъ весны олени начинаютъ телиться; въ лѣсахъ оленоводы не могутъ имѣть бдительнаго надзора за теляющимися оленями: въ лѣсахъ родившихся телятъ часто убиваютъ вороны, а новотельныя самки часто бросаютъ телятъ отъ торопливости, чтобы не отстать отъ стада во время касланія. Притомъ родовыя потуги новотельныхъ самокъ бываютъ часто столь трудны, что самка, отеливпись, отъ боли бросаетъ своего теленка; тогда ее ловятъ, привязываютъ и заставляютъ привыкать къ своему теленку. Для наблюденія за всѣмъ этимъ, для тѣхъ, у которыхъ есть большія стада, необходимы открытыя мѣста. Съ приближеніемъ лѣта, тучи комаровъ, мошекъ и паутовъ (слѣпни) не дозволяютъ уже оленямъ оставаться въ лѣсахъ. Отъ нападенія насѣкомыхъ они худѣютъ, свищи одолѣваютъ ихъ до изнуренія, такъ-что нѣкоторые подыхаютъ. Тогда самоѣдъ не ѣстъ оленьяго мяса и принужденъ для себя искать другой пищи, и для того онъ съ оленемъ бѣжитъ изъ лѣсовъ на голыя тундры, которыя чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ открытѣе, а на

высокихъ мѣстахъ холоднѣе. Кромѣ мху и разныхъ травъ и карликоватаго тальника и березки, тамъ нѣтъ никакихъ древесныхъ растеній. На такихъ-то тундрахъ олень, свободный отъ комара, нѣжится, поправляетъ свою худобу и къ осени разжирѣетъ до того, что на спинѣ и груди у него бываетъ на вершокъ сала. Самоѣду тоже предстоятъ новыя занятія: онъ добываетъ по озерамъ, рѣкамъ и возлѣ моря весеннюю птицу, рыбу, морскаго звѣря, заготовляетъ къ зимѣ сушеную рыбу, извѣстную подъ названіемъ юрока и поземовъ, приготовляютъ варку изъ ожирѣлыхъ частей рыбы, которыя жаритъ въ котлахъ и вмѣстѣ съ жиромъ вышкварки складываетъ въ оленьи брюшины и кожи, сорванныя съ гусей, утокъ и лебедей. А чтобы жиръ не загорькъ во время лѣтнихъ жаровъ, то самоѣды вырываютъ въ землѣ ямки, и складываютъ варку туда до зимы. Варка сохраняется очень хорошо и составляетъ лакомую пищу съ русскимъ хлѣбомъ или ржаною мукою, разболтанной въ кипяткѣ; это блюдо называется саламатою. Кромѣ того большую рыбу — осетровъ, нельмъ они пускаютъ въ озера и, съ наступленіемъ уже морозовъ, выловивъ ихъ оттуда, привозятъ на продажу русскимъ во время ярмарки, и лакомятся сами, зимою съѣдая ее мерзлою. Это кушанье русскіе называютъ строганиной; съ солью и перцемъ она очень вкусна и заключаетъ въ себѣ испытанное гигіеническое средство противъ цынги. Оленья свѣжая кровь имѣетъ то же свойство, а потому русскіе, посѣщая сѣверное самоѣдское царство, за обязанность считаютъ привыкать къ употребленію въ пищу строганины, и тѣмъ спасаются отъ цынги.

Вникнувъ въ обстоятельства, заставляющія самоѣда вести бродячую жизнь, каждый изъ благомыслящихъ людей пожелаетъ ему, какъ человѣку, улучшенія его матеріальнаго быта, захочетъ сдѣлать его осѣдлымъ, или, по крайней мѣрѣ, кочующимъ; но тогда нужно было бы разлучить его съ большими стадами оленей, между тѣмъ какъ существованіе въ необозримыхъ тундрахъ безъ оленя даже немыслимо. Изъ многочисленныхъ примѣровъ замѣчено, что самоѣдъ, когда лишится своего стада, что бываетъ съ нимъ нерѣдко отъ падежа

оленей, тогда онъ дѣлается кочевымъ или осѣдлымъ, но въ это время онъ испытываетъ нужду во всемъ. Въ непродолжительное лѣто пропитываетъ себя заработками у русскихъ, съ наступленіемъ 8-ми-мѣсячной зимы голодаетъ съ своимъ семействомъ, и нерѣдко умираетъ съ голоду. Но едва пріобрѣтетъ немного оленей, тотчасъ начнетъ вести свою бродячую жизнь, и обстоятельства его улучшаются. Съ оленями онъ имѣетъ вездѣ доступъ къ промысламъ, богатѣетъ и считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Разъѣзжая по самоѣдскимъ тундрамъ, часто случалось мнѣ встрѣчать кочующихъ самоѣдовъ, имѣющихъ по нѣсколько оленей. Телятъ запрягаютъ въ нарты, сами имъ помогаютъ тащить ихъ, лишь бы не сидѣть на одномъ мѣстѣ. Правда, привычка къ бродячей жизни много дѣйствуетъ на самоѣда, но сама природа его страны заставила его быть такимъ, ибо она у себя такъ все распредѣлила, что въ одномъ мѣстѣ много птицы, въ другомъ рыбы и звѣря: въ одномъ мѣстѣ возможно только жить лѣтомъ, а въ другомъ—зимою, и всѣ эти мѣста находятся на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Въ лѣтнее время передвиженія еще возможны водою на лодкахъ, но все же не ко всѣмъ мѣстамъ; зимою же безъ оленя они невозможны, и потому олень есть единственная для самоѣда необходимость, спокойствіе, богатство, утѣшеніе и самая жизнь. Справедливость моихъ убѣжденій можно еще доказать и тѣмъ, что зыряне и пустозеры, сосѣди самоѣдовъ, ведя жизнь осѣдлую по р. Печорѣ и притокамъ ея, были въ нищетѣ, и когда замѣтили, что оленоводство ихъ обогащаетъ и служитъ имъ средствомъ, весьма важнымъ къ поддержанію жизни, то стали разводить стада и вести жизнь бродячую, и скоро разбогатѣли, стали улучшать свои морскіе промыслы. Когда же пустозеры лишились отъ сибирской язвы стадъ оленьихъ и размноженныя стада зырянъ истребили пищу оленямъ на ихъ тундрахъ, то обѣднѣли и ведутъ одну осѣдлую уже жизнь, довольно бѣдную.

---

*

Самоѣды, когда собираются каслать, то съ самаго начала пастухи объѣдутъ на легкихъ нартахъ въ два оленя весь чугоръ и сгоняютъ оленей поближе къ чуму; въ этомъ имъ помогаютъ небольшія долгошерстныя собаки, которыя такъ отлично пріучены сгонять оленей, что куда бы они ни отлучились—разыщутъ и пригонятъ къ чуму. Собака, гоняясь за оленями, изнуряется до того, что въ изнеможеніи, прибѣжавъ въ чумъ, падаетъ въ непробудный сонъ, и ее какъ дохлую бросаютъ съ мѣста на мѣсто. Олени пріучаются къ лаю собакъ: едва заслышатъ его, тотчасъ сами бѣгутъ опромѣтью къ чуму. Созываютъ оленей еще и голосомъ, повторяя протяжно слова: «ого, го, ого, го»! Къ голосу они привыкаютъ еще и потому, что всегда слышатъ таковой во время нападенія на нихъ волковъ. Бывали довольно частые случаи, что волкъ, подпалзывая къ оленю, вдругъ перепугаетъ все стадо, которое, не видя волка, свѣтритъ его приближеніе. Самоѣды, замѣтивъ этотъ испугъ оленей, тотчасъ начнутъ созывать ихъ къ чуму; олени, собираясь со всѣхъ сторонъ, окружаютъ волка, а отъ испуга станутъ бѣгать вокругъ него одинъ за другимъ, тѣсниться, и тогда затопчутъ волка до смерти. Самоѣды, когда лишатся собаки-загоняйки, то сами, объѣзжая кругомъ стадо, авкаютъ наподобіе собакъ.

Когда олени соберутся къ чуму, тогда изъ него выходятъ всѣ: женщины, дѣти и гости—ловить оленей, подгоняютъ ихъ къ нартамъ, поставленнымъ цѣпью одна возлѣ другой въ родѣ забора; къ обоимъ концамъ этого забора привязываютъ веревки, и ими обводятъ кругомъ стада; веревку эту всѣ присутствующіе поддерживаютъ на рукахъ, и когда къ ней приблизится олень и захочетъ выпрыгнуть, то стряхиваютъ веревкою и этимъ отгоняютъ оленя въ средину круга, который постепенно уменьшаютъ, и дотого сожмутъ оленей въ одну кучу, что имъ негдѣ пошевелиться. Тогда самоѣды входятъ въ средину оленей и изъ нихъ выбираютъ какихъ имъ нужно къ упряжи и привязываютъ ихъ за шею

къ той веревкѣ, которой они обведены. Такимъ образомъ, навязавъ столько оленей, сколько имъ нужно, остальныхъ распускаютъ. Этотъ способъ ловить оленей называется неводнымъ. Еще ловятъ оленей тынзянами, въ особенности для жертвы, которые дѣлаютъ изъ коровьей сырой кожи; изъ нея плетутъ длинную круглую бечевку въ 20 и 25 сажень длины: на одномъ концѣ ея прикрѣпляютъ небольшую продолговатую косточку съ дирочкой, гладко очищенной такъ, чтобы вдернутый въ нее тынзянъ легко скользилъ по ней; съ помощью этой косточки дѣлаютъ петлю, беруть ее въ одну руку и съ нею набираютъ еще нѣсколько круговъ тынзяна, въ другую руку набираютъ остальную часть его, и съ набраннымъ такимъ образомъ тынзяномъ подходятъ къ олению и бросаютъ его на него. Петля зацѣпится за рога или ногу оленя, и такимъ образомъ его поймаютъ.

Приготовивъ, какъ сказано выше, оленей для упряжи, самоѣдскія жены складываютъ разныя вещи въ нарты и обвязываютъ ихъ. Послѣ снимаютъ чумъ и его укладываютъ на куромы. Окончивъ укладку, запрягаютъ въ обозныя нарты по два оленя, а въ ту, на которой сидитъ сама хозяйка—четыре, и такимъ образомъ устраиваютъ аркишъ. Первый аркишъ всегда ведетъ сама хозяйка; какъ въ ея нарту такъ и въ обозныя запрягаются одношерстные олени. Сбруя на оленяхъ, запряженныхъ въ нарту хозяйки, бываетъ самая изящнѣйшая,—шлеи на шею дѣлаютъ изъ черной медвѣжины, подпруги пестрыя, шитыя изъ разноцвѣтнаго сукна, уздечки выкрашенныя въ красный цвѣтъ; къ нартѣ прицѣпляютъ нѣсколько колокольчиковъ разной величины. Женская нарта дѣлается шире и выше мужской, такъ, чтобы удобно было въ ней помѣститься маленькимъ дѣтямъ и сѣсть самой хозяйкѣ. Эта нарта прикрывается покрываломъ изъ краснаго или другаго цвѣтнаго сукна, съ разноузорчатыми каймами, сдѣланными изъ лоскутковъ разноцвѣтнаго сукна, и сверхъ того еще прицѣпляютъ къ нартѣ кругомъ лоскутки разноцвѣтнаго сукна, тонко нарѣзанные въ родѣ бахромы. Однимъ словомъ, чѣмъ богаче самоѣдъ, тѣмъ изящнѣе формируется аркишъ его хозяйки; оленей подбираютъ

бѣлыхъ или пестрыхъ. За аркишемъ хозяйки слѣдуютъ аркиши взрослыхъ дочерей, неуступающіе щегольствомъ, за ними аркиши женъ рабочихъ. Мальчики 7, 8 лѣтъ уже каслуютъ сами на маленькихъ, нарочно сдѣланныхъ нартахъ, и имъ запрягаютъ по два смирные оленя. Взрослые же сыновья, хозяева и рабочіе запрягаютъ для себя по тройкѣ оленей, и обыкновенно впрягаютъ малоѣзжалыхъ. Когда такимъ образомъ все приготовится, то трогаются съ мѣста и дѣлаютъ послѣдній разъ зовъ оленей, которые едва завидятъ, что аркиши двинулись съ мѣста, тотчасъ слѣдуютъ за ними тихонько. День переѣзда самоѣды считаютъ для себя какимъ-то празднествомъ. Весь этотъ день во время касланія проходитъ въ оживленномъ разговорѣ, въ смѣхѣ и составляетъ имъ единственное утѣшеніе. Послѣ оставленія чугора, пастухи съ собаками еще разъ объѣдутъ его кругомъ и, убѣдившись, что оленей нигдѣ оставшихся нѣтъ—догоняютъ анасы и слѣдуютъ цѣлый день вмѣстѣ. Аркиши у богатыхъ самоѣдовъ и стада ихъ оленей бываютъ во время касланія растянуты на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, и чрезъ которое мѣсто они пройдутъ, то накатаютъ дорогу до того, что она дѣлается скользкой какъ ледъ—въ ширину болѣе 10 саж., каслаютъ съ утра до вечера и весь день ничего не ѣдятъ. Мѣсто, гдѣ нужно остановиться, разыскиваютъ ѣдущіе впередъ анаса пастухи или самъ хозяинъ, и пріискиваютъ такое, чтобы оно было на ровномъ мѣстѣ, чтобы удобно было на немъ поставить чумъ, нарты, сгонять оленей, чтобы кругомъ чума вездѣ хотя на 2 версты былъ хорошій мохъ и въ изобиліи, чтобы былъ лѣсъ для топлива и вода. Пріѣхавши на избранное мѣсто, женщины тотчасъ принимаются за свое хозяйство и въ четверть часа поставятъ чумъ, устроятъ въ немъ весь порядокъ, разведутъ огонь, принесутъ воды, а если ея нѣтъ, то изъ снѣгу натаютъ, навѣсивъ надъ огнемъ котлы. Мужчины, между тѣмъ, поймавъ оленя, задавятъ его, сами поѣдятъ сыраго мяса, а ноги бросятъ для ѣды въ чумъ женщинамъ. Послѣ этого женщины сварятъ мяса и подчуютъ имъ мужчинъ, когда же ихъ накормятъ, то послѣ и сами наѣдятся. Мужчины, наѣвшись, сейчасъ же раздѣваются, надѣва-

Видъ Обдорска и перекочевка Самоѣдовъ.

ютъ ночную одежду и ложатся спать, а женщины сушатъ ихъ обувь, починяютъ ее и когда все кончатъ, тогда и сами ложатся спать. Въ чумѣ работъ мужчинъ вовсе не видно: все лежитъ на обязанности женъ. Онѣ и дровъ привезутъ и нарубятъ, воды принесутъ, огонь разведутъ и его поддерживаютъ. Въ то время, когда мужчины ѣдятъ вареное мясо, женщины, взявъ каждая по одной оленьей ляжкѣ, вырѣзываютъ изъ нихъ жилки, изъ которыхъ дѣлаютъ нитки, вытягиваютъ ихъ зубами, а обрѣзанное мясо съѣдаютъ сами сырымъ. Очищенныя мозговыя кости составляютъ у нихъ особенное лакомство: жены очень наивно разбивъ кость, мозгомъ изъ этой кости подчуютъ своихъ мужей, по кусочку даютъ его и дѣтямъ; если случится гость, то и ему подносятъ тоже косточку съ мозгомъ—полакомиться. Если ночуетъ у нихъ гость, то женщины за гостемъ ухаживаютъ какъ за своимъ роднымъ, а въ знакъ гостепріимства постелютъ чистую новую оленью кожу, на ноги принесутъ надѣть новые пимы, новую ягушку, накормятъ самыми лакомыми кусочками: оленьимъ языкомъ, сердцемъ, грудинкой, саломъ; если есть свѣжая рыба, то и ее нарѣжутъ сырой и подчуютъ; также подчуютъ варкой, русскимъ хлѣбомъ, однимъ словомъ, что у нихъ есть лучшаго, все предлагаютъ гостю. Когда же онъ уснетъ, то чтобы ему было теплѣе спать, хозяйка чума снимаетъ съ себя ягушку и прикроетъ ею гостя. Эта послѣдняя услуга очень мнѣ не нравилась, ибо изъ подобной ягушки всегда выползетъ безчисленное множество вшей, и свѣжаго человѣка искусаютъ до нестерпимости. Самоѣдскія жены хотя и вылавливаютъ ихъ изъ одежды своей и этой охотой не жеманруясь занимаются при всѣхъ, кто бы въ ихъ чумахъ ни былъ, но у нихъ разводится ихъ такое множество, что онѣ не успѣваютъ всѣхъ истреблять; пойманнаго вша онѣ давятъ зубами и съѣдаютъ. Когда я спросилъ, какой вкусъ имѣетъ вошь? то на это женщины отвѣчали мнѣ, что длинные вши сладки и противнаго вкуса къ нимъ не испытываютъ. Противно смотрѣть, какъ женщины, выждавъ время, когда улягутся мужчины спать, обступятъ очагъ и при очагѣ распахнувъ свою ягушку и набросивъ ее на себя внакидку, охотятся

на вшей нагими. Самоѣдки не носятъ рубахъ, а только замшевые штаны, которые, разъ надѣвши, не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока они сами не свалятся съ тѣла; отъ подобной продолжительной носки онѣ бываютъ не совсѣмъ чистоплотны, да сверхъ того штаны заступаютъ у нихъ мѣсто носоваго платка, салфетки; женщины всегда вытираютъ о штаны руки, ножъ, которымъ рѣжутъ мясо, рыбу и проч. Женщины тщательно осматриваютъ въ своихъ штанахъ приплодъ. Операцію эту онѣ дѣлаютъ согнувшись къ огню, и непріятный видъ еще усиливается отъ повисшихъ грудей ихъ, которыя похожи на длинные мѣшечки; тѣло у нихъ прегрязное-грязное и издаетъ противный горькій запахъ; онѣ кромѣ лица никогда не моютъ своего тѣла, но считаютъ себя чистѣйшими, по тому только убѣжденію, что носятъ много колецъ на пальцахъ, пришиваютъ къ штанамъ также большія мѣдныя кольца, а металлъ, въ особенности желтая мѣдь, по ихъ понятію, очищаетъ всѣ нечистоты, какія бы ни были на человѣкѣ. Во время стоянки на чугорѣ женщины занимаются выдѣлкою кожъ и шитьемъ одежды какъ для себя, такъ и для своего семейства. Мужчины занимаются охотой на звѣря и птицу, ставятъ разныя ловушки на песцовъ, лисицъ, въ озерахъ сѣтями ловятъ рыбу; если же заслышатъ, что гдѣнибудь изъ сосѣдняго чума послали за виномъ, то сейчасъ же отправляются туда въ гости и дожидаются покуда не привезутъ его. Во что бы оно ни обошлось имъ купятъ и какъ бы много его ни купили—выпьютъ за одинъ разъ; если же случится, что привезутъ вина къ себѣ въ чумъ, то они напаиваютъ имъ своихъ женъ и дѣтей, даже грудныхъ. На сколько они падки къ вину, на столько табакъ считаютъ для себя необходимымъ. Мужчины и женщины употребляютъ его въ носъ, кладутъ за губы. Курятъ изъ особенныхъ трубокъ, сдѣланныхъ изъ мамонтовой кости. Трубка эта имѣетъ видъ ложки съ небольшимъ отверзтіемъ по срединѣ, облитымъ свинцомъ, куда кладутъ немного табаку и закуриваютъ; одной трубки въ семействѣ достаточно, чтобы всѣ накурились досыта, притомъ они не курятъ изъ трубки, а сосутъ и глотаютъ дымъ; набравши же въ ротъ дыму столько, сколько возмож-

но, трубку передаютъ товарищу, сами же потихоньку выпускаютъ дымъ чрезъ носъ. Для экономіи въ табакъ они кладутъ немного тальничьяго дерева или мху. Когда самоѣдъ положитъ въ носъ порядочный зарядъ нюхательнаго табаку, то тотчасъ дирки въ носу заткнетъ вотлепомъ и дѣлаетъ это собственно потому, чтобы во время чиханія изъ носа не вылетѣлъ табакъ. Вотлепъ приготовляютъ они изъ березоваго или тальничьяго сыраго дерева: по снятіи съ дерева коры скоблятъ его ножикомъ въ длинныя стружки, послѣ эти стружки сушатъ и прячутъ въ запасъ. Вотлепъ употребляется у нихъ вмѣсто утиральника и его приготовляютъ женщины. Случалось мнѣ еще видѣть, что когда у самоѣда потечетъ изъ носа кровь, то онъ диры въ носу затыкаетъ вотлепомъ, а кровь изъ носа, попадающую ему въ горло, глотаетъ. Когда же я спросилъ ихъ, для чего они это дѣлаютъ? то получилъ въ отвѣтъ, что жалко крови, если она течетъ изъ носа, а еще болѣе жаль было бы, еслибъ она капала на землю и пропадала. Случается, что если кто изъ нихъ обрѣжется ножомъ, то рану высасываетъ до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ бѣжать кровь. Послѣ этого завяжетъ рану тоненькой замшей. Между ними очень свирѣпствуетъ короста и они лечатся отъ нея рыбьимъ жиромъ, намазывая имъ пораженныя мѣста на тѣлѣ.

Гостепріимство у самоѣдовъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Они не разбираютъ кто у нихъ въ гостяхъ, богатый или бѣдный: каждый изъ нихъ требуетъ себѣ угощенія и хозяева не отказываютъ въ немъ. Встрѣтившись другъ съ другомъ въ чуму, или въ дорогѣ, тотчасъ же поздороваются, протянутъ другъ другу руку и произнесутъ слово: «здорово, здорово». Богатые самоѣды держатъ возлѣ своего чума по нѣсколько чумовъ бѣдныхъ самоѣдовъ, даютъ имъ оленей для ѣзды, для жертвъ, и хотя требуютъ отъ нихъ вознагражденія, какъ узнаютъ, что они промышляли счастливо за звѣремъ, но бѣдные никогда не въ состояніи вознаградить богатыхъ за сдѣланныя благодѣянія, и для того, находясь при богатыхъ, охотно принимаютъ на себя общіе труды; но какъ только бѣдняки разведутъ у себя немного оленей, то сейчасъ отдѣляются отъ чумовъ богатыхъ и начинаютъ бродить отдѣльно.

Нѣкоторые оленоводы, т. е. верховскіе остяки, кочующіе по берегамъ р. Оби и ея притокамъ, возлѣ Березова, имѣя небольшія стада оленей, на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ.

Для спасенія ихъ отъ комаровъ и вообще насѣкомыхъ, строятъ большіе шалаши, въ которыхъ разводятъ постоянное курево и, загоняя туда оленей, этимъ защищаютъ ихъ отъ комаровъ. Олени выходятъ для корму изъ этихъ шалашей, когда бываютъ холодные утренники или сѣверные холодные вѣтры. Но когда стадо увеличится, то остяки тоже переходятъ въ бродячую жизнь, или отдаютъ своихъ оленей для пастьбы въ стадо знакомыхъ остяковъ. Какъ въ лѣсахъ больше пищи, а особенно есть грибы, къ которымъ олени очень лакомы, то и откармливаются они лучше и ростъ ихъ бываетъ больше и олень дѣлается сильнѣе; но за-то верховскіе олени на ѣздѣ не такъ терпѣливы, какъ самоѣдскіе, и не имѣютъ такой быстрой побѣжки. Въ самоѣдскихъ стадахъ и у остяковъ, которые ведутъ бродячую жизнь на подобіе самоѣдамъ, попадаются олени рысаки и иноходцы съ удивительно-быстрой побѣжкой: ни одна лошадь не устоитъ въ соперничествѣ съ ними. Еще есть и то преимущество у оленей противъ лошадей, что на нихъ можно ѣздить на большое разстояніе безъ корму, напр. 200 верстъ, останавливаясь только, во время ѣзды, каждыя десять или пятнадцать верстъ, на нѣсколько минутъ, чтобы немного провели духъ. — На такомъ дальнемъ разстояніи побѣжка у нихъ не уменьшается. Усталость оленя замѣчается по хвосту; пока на хвостѣ, у самаго задняго прохода, есть ожирѣлость, тогда онъ еще силенъ и терпѣливъ, когда же ее потеряетъ, то начнетъ на побѣжкѣ ложиться. Въ такомъ состояніи оленя необходимо пустить въ стадо для отдохновенія на нѣсколько недѣль. Крѣпкихъ оленей, терпѣливыхъ и сильныхъ, остяки называютъ юркомбой. Еще между оленями вырождаются скакуны. Они бываютъ изъ нетелящихся самокъ и называются хантеркн. Ихъ въ особенности употребляютъ для зимней легкой и недалекой ѣзды, для гоньбы за звѣремъ—волкомъ, лисицей,

Типы кучующихъ Остяковъ-оленеводовъ въ самоѣдскихъ тундрахъ. 1) Старшина Анико, 2) Старшина Калiевъ, 3) Помощникъ князя Юрiй Юрьевичъ Ронымавъ, 4) Остятка жена Самоѣда Нячи, 5) работникъ Уйко.

песцомъ и для охоты на бѣлыхъ медвѣдей. Хаптерки имѣютъ то уклоненіе отъ правилъ природы, что каждомѣсячно совокупляются по разу, и иногда, когда разгорячатся при быстрой ѣздѣ, то вдругъ нападаетъ на нихъ похоть къ соитію и она до такой степени усиливается, что хаптерки останавливаются на ѣздѣ и падаютъ на землю за-мертво. Между оленями вырождаются еще и гермофродиты, но ихъ убиваютъ собственно потому, что они, выросши, бываютъ очень похотливы во всякое время года, портятъ стельныхъ самокъ и постоянно дерутся съ самцами. — Минеруями называютъ неѣзжалыхъ, кладеныхъ быковъ, которые держатся для украшенія стада до глубокой старости, до 20 лѣтъ и болѣе. Видъ минеруевъ очень красивъ—огромный ростъ, длинная борода, огромнѣйшіе, вѣтвистые рога придаютъ своею величиною ему громадный видъ. Хари, самцы—ихъ держатъ для приплода, выбираютъ по шерсти: бѣлыхъ, черныхъ и пестрыхъ. Хари, во время осенней игры, обезсиливаютъ себя до того, что едва ходятъ и издаютъ непріятный запахъ, ѣдятъ землю и въ ней отыскиваютъ небольшіе бѣлые корешки, которые усиливаютъ ихъ энергію къ соитію, но когда придутъ въ совершенное изнеможеніе, тогда отпиливаютъ имъ рога. Безъ роговъ противники не допустятъ его къ самкѣ, и чрезъ то укрѣпляется онъ въ силахъ. Часто въ стадо домашнихъ оленей, во время игры, набѣгаютъ дикіе самцы: оленоводы стараются тотчасъ ихъ убивать или прогонять изъ стада, ибо дознано, что отъ дикихъ оленей рождается потомство съ норовомъ, слабосилое и не такъ способное къ ѣздѣ.

Лѣта оленей узнаютъ по рогамъ: чѣмъ старѣе олень, тѣмъ больше у него вѣтвей на рогахъ; у безрогихъ же узнаютъ лѣта по рылу—отъ глазъ до ноздрей: чѣмъ оно дугообразнѣе, тѣмъ олень старѣе. Выгибаться начинаетъ рыло съ 7-ми лѣтняго возраста. Для ѣзды употребляютъ годовалыхъ и отъ 2-хъ лѣтъ; до 7-ми олень считается въ полной силѣ.

Есть самоѣды, которые имѣютъ такія большія стада оленей, что они не знаютъ имъ счета; тогда бѣдные у нихъ воруютъ оленей, и подобнымъ образомъ разводятъ у себя небольшія стада. Хотя пастухи, объѣзжая стада, всегда узнаютъ: всѣ ли

у нихъ олени, или потеряны, и охотно разыскиваютъ отдѣлившихся оленей отъ стада, зашедшихъ во время касланія куда-нибудь въ перелѣсокъ, или отъ разгона ихъ волками на нѣсколько десятковъ верстъ,—но не всегда ихъ поиски бываютъ успѣшны; въ этихъ случаяхъ бѣдные самоѣды принимаютъ поиски на себя и всегда найдутъ заблудившихся оленей и часть ихъ перебьютъ, съѣдятъ. Если попадутся олени неклейменые, то оставятъ часть у себя, а замѣтныхъ возвращаютъ хозяину. Въ большихъ стадахъ пастухи обращаютъ вниманіе на старыхъ самокъ, которыя всегда бываютъ при пастьбѣ впереди своего рода, и весь ихъ родъ держится въ одной кучкѣ и слѣдуетъ всегда за своей прабабушкой, а потому, сколько есть старыхъ самокъ, столько въ стадѣ формируется отдѣльныхъ кучекъ. Подобныхъ самокъ не истребляютъ до глубокой старости, хотя онѣ перестанутъ телиться, но держатъ ихъ, какъ матерей, для повѣрки стада; если ея не окажется въ стадѣ, то съ нею не окажется цѣлаго ея рода, который состоитъ нерѣдко изъ 150 оленей, по большей части изъ самокъ и неѣзжалыхъ быковъ.

Добыча звѣря составляетъ для самоѣда его богатство. Какъ у насъ богачи складываютъ въ шкатулки деньги, такъ самоѣды въ мѣшки изъ рыбьей кожи складываютъ шкуры пушнаго звѣря, прячутъ ихъ по нѣсколько годовъ и передаютъ въ наслѣдство дѣтямъ. Изъ дорогихъ звѣрей они добываютъ лисицъ: черную, чернобурую, крестоватую, сиводушку и бѣлодушку; первыя находятся въ дремучихъ, дѣвственныхъ лѣсахъ, а послѣднія вездѣ, по тундрамъ, гдѣ есть перелѣски. Самоѣды доказываютъ: чѣмъ драгоцѣннѣе шкура лисицы, тѣмъ ее хитрѣе добыть и мясо таковой вкуснѣе. Слѣдовательно, черная и чернобурая лисица составляютъ самоѣдскую драгоцѣнность и лакомство, и онъ изощряетъ всю хитрость свою, чтобъ уловить ее; преслѣдованія же свои длитъ нѣсколько недѣль, пока побѣдитъ инстиктивную осторожность лисы. На подобныхъ лисицъ вдругъ не ставятъ ловушекъ, капкановъ и самострѣловъ. Если по слѣдамъ разузнаютъ, что черная лисица появилась въ ихъ лѣсахъ, то прежде прикармливаютъ ее къ одному мѣсту — кусочками рыбы, набрасываемой по слѣдамъ лисицы; когда самоѣдинъ убѣдится, что лисица каждый день подбираетъ рыбу, тогда онъ подобной приманкой завлекаетъ ее посѣщать такое мѣсто въ лѣсу, гдѣ удобно поставить самострѣлъ, которымъ ее впослѣдствіи и промыслитъ. Преслѣдованія эти самоѣды дѣлаютъ тайно другъ отъ друга, даже скрываютъ передъ родными, ибо коль скоро противникъ узнаетъ, что уже есть лисица на приманкѣ,—тогда онъ съ своей стороны начнетъ приманивать ее къ своему самострѣлу, набрасывая вездѣ по пути кусочки мерзлой и сушеной рыбы, и такимъ образомъ уводятъ лисицу за нѣсколько верстъ. Вслѣдствіе сего самоѣдинъ очень рачительно осматриваетъ каждый день—съѣдается ли лисицей бросаемая приманка или нѣтъ? Если остается цѣлой, такъ онъ положительно убѣждается, что у него есть противникъ, и тогда обходитъ кругомъ лѣсъ и разыскиваетъ по слѣдамъ лисицы мѣсто для ея приманки своего противника; нашедши слѣдъ, ставитъ на немъ свой значекъ и отправляется сутяжиться съ

противникомъ. Хотя лисица еще не поймана, но по разбирательству старшинъ опредѣляется, кому лисица должна попасть на самострѣлъ и тотъ на нее ставитъ. Если же случится такъ, что противникъ такъ ловко подойдетъ, что незамѣтно промыслитъ прикармливаемую лисицу другими, и этотъ подлогъ обнаружится, тогда отбираютъ отъ него лисицу, да сверхъ того, онъ еще обязанъ заплатить за рыбу, употребленную на приманку лисицы, и за потерянное время. По случаю добычи каждой черной или чернобурой лисицы бываютъ жервоприношенія тому фетишу, у котораго прошено помощи добыть ее, и вслѣдствіе сего самоѣдинъ составляетъ какой-нибудь особенный мивъ заклинанія или вѣрованія и на досугѣ воспѣваетъ свое терпѣніе и умъ и всѣ хитрости добытой имъ лисицы. При продажѣ подобной лисицы купцу, самоѣдинъ торгуется ею нѣсколько дней, и всякій разъ пьетъ у покупателя вино, которое и доводитъ его до продажи. Если продажа сдѣлана будетъ имъ удачно, и въ особенности если онъ много дней пилъ у покупателя вино, то къ своей пѣсни, о добытой лисицѣ, прибавляетъ еще о продажѣ ея съ поясненіемъ выпитаго вина. Способность же свою выманить у покупателя лишнюю рюмку вина признаетъ своею ловкостью и пѣснь свою оканчиваетъ тѣмъ, что онъ обманулъ лисицу, тѣмъ что ее убилъ, и русскаго покупателя, что выпилъ даромъ много вина. Между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что его обманулъ покупатель, ибо лисица можетъ быть стопла до 100 руб., а онъ ему товаровъ, печеная хлѣба и вина выдавалъ не болѣе какъ на какіе-нибудь 10 или 20 рублей.

Прочіе сорта лисицъ добываются безъ всякихъ особенныхъ затѣй и составляютъ второстепенную важность. Затѣмъ слѣдуетъ добыча голубаго песца и розсомахи, волка, песца, горностая, бѣлки. Добыча черныхъ медвѣдей составляетъ ихъ вѣрованіе и ихъ шкуру въ продажу русскимъ не пускаютъ, а употребляютъ на лямки для упряжи оленей, что составляетъ у нихъ щегольство. Шкура бѣлаго медвѣдя хотя употребляется на тотъ же предметъ, но она въ глазахъ самоѣда маловажнѣе. Съ промысломъ бѣлаго медвѣдя онъ не

соединяетъ своего вѣрованія и шкуру продаетъ русскимъ охотно.

Для промысла звѣря самоѣды употребляютъ: винтовку и желѣзные капканы, привозимые имъ для продажи зыряна-ми и русскими, лукъ съ стрѣлами, двухъ-конечными желѣз-ными и тупо-стрѣлами собственно для бѣлки, лукъ, само-стрѣлъ курунцесъ (слопецъ) и гоньбу звѣрей на оленяхъ.

Обратимъ вниманіе на сѣверныхъ тундрянныхъ мышей: онѣ гораздо больше обыкновенныхъ и не всегда находятся въ тундрахъ, дѣлаютъ нашествіе отъ востока къ западу, переходятъ Уралъ, достигаютъ р. Печоры и обратно. Ника-кая рѣка не удерживаетъ ихъ; шествіе свое онѣ дѣлаютъ огром-нѣйшими табунами на пространствѣ 200 верстъ между 67 и 68° с. ш. Переплывая рѣчки табунами одна другую въ водѣ поддерживаютъ, хватаясь зубами за хвостъ передней. За ними вслѣдъ появляются враги и истребители ихъ во множествѣ— песцы. Изъ сего выходитъ, что изобиліе мышей предзнаме-нуетъ хорошій промыселъ на песцовъ. Мыши начинаютъ свое передвиженіе съ начала весны до осени, постоянно стре-мятся впередъ да впередъ, на пути щенятся; если благопо-лучно лѣто, т. е. теплое, то онѣ вскармливаютъ свое потом-ство, въ противномъ случаѣ—самцы съѣдаютъ дѣтенышей; этотъ признакъ не слишкомъ пріятенъ самоѣдину: по немъ онъ предугадываетъ появленіе песца; чѣмъ скорѣе мыши со-вершаютъ свой переходъ, тѣмъ промыселъ на песцовъ мень-ше, а увеличивается въ томъ мѣстѣ, гдѣ мыши щенятся, отъ чего замедляется ихъ путешествіе, а нерѣдко остаются на томъ же мѣстѣ и на зимовку. Переходъ мышей въ Обдорскія тундры замѣчается черезъ два года на третій, когда идутъ съ востока на западъ—и черезъ годъ, когда возвращаются съ запада на востокъ. Восточная мышь темна на спинѣ, съ чер-ными полосками, и когда возвращается съ запада, то дѣлается свѣтлѣе. Случается, что табуны восточной мыши попадаются на встрѣчу западнымъ: тогда между ними начинается борьба и много мышей по тундрамъ находятъ дохлыхъ. Эти мышьи войны встрѣчаются очень рѣдко. Самоѣдинъ Озухо, вожакъ мой, отъ роду лѣтъ до 60, насчитываетъ на вѣку своемъ три

случая мышачьихъ войнъ—въ это время и песцы голодуютъ и себя съѣдаютъ. Подобное мыше-песцовое самоистребленіе предзнаменуетъ самоѣдамъ болѣзнь—оспу, а каждое возвращеніе мышей съ запада — болѣзнь на оленей (язву). Близъ береговъ Ледовитаго моря отъ 69 и до 72° с. ш. появляется сѣрая лѣтомъ, а бѣлая зимою мышь, и тамъ, гдѣ она водится, олени никогда язвой не поражаются. Причемъ нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые олени мышей ѣдятъ.

Таковое же шествіе имѣютъ и бѣлки; онѣ свой путь держатъ между 62 и 65° с. ш., время перехода и возврата отъ востока къ западу и обратно у нихъ неперіодическое. Съ востока бѣлка темная съ чернымъ хвостомъ, чѣмъ ближе подвигается къ западу, тѣмъ дѣлается рыжѣе, а потому не такъ цѣнна. Но мясо западной бѣлки жирное и потому остяки имъ лакомятся съ величайшею пріятностью и не негодуютъ, что шкурка не такъ цѣнна.

Всѣ прочіе звѣри постояннѣе и ихъ тамъ больше, гдѣ недоступнѣе лѣса и рѣже посѣщаетъ ихъ человѣкъ.

Черные медвѣди на лѣто отправляются на высоты, поросшія лѣсомъ Урала, тамъ лакомятся ягодой морошкой, называемой самоѣдами медвѣжьей-ягодой, и спасаются отъ комаровъ; по осени же переходятъ къ рѣчнымъ лѣсамъ и тамъ на зиму залегаютъ въ берлоги. Если во время лѣта малый урожай ягодъ морошки, то отъ этого медвѣди бываютъ очень тощіе и зимою высасываютъ свои лапы до крови, а весною если подобныхъ медвѣдей случится самоѣдамъ поднимать изъ берлоги, то они не въ состояніи ногами опираться о землю, черезъ что ихъ убиваютъ смѣлѣе; впрочемъ самоѣдинъ никогда не труситъ, когда идетъ на медвѣдя, ибо поразить его или самому быть поцарапаннымъ, по понятію ихъ, есть предопредѣленіе.

Надежи оленей имѣютъ сильное вліяніе на уничтоженіе звѣрей: волки, лисицы и песцы, наѣвшись мяса заязвленныхъ дохлыхъ оленей, сами пропадаютъ. Самоѣды нерѣдко находили ихъ дохлыми въ тундрахъ; отъ сего произошло уничтоженіе звѣря и уменьшеніе промысла.

Кстати разскажу какъ охотится лисица на утокъ во

время весны. Лисица, имѣя въ своихъ гнѣздахъ дѣтенышей, рыщетъ повсюду, пріискивая для нихъ кормъ. Для этой цѣли она отправляется къ рѣчкѣ и, замѣтя, гдѣ много утокъ, погружается въ воду, гдѣ ихъ и давитъ. Весною въ полярную страну прилетаютъ черныя утки, которыя вмѣсто обыкновенныхъ утячьихъ звуковъ свищутъ, самка протяжно, а самецъ отрывисто. Во время весны на свистъ самки слетаются отовсюду для игры самцы. Лисица, находясь погруженною въ водѣ, начинаетъ отверзтіями поздрей дуть въ когти и издавать тоже свистъ, подражая уткѣ-самкѣ. На этотъ свистъ слетаются самцы и по свисту разыскиваютъ самку. Въ то время лисица тѣхъ самцовъ, которые близко къ ней подплывутъ, хватаетъ за горлышко, убиваетъ и несетъ дѣтенышамъ. Самоѣды отличаютъ лисій свистъ и, видя ее на промыслѣ, не преслѣдуютъ, а стараются подсмотрѣть, куда лиса таскаетъ добычу, на тотъ предметъ, чтобы розыскать ея гнѣздо и захватить щенятъ. Весною почти у каждаго самоѣда и остяка вскармливаются щенята лисицъ разныхъ родовъ. Они держатъ ихъ до зимы, потомъ убиваютъ, и мясо съѣдаютъ, а шкуры съ нихъ продаютъ русскимъ торговцамъ. Шкуры эти извѣстны въ продажѣ подъ именемъ кормушекъ. Шерсть на нихъ не такъ пушиста и короче.

Песецъ имѣетъ ту особенность, что онъ очень любопытенъ. Напримѣръ: замѣтитъ въ тундрѣ какую-нибудь возвышенность или поломанныя нарты, то непремѣнно придетъ къ нимъ и осмотритъ. Вслѣдствіе сего самоѣды ставятъ на нихъ ловушки въ тундрахъ, на такихъ мѣстахъ, которыя рѣзко отличаются или своими возвышенностями, или бугорками. Самоѣдинъ если увидитъ въ тундрѣ песца, то, остановясь нарочно, начнетъ рыть снѣгъ и въ то время поставитъ на песца ловушку. Песецъ, замѣтя самоѣдина и его работу, выжидаетъ, покамѣсть самоѣдинъ не оставитъ того мѣста, гдѣ рылся въ снѣгу, и, выждавши, приходитъ осматривать мѣсто и тутъ же попадаетъ въ ловушку.

Самоѣды, когда гоняются на оленяхъ за песцами, стараются выгонять ихъ на ледъ, гдѣ убиваютъ палками.

Промыселъ самоѣдовъ на бѣлыхъ медвѣдей довольно рисковый и они убиваютъ не всегда, когда увидятъ его даже и на ружейный выстрѣлъ, а въ слѣдующихъ случаяхъ.

Между медвѣдемъ и моржемъ существуетъ вѣчная вражда. Попадется медвѣдь моржамъ въ морѣ, то послѣдніе его всегда поборятъ; отъ этого медвѣди свои путешествія по морю дѣлаютъ на льдинахъ и хотя живутъ въ водѣ, но всегда возлѣ такого мѣста, гдѣ при первомъ нападеніи моржей можно было бы попасть на сухое мѣсто. За-то, если медвѣдь захватитъ моржей гдѣ-нибудь возлѣ берега моря на сушѣ, куда они во время солнечныхъ дней, а также во время игры вылѣзаютъ и нѣжатся, тогда медвѣдь, схватившн своими лапами за клыки моржа, каждому изъ нихъ свертываетъ голову и, снесши ихъ куда-нибудь на льдину, лакомится тамъ нѣсколько дней не сходя съ мѣста. Самоѣдинъ, примѣтивъ пораженіе моржей, старается всячески отобрать отъ медвѣдя его добычу и по этому только случаю вступаетъ съ нимъ въ борьбу—стрѣляетъ въ него изъ винтовки. Если сразу не убилъ, медвѣдь увидитъ на себѣ кровь, тогда онъ бросается на самоѣдина; послѣдній, имѣя при себѣ отличныхъ скакуновъ-оленей, старается убѣжать и на ѣздѣ заряжаетъ опять винтовку и, держа ее въ готовности, подпускаетъ медвѣдя на винтовочный выстрѣлъ, останавливается, стрѣляетъ; если же и за вторымъ разомъ не убьетъ—что бываетъ рѣдко—тогда медвѣдь усиливаетъ свои прыжки, которые бываютъ болѣе сажени, наскакиваетъ на самоѣдина. Въ этомъ случаѣ, самоѣдинъ соскакиваетъ съ нарты, пускаетъ оленей бѣжать на произволъ, а самъ падаетъ на землю. Разсерженный медвѣдь, видя оленей, оставляетъ самоѣдина непримѣченнымъ и гонится за оленями, но никогда ихъ не догоняетъ. Медвѣдь имѣетъ обыкновеніе возвращаться по тому же пути, по которому гнался за самоѣдиномъ, то послѣднему грозитъ большая опасность, ибо медвѣдь, дойдя до слѣдовъ человѣческихъ, обнюхиваетъ ихъ и по слѣдамъ розыскиваетъ человѣка, чтобы отмстить за свою обиду; у самоѣдина же винтовка опять заряжена и въ готовности. Онъ стрѣляетъ и убиваетъ на повалъ; но если и въ послѣднемъ случаѣ промахнется, то са-

моѣдъ спасается еще послѣднею хитростью: снимаетъ съ себя верхнее платье «гусъ» и во время нападенія медвѣдя бросаетъ его противъ глазъ медвѣдя на землю. Медвѣдь, засмотрѣвшись на человѣка, никогда не перешагнетъ чрезъ гусъ, а потому кругомъ его бѣгаетъ за самоѣдомъ, и этимъ ему даетъ случай опять зарядить ружье или топоромъ дать мѣткій ударъ по поркѣ, отъ котораго медвѣдь тотчасъ же издыхаетъ. Убивши медвѣдя, самоѣдинъ отправляется на льдину за моржами, добытыми медвѣдемъ, и вознаграждаетъ себя за свой трудъ съ избыткомъ, ибо съ каждаго моржа добудетъ жиру до 10 пуд. и продаетъ по 1 р. 75 к. за пудъ, да за кожу моржа возьметъ до 2 руб.,—да съ медвѣдя натопитъ жиру тоже до 5 и 8 пуд., да за кожу возьметъ 3 руб. Самъ вдоволь поѣстъ медвѣжьяго и моржеваго мяса и жиру, за клыки моржевые, которые бываютъ длиной до 8 вер. и не уступятъ бѣлизною слоновой кости,—также получитъ до 2 руб. Однимъ словомъ, добыча бѣлаго медвѣдя всегда обогащаетъ самоѣдина,—и онъ съ необыкновенною радостью разсказываетъ каждому о своей удали при пораженіи медвѣдя и, подъ пьяное время, воспѣваетъ ее разными непстовыми голосами.

Розсомахъ самоѣды по большей части добываютъ гоньбой на оленяхъ съ собаками. Розсомаха не имѣетъ слишкомъ большой побѣжки, и если самоѣдинъ гонится за ней безъ собакъ, то она вступаетъ съ нимъ въ бой, бросается на человѣка и угадываетъ укусить за среднее мѣсто. Собаки не допускаютъ ее до этой смѣлости, за-то и имъ достается не менѣе перенести горя. Розсомаха, во время нападенія на нее собакъ, брызжетъ на нихъ своею мочею, которая до такой степени бываетъ ѣдка и смрадна, что собаки, забрызганныя ею, не въ состояніи преслѣдовать ее. Умныя собаки никогда не нападаютъ на розсомаху съ хвоста, а стараются ухватить ее за горло, ибо розсомахи еще царапаются какъ кошки.

Вспомню здѣсь еще о подкрашиваніи шкуръ низовскими самоѣдами, позаимствованномъ отъ тунгусовъ. Подкрашиваютъ голубаго песца, лисицу и бѣлку, дѣлая ихъ темнѣе, а потому и продаютъ дороже; дѣлаютъ такъ: срубаютъ

молодыя лозы тальника, которыя бываютъ зеленовато-краснаго цвѣта, набравши ихъ пучекъ, нагрѣваютъ ихъ на раскаленныхъ угляхъ, и горячими, когда подается въ корѣ небольшая мокрота (сокъ), гладятъ противъ шерсти ту шкурку, которую вздумается имъ пофабрить, потомъ завѣшиваютъ ее на недолгое время въ чумѣ въ дымъ, и послѣ вытираютъ легонько снѣгомъ, тертымъ порохомъ, выхлапываютъ—и шкура готова; ее держатъ въ тѣни, отъ свѣта она линяетъ.

Звѣриныя кожи у самоѣдовъ имѣютъ постоянную цѣну и ими уплачиваютъ долги, покупаютъ товары какъ звонкою монетою. Итакъ

Лисица-бѣлодушка . . .	10	руб.	ас.
Песецъ	2	»	50 к.
Лапа лисья	1	»	— »
Лапа песцовъ	—	»	10 »

Разсчетъ же для легчайшаго счета ведутъ на песцы и ихъ лапы, напр. положимъ: самоѣдинъ купилъ сукна на 13 руб. 60 коп. ас., то по самоѣдскому счету онъ долженъ заплатить 5 песцовъ и 11 лапъ. У русскихъ промышленниковъ въ Обдорскѣ счетныя книги тоже ведутся на песцы, а самоѣды изображаютъ свой торговый процессъ на палкѣ рубежами: также по счету песцовъ. Палку эту раскалываютъ пополамъ, одну половину отдаютъ кредитору, а другую держатъ у себя. При уплатѣ денегъ складываютъ половинки и если онѣ придутся вѣрно, то производятъ уплату всѣмъ тѣмъ, что имѣютъ, переводя все по счету на песцы. Рубежи срѣзываются по мѣрѣ уплаты долга.

Самоѣды умѣютъ такъ проворно набрасывать тынзянъ, что никогда не даютъ промаху, какъ бы ни бѣжалъ быстро олень. Пріятно смотрѣть на эту самоѣдскую удаль, и они гордятся ею. Бываютъ очень частые случаи, что подобные удальцы ловятъ на тынзянъ дикихъ оленей и волковъ. Правда, что волки часто перекусываютъ тынзянъ, но проворство самоѣдовъ выручаетъ ихъ отъ этой бѣды. Волкъ едва опомнится, что попалъ въ тынзянъ, какъ вдругъ ему нанесется оленьимъ шестомъ столь мѣткій и сильный ударъ

по норкѣ, что первымъ же ударомъ убиваетъ его. Самоѣды не считаютъ удальствомъ убить волка и если бы волки не портили у нихъ стадъ, то они и не дотрогивались бы до нихъ, а преслѣдуютъ ихъ только для спасенія своихъ стадъ. Самоѣдамъ часто случается пасти оленей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть волчья нора, тогда волкъ не трогаетъ тѣхъ оленей, которые пасутся возлѣ его норы, а ходитъ за добычей къ отдаленнымъ оленьимъ стадамъ, и самоѣды его тоже не трогаютъ и живутъ очень мирно. Когда же волкъ вскормитъ своихъ щенятъ до того, что можетъ увести ихъ изъ гайна, то съ перемѣною мѣста прекращается у волковъ дружба со стадами оленей, и тогда самоѣды перебьютъ ихъ всѣхъ и старыхъ и малыхъ.—Для того, чтобы волкъ держалъ дольше своихъ щенятъ въ гайнѣ, самоѣды еще у маленькихъ волчатъ подрѣзываютъ у ногъ жилы, чтобы они не могли бѣгать и убиваютъ ихъ тогда, когда подростутъ до надлежащаго росту.

Дикіе олени - самцы разъяриваются во время игры дотого, что дерутся съ своею тѣнью до изнеможенія. Тогда очень легко къ нему подойти съ ружьемъ и убить. Еще ихъ убиваютъ такимъ образомъ: на рога домашняго самца надѣваютъ петли и пускаютъ его противъ дикаго, который завидя соперника, тотчасъ подскакиваетъ къ нему и начинаетъ драться. Въ это время петли зацѣпляются за его рога, а домашній олень почувствовавъ, что петля захватила за рога дикаго оленя, будучи къ этому пріученъ, ложится на землю; тогда самоѣдинъ приходитъ съ топоромъ, ударяетъ дикаго оленя по лбу и добыча пріобрѣтена.

Разскажу еще нѣсколько словъ объ инстинктѣ волка, которымъ онъ руководился при нападеніи на стадо оленей. Волкъ, если нападаетъ на стадо оленей, то почти никогда не беретъ перваго съ краю оленя, а всегда выбираетъ себѣ подъ зарѣзъ изъ средины стада, и, замѣтивъ оленя, гоняется за нимъ въ стадѣ пока не поймаетъ, минуя тѣхъ оленей, которые ему попадаются вблизи и которыхъ очень легко могъ бы убить. Случилось однажды мнѣ самому видѣть, какъ въ чугарѣ у самоѣдина Таиндома, волкъ днемъ погнался за

оленемъ-рысакомъ, разогналъ цѣлое стадо; самоѣды увидя это, тотчасъ поѣхали преслѣдовать волка и не дали ему поймать рысака. Когда же измученнаго рысака самоѣды привели къ чуму, и на встрѣчу къ нимъ вышелъ я со старикомъ самоѣдиномъ Таиндомой, то послѣдній, поколачивая руками объ свою грудь, печалился, что рысака нужно убить ему самому, ибо волкъ непремѣнно задавитъ его въ другое время. Этотъ рысакъ былъ единственный въ его стадѣ, и мнѣ смѣшною показалась увѣренность старика, что рысака непремѣнно долженъ убить волкъ. Почему я предложилъ Таиндомѣ продать его мнѣ, или перемѣниться со мною на моего рысака, находящагося въ упряжи. Мѣновая состоялась, рысака я не приказывалъ отпускать въ стадо, а на длину тынзяна привязать къ своимъ нартамъ на ночь, такъ какъ я вздумалъ переночевать у Таиндомы. Что же случилось? Едва мы улеглись спать, волкъ тихонько подползъ къ рысаку у самаго чума и бросился на него; рысакъ испугавшись, налетѣлъ на чумъ; мы выскочили всѣ изъ чума и увидѣли бѣднаго рысака, раненнаго въ заднюю лопатку. Въ то время Таиндома, смѣясь, сказалъ мнѣ: такъ-то, другъ, ты мнѣ не вѣрилъ, что есть олени, обреченные на ѣду волкамъ; я живу уже 70 лѣтъ и испыталъ это болѣе 70 разъ, — что это такъ, а не иначе. Раны на рысакѣ оказались неопасными, и я не хотѣлъ съ нимъ разстаться, заставивъ его караулить ночью; на другой день хотѣлъ увезти къ себѣ въ Обдорскъ; но Таиндома мнѣ предсказывалъ, что въ этомъ рысакѣ проку не будетъ,—его съѣстъ волкъ. Что же дѣлать мнѣ и какъ избавить рысака отъ волка? спросилъ я Таиндома. На это онъ отвѣтилъ: нечего дѣлать, тебѣ рысакъ понравился болѣе, чѣмъ волку; нужно тебѣ, какъ другу, сдѣлать услугу. Послѣ, обратившись къ сыну и рабочимъ, сказалъ: собирайте стадо. Стадо было собрано и, поймавъ изъ него оленей, на четыре нарты по тройкѣ, запрягли ихъ. Въ то время Таиндома сказалъ мнѣ: у меня переночуешь еще одну ночь и можетъ двѣ, если хочешь, чтобы твой рысакъ возилъ тебя; вотъ я и мои ребята ѣдемъ преслѣдовать волка, замучимъ мы оленей, но его убьемъ и твоего рысака спасемъ. Теперь пускай

его въ стадо, не бойся, пусть ѣстъ мохъ, а самъ, если хочешь, такъ поѣзжай со мною, вотъ тебѣ запряжена тройка скакуновъ и у насъ всѣхъ такіе же, поѣдемъ. Ребята станутъ слѣдить волкз, а мы между ними будемъ держаться средины. Часа три мы ѣхали безостановочно, какъ только могли бѣжать олени; напали уже давно на слѣдъ волковъ и отъѣхали отъ чума по крайней мѣрѣ за 40 верстъ. Къ вечеру волка подняли съ мѣста; я не могъ дальше ѣхать отъ усталости оленей. Замѣтивъ это, Таиндома просилъ слѣдовать за нимъ на небольшую сопку, куда въѣхавши, мы увидѣли, что его ребятъ тихонько ѣхали позади волка и направляли ему путь прямо на насъ. Измученный волкъ едва бѣжалъ рысью; тогда старикъ Таиндома вскочилъ на свою нарту, стоя помчался противъ волка и, не доѣзжая, ударилъ шестомъ волка по норкѣ такъ ловко, что тотъ тотчасъ же и растянулся на снѣгу мертвымъ. Къ этому финалу и я пришелъ на мѣсто пораженія. Старикъ и его ребята, осматривая волка, хохотали до упаду, а старикъ повторялъ: «Ну, теперь рысакъ твой будетъ тебя возить; но шкура волка не стоитъ того, сколько изъ-за нея мы мучились; изъ запряженныхъ оленей вѣрно нѣсколько подохнетъ отъ перегону. Вотъ другъ, видишь, что лучше было бы зарѣзать твоего рысака и съѣсть, чѣмъ убить волка, нотерять нѣсколько оленей и самимъ мучиться». Олени наши дотого устали, что мы принуждены были ночевать въ тундрѣ и кормить ихъ. По-утру рано мы встали и начали собираться въ дорогу, и здѣсь къ своему неудовольствію я увидѣлъ, что у сына Таиндома и работника его передовые олени подохли отъ усталости, а старикъ смѣясь сказалъ: «Вотъ видишь, что старики не врутъ». Желая чѣмъ-нибудь вознаградить Таиндома за удовольствія и неудовольствія, какія онъ мнѣ доставилъ охотой на волка, я подарилъ ему погребецъ съ чайнымъ приборомъ. Старикъ принялъ его охотно и, въ знакъ своего расположенія ко мнѣ, подобралъ къ моему рысаку тройку одношерстныхъ бѣлыхъ быковъ и велѣлъ ихъ запречь въ мою нарту. Прощаясь со мною сказалъ: «Поѣзжай на этихъ оленяхъ прямо въ Обдорскъ; они, не смотря на то, что далеко (около 250 верстъ), довезутъ тебя благополучно; захочешь по-

охотиться на волковъ, такъ пріѣзжай къ намъ. Я у тебя въ Обдорскѣ буду чрезъ двѣ недѣли и за здоровье рысака выпью вина и чаю. Прости, прости!» — Пріѣхавши въ Обдорскъ, я увидѣлъ, что шкура волка тоже положена была ко мнѣ въ нарту.

Рыбопромышленность, по Обской губѣ, по р. Оби и системѣ ея, для инородцевъ и вообще жителей Березовскаго округа, а въ особенности для нѣкоторыхъ жителей г. Тобольска, есть главный предметъ занятія и составляетъ довольно важный торговый промыселъ. Едва весна очиститъ р. Обь отъ льдовъ, какъ русскіе рыбопромышленники, Тобольской губерніи, нагрузивъ свои дощаники, каюки, лодки и барки разными товарами, съѣстными припасами и матеріялами для ловли и соленія рыбы, плывутъ почти за льдомъ, въ сѣверныя страны Березовскаго округа. По дорогѣ, начиная отъ г. Тобольска до с. Обдорска, задаютъ, прибрежнымъ жителямъ р. Оби, имѣемые у себя вышеозначенные продукты, подъ учетъ лѣтняго промысла рыбы, и наконецъ достигаютъ своихъ кортомленныхъ рыбопромышленныхъ мѣстъ у самоѣдовъ и остяковъ, гдѣ и сами производятъ промыселъ. Съ приближеніемъ осенняго времени, промышленники, распродавъ инородцамъ все имѣемое на своихъ судахъ, нагружаютъ ихъ сборной и своего промысла рыбой и пароходами отправляютъ въ г. Тобольскъ. Въ Тобольскѣ, выждавъ установленія зимней дороги, разсылаютъ рыбу по всѣмъ ярмаркамъ Тобольской губерніи, а также въ Пермскую губернію на разные заводы, а въ особенности въ г. Екатеринбургъ и Ирбитъ. По этому разъ заведенному порядку промыселъ, сбытъ рыбы, а также способъ засола ея существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Никто изъ рыбопромышленниковъ не предпринялъ никакихъ мѣръ для улучшенія способовъ промысла и засола рыбы. Сбытъ рыбы за предѣлы вышеозначенныхъ мѣстъ не распространяется и ее покупаютъ тѣ только изъ потребителей, которые привыкли къ ея приготовленію (стоповому засолу). Между тѣмъ и подобныхъ потребителей есть огромная масса, ибо ежегодно продается соленой рыбы болѣе 350.000 пудовъ.

Сдѣлавъ краткій очеркъ торговой дѣятельности рыбопромышленника, считаю необходимымъ пояснить о способахъ ловли рыбы, засола, о средствахъ, какія руководятъ

этой промышленностью, а въ то время очень легко можно будетъ вывести изъ всего этого заключеніе вѣрное. Отъ какихъ именно причинъ происходитъ застой столь важной промышленности, какъ рыбная, и въ то время, когда природа сѣверной страны заключаетъ всѣ удобства для успленія ея и трудъ рыбака по случаю изобилія рыбы въ Обдорскихъ водахъ съ избыткомъ вознаграждается, а нѣкоторые обогощаются сотнями тысячъ рублей?

Р. Обь и система ея вездѣ имѣютъ удобныя мѣста для рыбопромышленности, и чѣмъ ближе къ Обской губѣ, тѣмъ больше ощущается изобиліе рыбы. Обская же и Тозовская губы—представляютъ садокъ рыбный—такое ея тамъ множество, и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рыбы больше, но она мельче. Рѣка Обь зимою, какъ говорятъ, замираетъ, то-есть вода въ ней смѣшивается съ ржавчиной и дѣлается краснобурою и потому рыба зимою въ р. Оби не держится, уходитъ къ взморью, гдѣ и зимуетъ. Едва весеннія воды станутъ освѣжать р. Обь и отъ напора ломать ледъ, который бываетъ толщиною въ сажень, рыба изъ моря начинаетъ свое шествіе табунами вверхъ по р. Оби и ея притокамъ. Сначала появляются палимы и сырки, послѣ нельмы, осетры и стерляди и наконецъ моксуны, сельди, а съ ними всѣ роды и виды рыбъ: кориши, недомоксунки, щекуры, пыжьяны и проч. Пока вода не согрѣется лучами солнца, рыба выбираетъ для своего путешествія глубокія мѣста, и плыветъ все дальше и дальше, не останавливаясь, но лишь вода потеплѣетъ, тогда она вся, кромѣ осетра, стерляди и нельмы, заходитъ для корму въ соръ (соромъ называютъ неглубокіе рѣчные Обскіе заливы, которые наводняются во время полныхъ весеннихъ водъ и занимаютъ обширныя пространства по лугамъ и лѣсамъ). Въ сорахъ, гдѣ рыба найдетъ для себя много корму, остается до тѣхъ поръ, пока вода въ нихъ не тронется на убыль. Замѣтивъ это, рыбаки тотчасъ загородятъ соровое устье, способомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ запора, и тогда возлѣ запора маленькимъ неводкомъ вылавливаютъ ее. Если удачно, т. е. во время поставятъ заворъ, то въ сорахъ такое множество задержатъ рыбы,

а особенно пыжьяновъ и сырковъ, что иногда запоръ не выдерживаетъ напора ея и опрокидывается. Муксуны и нельмы рѣдко задерживаются въ сорахъ и потому ихъ промышляютъ сѣтями, во время полныхъ водъ.

Нѣкоторые изъ самоѣдовъ доказываютъ, что моксуны и нельмы долго въ сорахъ не останавливаются, а заходятъ во время шествія своего по р. Оби вверхъ для одного только корма.

Когда замерзаніе застигнетъ Обскую губу въ полноводье, то отъ сильныхъ морозовъ вода замерзаетъ по прибрежьямъ губы до самаго дна на довольно широкое разстояніе. Весенняя вода нерѣдко скатывается по этимъ льдамъ въ море и, обмывая берега, дѣлаетъ то, что льдины, примерзшія къ землѣ на разстояніи какихъ-либо 5 до 8 верстъ, отстаютъ отъ дна вдругъ и подымаются на поверхность воды. Тогда наблюдателю представится очень непріятное зрѣлище: съ поднявшагося льда вода быстро сбѣжитъ, оставивъ на поверхности льда множество рыбы и, къ несчастію, этой рыбой, которой будетъ милліоны пудовъ, никто не можетъ воспользоваться: самоѣды кочуютъ на прибрежьяхъ Обской губы очень въ незначительномъ количествѣ, они не имѣютъ средствъ и силы собрать рыбу со льдинъ и засолить, а потому она вся уносится въ море и дѣлается достояніемъ морскихъ птицъ и животныхъ.

Сельди небольшой величины, на подобіе голландскихъ, появляются въ Обской и Тазовской губахъ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца и доходятъ по р. Оби до р. Щучьей въ такомъ множествѣ, что трудно опредѣлить ихъ количество, бываютъ очень жирны, но ихъ не ловятъ, развѣ для корму собакъ. Сельди цѣлое лѣто табунъ за табуномъ входятъ въ р. Щучью и плывутъ по ней до горныхъ вершинъ ея. Осенью возвращаются назадъ въ море, но уже бываютъ тощи и икряны; тогда ихъ ловятъ для икры, а мясо выбрасываютъ вонъ. На встрѣчу сельдямъ къ взморью подходятъ киты, которые, гоняясь за сельдями, во время лунныхъ приливовъ, которые при сѣверномъ вѣтрѣ поднимаютъ воды до очень значительной высоты, заходятъ далеко къ берегамъ моря и тамъ нерѣдко при отливѣ обмеливаются.

Осетръ придерживается глубокихъ мѣстъ и останавливается на песчаныхъ мѣстахъ возлѣ подрѣзовъ берега, образовавшихся отъ битья волнъ о берега. Подрѣзы во время половодья бываютъ подъ водою, возлѣ нихъ осетръ вынѣживается, и въ подобныхъ только мѣстахъ бываетъ его изобильная добыча.

Передъ разсвѣтомъ на утренней зарѣ рыба засыпаетъ и нерѣдко всплываетъ на поверхность рѣки, тогда ее хватаютъ руками. Мнѣ самому случилось поймать 30 ф. нельму. При первомъ прикосновенiи рукъ она не просыпалась, но по вынутiи изъ воды тотчасъ обнаружила жизнь, стала метаться и такъ сильно, что я едва удержалъ ее.

Вообще вся рыба изъ моря по р. Оби и ея притокамъ плыветъ табунами и доходитъ до р. Томи и дальше; чѣмъ ближе достигаетъ вершинъ р. Оби, тѣмъ она дѣлается жирнѣе и крупнѣе. Къ осени возвращается обратно въ море; тогда въ мелкихъ мѣстахъ на р. Оби и ея притокахъ перегораживаютъ р. Обь и тѣмъ замедляютъ ей путешествiе и вылавливаютъ разными способами, придуманными остяками и самоѣдами.

Въ озерахъ, которыя имѣютъ сообщенiе съ моремъ посредствомъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ нихъ, напр. въ Ерубейскихъ, рыба содержится круглый годъ; въ такiя озера заходятъ и морскiе звѣри, а особенно бѣлухи, и нерѣдко остаются въ этихъ озерахъ до замерзанiя и дѣлаются жертвою самоѣдовъ, по слѣдующимъ причинамъ: бѣлухи гоняясь за рыбой, входятъ въ озера, которыя довольно велики—отъ 3 до 5 верстъ въ длину и ширину. Преслѣдованiя бѣлухи рыбныхъ табуновъ завлекутъ ее на дальнее разстоянiе отъ вершины той рѣчки, по которой вошла въ озеро, и такимъ образомъ, потерявъ выходъ, она мечется во всѣ стороны тѣмъ больше, если еще вѣтеръ дуетъ съ смежной стороны вершины рѣчки; попавши въ безвыходное положенiе, бѣлухи при замерзанiи озеръ замерзаютъ и самоѣды безъ всякаго труда вырубаютъ ихъ изъ льда и вытапливаютъ изъ нихъ жиръ, котораго бываетъ изъ одной бѣлухи отъ 8 и до 15 пуд. Такимъ же образомъ поступаютъ самоѣды и съ обмелѣвши-

мися китами въ Карскомъ морѣ близъ береговъ Байдорацкой губы. Примѣта самоѣдовъ о появленіи китовъ близъ береговъ—та, что чѣмъ больше сѣверные вѣтры нанесутъ льдовъ къ берегамъ, тѣмъ появленіе китовъ несомнѣннѣе. Льдины эти бываютъ необыкновенной величины: по двѣ версты длины и за 50 саж. толщины, издали представляютъ плавучіе острова съ хрустальными городами, съ башнями, куполами и разными шпилями; на нихъ всегда предпринимаютъ путешествіе бѣлые медвѣди и несчастные песцы, забравшіеся туда по неосторожности съ материка, при выносѣ этихъ льдинъ вѣтрами и приливами на берега моря.

Песчаные берега по р. Оби и по ея системѣ признаются рыбопромышленными берегами; русскіе ищутъ такіе берега, которые были бы длиною на разстояніи 5 верстъ, ибо они приготовляютъ большіе невода до 300 саженъ, бросаютъ ихъ въ рѣку по направленію съ берега на берегъ: одинъ конецъ невода (йята) придерживается пятовщикомъ у того берега, съ котораго бросили неводъ, а другой конецъ, будучи брошенъ по теченію въ рѣку, стараются приближать постепенно къ тому же берегу. Такъ какъ неводъ забрасывается по теченію воды, то онъ теченіемъ уносится все дальше и дальше, а потому пятовщикъ и тѣ, которые вытаскиваютъ другой конецъ невода, шагъ за шагомъ подвигаются впередъ до тѣхъ поръ, пока рѣчное крыло невода въ половинѣ не будетъ вытащено на берегъ. Изъ сего выходитъ, что забросивши неводъ на первой верстѣ, теченіемъ воды постепенно его уноситъ на четвертую версту, гдѣ уже его вытаскиваютъ на сушь вмѣстѣ съ рыбой. Этотъ способъ ловли рыбы заставляетъ пріискивать такіе пески, которые были бы на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; чѣмъ длиннѣе пески, тѣмъ и невода приготовляютъ длиннѣе. Больше трехъ разъ въ сутки одинъ неводъ не закидываютъ, а для того, чтобъ наловить больше рыбы, ловятъ въ два невода, т. е. одинъ закидываютъ послѣ другаго, спустя извѣстное время. Русскіе кортомятъ пески у инородцевъ за незначительную плату и песковладѣльцовъ всегда держатъ у себя въ долгу, для своихъ коммерческихъ разсчетовъ. Засаливаютъ рыбу въ большихъ

чанахъ, распластывая и очищая ее отъ внутренностей, солью обсыпаютъ до того, чтобы рыбы не было видно. Когда рыба въ чану подъ гнетомъ пролежитъ сутокъ 4, тогда ее моютъ въ ея разсолѣ и складываютъ въ стопы. Этотъ засолъ очень неразумный: теряется изъ рыбы много питательныхъ соковъ, ибо она, лежа въ стопахъ, отъ гнета верхнихъ пластовъ выдавливаетъ собою изъ нижнихъ пластовъ жиръ и потому рыба нижняго слоя вѣситъ легче рыбы верхняго слоя. Притомъ засолъ бываетъ столь крѣпкій, что взявши рыбу за хвостъ она не сгибается и нужно долго мочить, чтобы изготовить ее годною въ пищу. Между тѣмъ, еслибъ ту же рыбу приготовить въ бочечномъ засолѣ съ герметическою укупоркою и не въ большихъ боченкахъ, то она своею тяжестью не выдавливала бы другъ у друга жиру, была бы вкуснѣе и имѣла бы сбытъ въ цѣломъ свѣтѣ. А въ Обской и Тазовской губахъ столь много рыбы, что ею можно было бы подѣлиться съ разными государствами.

Русскіе скупаютъ еще у остяковъ и самоѣдовъ сушеную рыбу, извѣстную подъ именемъ поземовъ и юрока (самоѣдскій и остяцкій балыкъ). Она расходится въ Тобольской и Пермской губерніяхъ и въ большомъ употребленіи; но ее можетъ ѣсть тотъ, кто не видалъ ея приготовленія.

Самоѣды и остяки прегрязные, сидя на землѣ на колѣняхъ, держатъ прегрязную доску, на которую кладутъ пойманную рыбу; ножемъ очень искусно срѣзываютъ мясо съ костей, дѣлаютъ на немъ насѣчки и вывѣшиваютъ на солнце. Если ножъ замарается кровью, то они облизываютъ его, если замарается въ рыбій калъ, то они вытираютъ его о свои штанишки, которые прегрязные никогда не моются и носятся до тѣхъ поръ, пока отъ ветхости не развалятся—чего на нихъ нѣтъ! Русскіе хотя видятъ все это, ради корысти своей не обращаютъ на это приготовленіе рыбы своего вниманія, покупаютъ и привозятъ её въ Тобольскъ для продажи. Въ Тобольскѣ, среди холодныхъ закусокъ, всегда красуются и поземы и ѣдятъ ихъ на здоровье всѣ—прихваливая, что поземы вкусны потому, что жирны. Нѣкоторые заслыша неопрятное приготовленіе поземовъ, моютъ ихъ въ горячей водѣ и тогда

подаютъ на столъ, но они послѣ ваннъ хотя и бываютъ чисты, но зато теряютъ свой настоящій вкусъ. Мнѣ случилось ѣсть поземы приготовленія обдорскихъ поселенцевъ - скопцовъ; заготовленные не для продажи, а для себя въ пищу, они дѣйствительно заслуживаютъ похвалы какъ по вкусу, такъ и по виду своему, а особенно вкусны они, если немного еще копчены въ дыму можжевеловаго дерева.

Салмовые промыслы рыбы тоже немаловажны, и они-то обогащаютъ русскихъ рыбопромышленниковъ, а потому объ нихъ, какъ о главномъ самоѣдскомъ промыслѣ, и стоитъ разсказать.

Салма—это на меляхъ Обской губы глубокая яма, въ 50 и 100 саженъ длины; въ нее теченіемъ воды заносятся разныя питательныя вещества, и рыба, переплывая Обскую губу, табунами заходитъ въ салмы, гдѣ остается по нѣскольку дней; сверхъ того бѣлухи постоянно гоняются за рыбой, а потому въ салмахъ рыба имѣетъ притонъ для своего спасенія, ибо по мелководью бѣлухи не плаваютъ, а, разогнавши рыбные табуны по Обской губѣ, тѣмъ самымъ заставляетъ ее, ради спасенія своего, сплывать на мелкія мѣста и попадать въ салмы. Самоѣды взявши съ собою небольшой неводокъ свой, ѣдутъ на салмы. Кормщикъ, имѣя весло на сажень длины, конецъ его, во время ѣзды въ лодкѣ, тащитъ по дну Обской губы, и если попадетъ на такое глубокое мѣсто, гдѣ топетъ все весло по ручку—тамъ образовалась салма и тамъ начинаютъ ловить рыбу. Тогда лѣзутъ всѣ по поясъ въ воду, забрасываютъ неводокъ, и за одинъ разъ наловятъ полную лодку муксуновъ. Поймавши такимъ образомъ рыбу, вывозятъ ее на берегъ, гдѣ дожидаются ихъ русскіе становщики, передаютъ рыбу имъ, а сами отправляются опять розыскивать салму. Кстати слѣдуетъ пояснить что это за гг. становщики? это именно господа, загребающіе жаръ чужими руками.

Обдорскіе, березовскіе и тобольскіе мѣщане, приготовивъ себѣ каюкъ, нагружаютъ его мукою, солью, разными товарами, остяцкими и самоѣдскими, для украшенія ихъ и для ловли рыбы, и пріѣзжаютъ на Обскую губу къ салмамъ, гдѣ дожидаются ихъ самоѣды и остяки. Тутъ возлѣ чумовъ са-

моѣдовъ становщикъ устраиваетъ себѣ станъ, построитъ шатеръ для жилья, балаганъ для засола рыбы, поставитъ на открытомъ мѣстѣ печь для печенія самоѣдамъ хлѣба, устроитъ для себя еще сѣдалище въ родѣ обсерваторіи, изъ которой ему примѣтно было бы возвращеніе самоѣда съ рыбой, и такимъ образомъ начинаетъ, благословясь, свой промыселъ съ покупки рыбы.

За 1 булку полусыраго хлѣба, выпекаемаго съ пуда муки отъ 12 до 15 хлѣбовъ, береть муксуна, засаливаетъ его, привозитъ въ Тобольскъ и продаетъ за 18 до 25 коп. сереб. за штуку. Мука же въ Обдорскѣ бываетъ отъ 40 до 65 коп. пудъ, и за такія же цѣны продаютъ сѣти, мочалы, лыки, поясочки, иголки и все прочее. Распродавши свой товаръ и наполнивъ каюкъ рыбою, изъ салмъ съ ½ іюля по ½ августа возвращаются въ г. Тобольскъ, оставивъ послѣ себя память самоѣдамъ, что цѣлое лѣто трудились они для своего становщика и пріобрѣли бездѣлушки, ѣли русскій хлѣбъ, но зато къ зимѣ для себя не приготовили рыбы и не запасли даже хлѣба и муки, а потому по первому зимнему пути являются за полученіемъ въ долгъ казеннаго хлѣба въ Обдорскъ, за который расплачиваются лѣтомъ; и дѣйствительно, когда пріѣдетъ смотритель запаснаго магазина лѣтомъ на салмы за полученіемъ долга, то становщики уплачиваютъ за самоѣдовъ долги охотно, а съ нихъ послѣ постепенно выбираютъ рыбой, но тогда самоѣды не зѣвай. Въ случаѣ лѣности, становщики понуждаютъ ихъ палкой, приговаривая: «Давай деньги за казенный хлѣбъ, если не хочешь ловить рыбу!» и бѣдные, отколоченные ѣдутъ мучиться и, какая бы то ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ по салмамъ, лишь бы становщику наловить рыбы.

Изъ всего этого выходитъ, что правительство заботится, чтобъ самоѣды не умерли съ голоду, заготовляетъ имъ большіе запасы муки и отдаютъ въ долгъ. Самоѣды же съ своей стороны трудятся, чтобъ не умеръ съ голоду становщикъ, налавливаютъ ему полный каюкъ рыбы, а потому и правительство и самоѣды трудятся для становщика, который, сидя два мѣсяца на берегу Обской губы, для захвата рыбы на подобіе

ворона надъ падалью, возвращается съ добычей во свояси для отдохновенія отъ неусталости. Удивительнѣйшая рыбопромышленность, какой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!

Случилось мнѣ еще видѣть, что становщики картежничаютъ съ самоѣдами и послѣдніе пропгрываютъ имъ моксуны. Карты ввелъ въ употребленіе у самоѣдовъ, въ 1845 году, становщикъ, березовскій мѣщанинъ Нечаевскій, проживая въ стану своемъ на островѣ Яры и Нанги. Самоѣды большіе охотники къ картежной игрѣ, почти во всякомъ чумѣ можно видѣть карты; покупая ихъ, самоѣды платятъ русскимъ, зимою, за каждую карту по одной песцовой лапѣ, а лѣтомъ по моксуну.

Между самоѣдами и остяками, до соединенія ихъ родственными связями, не было ничего общаго. Остяцкое племя, какъ властвовавшее надъ самоѣдскимъ, прививало къ нимъ постепенно свои обычаи и нравы; въ то же самое время отъ самоѣдовъ оно позаимствовало къ своему матеріальному быту все то, чего не имѣло: чумы, одежду, оленей, упряжь, средства къ промыслу звѣря и рыбы и самую бродячую жизнь. Вникнувъ въ разговоръ остяковъ, можно услышать въ ихъ нарѣчіи много словъ: татарскихъ, самоѣдскихъ и русскихъ, между тѣмъ какъ въ нарѣчіи самоѣдовъ чужихъ словъ нѣтъ. Изъ этого уже одного можно заключить, что самоѣды есть коренной народъ сѣвера, а остяки—пришлецы. Языкъ самоѣдскій очень бѣденъ; часто, если самоѣду необходимо разсказать какое происшествіе, то разсказъ свой онъ соединяетъ съ мимикой, и когда для полнаго разсказа ему недостаточно его одного лица, то онъ приглашаетъ въ помощь товарищей и заставляетъ ихъ мимикой дополнять смыслъ разсказа. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ о дракѣ, то представитъ картину драки въ томъ видѣ, какъ она была, съ плачемъ и крикомъ. Прежде имъ не нужно было прибѣгать къ подобнымъ разсказамъ: за обиду свою онъ мстилъ подобною, и правосудіе находилъ въ себѣ—убивалъ врага или былъ самъ убитъ. Но когда начальство стало преслѣдовать ихъ своевольство, смягчать ихъ нравы, то самоѣды стали искать удовлетворенія въ жалобахъ начальству, и дотого въ настоящее время привыкли къ нимъ и къ сутяжеству, что со всякими бездѣлицами, незаслуживающими никакого вниманія, лѣзутъ къ начальству и просятъ разбирательства, а часто даже и придумаютъ ложь и съ помощью приношеній ищутъ наказанія для своего противника. Эти несправедливости сдѣлали то, что богатые, имѣя преимущество, стали жестоко обращаться съ бѣдными, между тѣмъ прежде, какъ самоѣды разсказываютъ: «Богатый принужденъ былъ безвозмездно кормить, одѣвать бѣднаго и обходиться съ нимъ человѣколюбиво и дружески, и давать бѣдному оленей на жерт-

ву, за-то Нумъ множилъ ему оленей, и богатые не дѣлались бѣдными; а нынѣ, когда начали обижать бѣдныхъ, то и сами подѣлались бѣдными и ихъ также обижаютъ, какъ обижали и они».

Самоѣды, по настоящее время, раздѣлены на роды и имѣютъ своихъ родоначальниковъ, и власть эта у нихъ наслѣдственная издревле. Обязанностью родоначальниковъ было: разсуждать вообще о народныхъ дѣлахъ, а именно во время войнъ противъ остяковъ и пустозеровъ, въ частную же жизнь своихъ родовичей они не вникали, ибо имъ всѣмъ дано было равное право мѣстничества; но когда русское правительство уничтожило это право, и за важныя преступленія, какъто: убійство, грабежи, возмущенія стало судить ихъ своими законами, то самоѣдскимъ родоначальникамъ осталась власть дѣлать разбирательства въ маловажныхъ дѣлахъ, собирать ясакъ съ своихъ родовичей въ казну, что они и исполняютъ рачительно по настоящее время. Между ними и нынѣ очень рѣдко случаются преступленія, въ прежнія же времена воровства имущества не существовало: у нихъ все имущественное богатство безъ всякаго караула оставалось въ тундрѣ и всегда было сохранно. Но украсть хорошаго оленя, жирнаго, или бѣгунца, у нихъ было поползновеніе, и въ настоящее время подобныя воровства случаются очень часто. Если поймаютъ вора, то изобьютъ его жестоко и заставятъ заплатить вдвое противъ украденнаго. За обиды, смотря по степени ихъ и вліянію на жизнь обиженнаго, получаютъ вознагражденіе вещественное, напр.: если въ дракѣ одинъ ушибетъ другаго и чрезъ этотъ ушибъ одинъ изъ нихъ потеряетъ способность пропитывать себя, то причинившій подобное зло обязанъ кормить, поить и одѣвать обиженнаго и его семейство. Обиды въ руганьяхъ и дурныхъ словахъ отплачиваются тѣмъ же—поругаются и помирятся. Но если кто осмѣлится обидѣть дочь самоѣда, находящуюся въ замужествѣ за малолѣтнимъ или въ дѣвицахъ, подговоромъ ея къ соитію, и воспользуются имъ, то отецъ ищетъ вознагражденія за безчестіе отъ рѣшившагося на поступокъ къ подговору, и получаетъ въ вознагражденіе, смотря по богатству

преступника, отъ двухъ и до 10-ти оленей. Дочерей же своихъ за нарушеніе дѣвичьяго цѣломудрія не подвергаютъ наказанію и не вмѣняютъ имъ въ стыдъ порочную жизнь на томъ основаніи, что женщина для этого сотворена; но жена, такъ какъ она покупается для удовольствія жизни, то, кто ею воспользуется самовольно, тотъ, по ихъ мнѣнію, уже воръ, и потому поступаютъ съ нимъ, какъ съ похитителемъ чужой собственности, и онъ долженъ заплатить за безчестіе. Женщины сами сознаются предъ родными своими въ подобныхъ искушеніяхъ. Но нельзя сказать, что жены самоѣдовъ совершеннолѣтнихъ и возмужалыхъ, при свободѣ супружескихъ обязанностей, не подвергались бы за измѣну штрафамъ. Мужья смотрятъ на нихъ, какъ на свою вещь, которою и распоряжаются по своему произволу; при разбирательствахъ почти всегда оказывается, что жены сами ищутъ любовныхъ приключеній, даже бѣгаютъ отъ мужей своихъ, за что, кромѣ жестокихъ побоевъ, получаемыхъ отъ мужа, онъ требуетъ еще отъ родителей ихъ возврата калыма. Въ подобныхъ случаяхъ начинаются формальныя тяжбы, являются къ начальству съ рубежами, какъ документами, которые доказываютъ весь разсчетъ калыма и прочихъ расходовъ. Замѣчательно то, что если самоѣдскія жены имѣютъ дѣтей, то нарушенія супружеской жизни почти не бываетъ, а развратъ вселяется между безплодными женами, которыхъ называютъ, наподобіе оленей—хаптеркой, и происходитъ еще отъ многоженства самоѣдовъ и отъ несообразнаго обыкновенія ихъ съ правилами природы—женить малолѣтнихъ сыновей своихъ 8 и 9-ти лѣтъ на взрослыхъ дѣвицахъ. Къ послѣднему обыкновенію самоѣды прибѣгаютъ собственно отъ недостатка рабочихъ рукъ въ семействѣ, а въ особенности тогда, когда у нихъ есть большое стадо оленей и хозяйствомъ некому управлять. Мнѣ случилось видѣть женатымъ 7-ми-лѣтняго мальчика и жена обходилась съ нимъ, какъ нянька: обмываетъ его, одѣваетъ и раздѣваетъ. Но когда эти мальчики выростутъ, то почти всегда бросаютъ своихъ женъ, и покупаютъ себѣ молодыхъ, а старымъ женамъ даютъ свободу выйти замужъ за кого она пожелаетъ, или возвратиться къ своимъ роднымъ. Наслѣдство

дѣлится въ мужскомъ колѣнѣ. Отцы, если имѣютъ взрослыхъ сыновей, еще при своей жизни стараются раздѣлить имущество между ними, оставляя при себѣ одного изъ сыновей и всѣхъ дочерей; надѣляютъ же ихъ имуществомъ по своему произволу. Но когда родитель умретъ, тогда сыновья ихъ приступаютъ къ равному дѣлежу и надъ сестрами своими вступаютъ въ полныя отцовскія права, т. е. принимаютъ на себя обязанность выдать сестеръ замужъ, получить за нихъ калымъ и дать приданое. Приданое и калымъ зависятъ отъ уговора: въ калымъ даютъ оленей, шкуры пушнаго звѣря, лисицъ и песцовъ. Приданое невѣста получаетъ за каждые десять оленей, взятыхъ въ калымъ, одну нарту, нагруженную какимъ-нибудь имуществомъ, съ запряженными въ нее двумя оленями; на обязанности невѣсты лежитъ вынести въ приданое полчума потребной для нея одежды, женскую нарту съ одѣяломъ и женскою сбруею на оленей, котелъ и часть провизіи въ рыбѣ и оленьемъ мясѣ, что составляетъ три нарты и равняется калыму на 30 оленей.

Свадьба у самоѣдовъ не имѣетъ много обрядовъ, а веселья еще меньше; она совершается слѣдующимъ образомъ: родные жениха пріѣзжаютъ къ роднымъ невѣсты для уговора въ калымѣ; когда условятся, подѣлаютъ на длинной палкѣ рубежи сколько чего должно послѣдовать въ приданое и въ калымъ, расколятъ эти рубежи пополамъ и, взявъ каждая договаривающая сторона по половинѣ рубежей, приступаютъ къ уплатѣ прежде калыма. При этомъ уговорѣ сваты убиваютъ оленя и съѣдаютъ его съ родными невѣсты, послѣ же это дѣлаютъ родные невѣсты и этимъ обрядомъ сватовство считается рѣшеннымъ. Женихъ ѣздитъ въ гости къ невѣстѣ, но себя держитъ отъ нея вдали и по возможности уплачиваетъ калымъ; иногда время уплаты калыма продолжается годъ, и невѣста въ это время сохраняетъ себя въ полной нравственности, тѣмъ больше, если женихъ ей по сердцу. Когда калымъ весь отданъ, тогда родные невѣсты складываютъ ее приданое на нарты, устраиваютъ аркишъ. Первый аркишъ невѣсты долженъ быть красивѣе прочихъ, и въ этомъ аркишѣ на переднюю нарту положатъ невѣсту, закроютъ ее и въ такомъ

видѣ везутъ къ жениху, недалеко отъ чума жениха, встрѣчаютъ невѣсту родные его и привозятъ вмѣстѣ невѣсту въ чумъ, куда ее вводятъ и прячутъ подъ занавѣску,—гдѣ она сохраняется нѣсколько дней и, какъ говорятъ, привыкаетъ къ новому мѣсту, а женихъ тайно ночью старается подползть къ невѣстѣ; послѣ недѣльнаго затворничества занавѣска снимается и предлагается жениху свободная брачная постель—онъ дѣлается мужемъ. Во все время означенныхъ свадебныхъ церемоній то и дѣло, что бьютъ оленей и ихъ съѣдаютъ; если случится вино, то напиваются всѣ съ невѣстой до потери чувствъ. Если невѣста вышла замужъ цѣломудренною, то женихъ обязанъ заплатить матери невѣсты нѣсколько оленей за хорошій присмотръ. Въ этомъ случаѣ женихи, чтобы не платить напрасно, по ихъ мнѣнію, оленей, подговариваютъ своихъ женъ, чтобы онѣ, если и были цѣломудренными, при первой брачной постели, показали противное. Но матери невѣстъ съ своей стороны употребляютъ всѣ предосторожности, чтобы ихъ не провели. Молодая жена по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ѣдетъ къ своимъ роднымъ въ гости и погостивъ у нихъ нѣсколько дней, возвращается въ свой чумъ, а родные, провожая молодую, обязаны ей въ нарту запречь тройку хорошихъ оленей и къ ней привязать одну нарту съ разными подарками, въ которую тоже впрягаютъ пару хорошихъ быковъ. За подобными подарками молодая ѣздитъ къ роднымъ каждый годъ по разу; и если случится, что родные не наградятъ прилично, то мужья вступаютъ въ претензіи и получаютъ свое съ вознагражденіемъ. При сватовствѣ соблюдаются у нихъ родственныя связи, недозволяющія имъ вступать въ бракъ—не могутъ жениться отецъ на родной дочери и внучкѣ, братъ на родной сестрѣ; болѣе никакого родства не соблюдается.

Самоѣдскія матери, послѣ рожденія ребенка, тотчасъ вытираютъ его снѣгомъ, а лѣтомъ обмываютъ водою, послѣ положатъ его въ зыбку въ сидячемъ положеніи, подстелятъ подъ ребенка мягкаго гнилаго дерева (порохна), сверху прикроютъ выпоркомъ изъ оленя, выправляютъ ручки и ножки ребенка и туго привяжутъ его къ зыбкѣ, такъ что онъ можетъ

шевелить только головкою. Мать свое дитя кормитъ всегда грудью и до того времени, пока ребенокъ самъ не захочетъ сосать ее. Очень часто можно видѣть, что самоѣдки кормятъ по два ребенка: одного маленькаго держатъ на груди, а другой, довольно взрослый, стоя за плечами матери, протянетъ къ себѣ чрезъ плечи грудь матери и, обнявши ее обѣими руками, насасывается. Груди свои самоѣдки обтягиваютъ; онѣ похожи на длинные мѣшочки въ ¼ аршина и потому очень свободно забрасываютъ ихъ на плечи. Мнѣ случалось видѣть, что самоѣдки выкармливали своею грудью вообще съ своимъ дитятей щенятъ, лисицъ и песцовъ и эти щенята, выросши, дѣлаются совершенно ручными, а именно песцы. Мать, если занята своимъ дѣломъ, то мало обращаетъ вниманія на плачъ своего груднаго ребенка, и для этого у нихъ въ чумахъ, гдѣ бываютъ большія семейства, ревъ дѣтей бываетъ невыносимый. Когда я просилъ, чтобы онѣ уняли плачъ дѣтей, то онѣ съ неудовольствіемъ отвѣтили мнѣ, что не для чего унимать, ибо ребенокъ, кромѣ плача, болѣе ничего не умѣетъ; пусть плачетъ сколько хочетъ, а выростетъ, такъ будетъ много говорить. Забавно смотрѣть, какъ маленькія дѣти у самоѣдовъ голыя обступятъ очагъ и возлѣ огня грѣютъ свое тѣло; они довольно смѣлы,—возлѣ нихъ непремѣнно расположатся собаки, и ребятишки, взявъ полѣшко, постоянно ихъ колотятъ, а особенно, если собаки отнимутъ отъ нихъ кушанье, данное имъ матерями. Воспитаніе дочерей лежитъ на обязанности матери; она учитъ ихъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ сучить нитки изъ оленьихъ жилъ, шить одежду, обувь. Сыновья образуются отцами: маленькимъ онъ дѣлаетъ небольшой тынзянъ, лукъ, стрѣлы, беретъ съ собою на охоту и на рыбные промыслы; пока дѣти невелики, то они не выходятъ изъ повиновенія родителей, которыхъ привязанность къ дѣтямъ безграничная: что бы дѣти ни дѣлали—все для нихъ хорошо; взрослыя же, если и поколотятъ порядочно отца, то онъ терпѣливо переноситъ эту бѣду. Мнѣ случалось внушать отцамъ о принятіи мѣръ для укрощенія дѣтей; но отцы очень наивно отвѣтили, какъ насъ не колотить: мы дураки, ничего уже по старости своей не понимаемъ, промышлять не мо-

жемъ, сыновья кормятъ и одѣваютъ насъ, то пусть колотятъ, если у нихъ сердце не болитъ; ихъ дѣти будутъ поступать съ ними точно такъ же.

Послѣ смерти самоѣда наслѣдники пересматриваютъ имущество, оставленное имъ, заключающееся въ шкурахъ пушнаго звѣря, въ заготовкѣ новаго носимаго платья и въ оленяхъ. Взрослые сыновья дѣлятъ это имущество между собою; если же остались малолѣтнія дѣти, то все имущество оставляютъ во владѣніи ихъ матери, которую тотчасъ послѣ смерти мужа ея беретъ къ себѣ въ жены одинъ изъ родственниковъ умершаго, а въ особенности если онъ имѣлъ родныхъ братьевъ. Дяди вполнѣ заботятся о сохраненіи имущества до возраста малолѣтнихъ своихъ племянниковъ, а матерями ихъ управляютъ какъ своими женами. Иногда случается, что между опекунами и наслѣдниками возникаютъ тяжбы; тогда разбирательство тяжябъ производятъ по рубежамъ, но если рубежи составлены неправильно, тогда злобствующая сторона, несоглашающаяся на добровольную мировую сдѣлку, въ правдѣ своихъ дѣйствій принимаетъ присягу. Послѣ присяги удовлетворяется истецъ или отвѣтчикъ, принявшій присягу, согласно доказательствамъ, утвержденнымъ присягою—и тяжба оканчивается. Присягу принимаютъ подъ слѣдующими видами: а) цѣлуя переднюю лапу медвѣдя, заклинаютъ себя, что если онъ неправду говоритъ или доказываетъ, то пусть медвѣдь растерзаетъ его. Кто рѣшится принять подобную присягу, тотъ считается уже правымъ. Если же по истеченіи времени случится такъ, что принявшаго присягу медвѣдь поцарапаетъ, то тяжба возобновляется, и безъ всякихъ толковъ поцарапанный считается виновнымъ, отдаетъ что слѣдуетъ противнику своему и еще вознаграждаетъ за обманъ, хотя бы былъ въ своемъ искѣ совершенно правъ. По ихъ понятію, медвѣдь рѣшилъ, кто правъ, а кто виноватъ и—дѣлу конецъ; б) еще присягаютъ цѣлуя ледъ, взятый изъ тѣхъ водъ, которыя ими обожаются, съ подобными же заклинаніями; также прибѣгаютъ еще къ слѣдующему обряду: истецъ беретъ противника своими пальцами за конецъ языка, другою рукой ножемъ нарѣзываетъ крестообразно снѣгъ или зем-

Самоѣдскій и остятскій князь Тайшинъ приводитъ къ присягѣ Самоѣдовъ не сознавшихся въ кражѣ оленей

лю и приговариваетъ заклинанія: если соврешь, то пусть твой языкъ распадется на части, какъ распадается разрѣзанный снѣгъ. Когда же одинъ другаго приводитъ къ присягѣ, чтобы сдержать данное другъ другу слово—сохранить секретъ, то берутъ другъ друга за концы языка и втыкаютъ въ снѣгъ острымъ концомъ ножъ, приговаривая заклинаніе, что пусть станетъ у того языкъ и высунется изъ горла до земли, какъ стоитъ воткнутый въ снѣгъ ножъ. Подобныя заклинанія у нихъ очень важны. Самоѣды готовы лучше подвергнуть себя разнымъ пыткамъ, но присягѣ не измѣнятъ и чистосердечно во всемъ сознаются, если требуютъ отъ нихъ показанія, какъ выше изъяснено, подъ присягами. Если у самоѣдовъ случится покража вещей, оставленныхъ въ тундрѣ, то послѣ неудачныхъ розысковъ они прибѣгаютъ къ ворожбѣ чрезъ своихъ шамановъ. Шаманъ, разумѣется. сейчасъ потребуетъ отъ нихъ принесть въ жертву оленя. Оленя для жертвы онъ тоже назначаетъ по ворожбѣ. Подобная ворожба производится шаманами слѣдующимъ образомъ: сидя на землѣ, онъ въ руки беретъ бубенъ (похожій на рѣшето, натянутый собачьей кожей), и начинаетъ въ него бить, тяжело вздыхать, втягиваетъ въ себя воздухъ, кривляется, послѣ прокалываетъ себя ножемъ въ животъ, грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю; полежавъ немного, онъ начнетъ разсказывать, чтобы принести сейчасъ же живую жертву шайтану, что шайтанъ проситъ, чтобы была принесена ему жертва въ олене, у котораго примѣты такія-то, и что покраденныя вещи отыщутся, ихъ покралъ такого-то роста человѣкъ, въ такой-то одеждѣ, у него есть жена, столько-то дѣтей, оленей. Самоѣды, выслушавъ шамана, идутъ первонально въ стадо искать въ жертву оленя съ примѣтами, разъясненными шаманомъ и, разумѣется, всегда найдутъ его (шаманы, для поддержки своего мошенничества, раньше осматриваютъ незамѣтно стадо самоѣдовъ и на случай высматриваютъ оленей съ признаками разными), приводятъ его въ чумъ, давятъ, съѣдаютъ, послѣ запрягаютъ оленей и ѣдутъ разыскивать человѣка, вывороженнаго шаманомъ. Всѣ подозрительные самоѣды очень хорошо извѣстны шаманамъ, и онъ всегда укажетъ на

одного изъ нихъ. Когда же къ подобному оподозрѣнному приступятъ сыщики въ полной увѣренности, какъ къ вору, о возвращеніи покраденнаго имущества, то оподозрѣнный, если не признается въ кражѣ, долженъ свою невинность подтвердить присягой. А какъ самоѣды очень неохотно принимаютъ присягу и страшатся ея, оподозрѣнный проситъ отложить ее на нѣкоторое время—и самъ въ то же время старается разыскивать воровъ; если найдетъ въ комъ малѣйшее подозрѣніе, то передаетъ объ этомъ хозяевамъ покраденныхъ вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ оподозрѣннаго, если онъ не сознается въ кражѣ, спросить подъ присягой. Тотъ опять отказывается отъ присяги, отсрачиваетъ ее и отъ себя разыскиваетъ вора, и подобные поиски дѣлаются до тѣхъ поръ, пока не разыщутъ вора. Тогда отбираютъ отъ него покраденное и получаютъ вознагражденіе вдвое противъ стоимости вещей. Кромѣ этого получаютъ вознагражденіе и тѣ, которые несправедливо были оподозрѣны въ кражѣ. Если же отвѣтчикъ несостоятеленъ, то порядочно поколотятъ его и возьмутъ къ себѣ въ работу на нѣсколько годовъ.

Строгость, съ какою преслѣдуютъ воровъ между собою самоѣды, дѣлаетъ то, что они свои богатства, сложенныя на нарты, хорошо обвязанныя березовыми тисками, оленьми шкурами, оставляютъ безъ всякаго присмотра въ тундрѣ невдали анасныхъ дорогъ и на продолжительное время, и многіе, зная объ этомъ богатствѣ, не только что не дотронутся до него, но каждый разъ, проѣзжая, осмотрятъ кругомъ нарты завязки, и если найдутъ что-либо подозрительное, тотчасъ передаютъ объ этомъ хозяину вещей. Отъ подобнаго общаго присмотра кражи между самоѣдами случаются очень рѣдко и почти не бываютъ.

Самоѣдъ понимаетъ явленія природы процессомъ, обусловливающимъ его собственныя дѣйствія, причины которыхъ ему понятны. Онъ ѣстъ оттого, что хочетъ ѣсть. Онъ ѣздитъ на оленяхъ оттого, что хочетъ ѣздить. Причины же окружающихъ его явленій ему неизвѣстны и онъ старается угадать ихъ. Угадывая, онъ присвоиваетъ этимъ явленіямъ тѣ же причины, которыя руководятъ его дѣйствіями, напр.: самоѣдъ увидитъ сѣверное сіяніе. Спросите, отчего оно показалось на небѣ? онъ отвѣтитъ, что оно захотѣло взойти, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ самоѣдскихъ тундрахъ.. Самоѣдъ признаетъ дѣйствія явленія въ отношеніи къ своимъ дѣйствіямъ неподражаемыми, несоразмѣрными своей силѣ и уму непостижимыми, а потому по дѣйствію ихъ (движенію, шуму) признаетъ явленія живыми существами, а по силѣ ихъ—могущественнѣйшими и, сознавая въ этомъ случаѣ свое безсиліе, становитъ себя противъ нихъ въ почтительное положеніе, боготворитъ эти существа, даритъ ихъ, умоляетъ, и все это дѣлаетъ для того, чтобы сообразно своимъ разсчетамъ направить волю этихъ существъ такъ, чтобы они дѣйствовали ему въ выгоду. Вотъ въ чемъ заключаются пріемы самоѣдовъ ихъ теологическаго философствованія. У нихъ все основано на догадкахъ, происшедшихъ отъ стеченія обстоятельствъ, дѣйствующихъ на ихъ воображеніе.

Самоѣдъ не можетъ быть заинтересованъ всѣми дарами природы, его окружающими, напр. металлами, минералами и проч. Всѣ подобные предметы не приносятъ ему никакой пользы, ни вреда, ни опасности. А потому, еслибы его фантазія не заставляла въ окружающихъ предметахъ усматривать какую-нибудь особенную силу, приносящую въ его предпріятіяхъ благодѣтельныя и гибельныя вліянія, то, разумѣется, онъ остался бы безчувственнымъ къ окружающему міру, и самая жизнь его не имѣла бы никакой цѣли и пріятности. Напр. птица, какъ обыкновенная птица, осталась бы безъ вниманія, но фантазіей самоѣда эта же птица, будучи обращаема въ высшее существо, становится ему важнымъ

существомъ. Онъ изучаетъ ее и, найдя такія въ ней достоинства, которыхъ не ощущаетъ въ себѣ, какъ-то способность летать, начинаетъ фантазировать и создаетъ объ ней теологическое понятіе разныхъ для себя надеждъ, боязни и выгодъ. *) Такимъ образомъ самоѣдъ, создавая себѣ разныя понятія чрезъ заклинанія, подарки сильнѣйшимъ своимъ существамъ, испытывая для себя выгоды, этимъ способомъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ силами органическими и неорганическими управлять по произволу. Часто, временныя удачныя попытки этого произвола одного самоѣда въ отношеніи другаго, неиспытывавшаго подобнаго счастія, перваго возносятъ до званія шамана, и товарищи его уже обращаются къ нему за ворожбой. Шаманъ же, движимый интересомъ и невольнымъ убѣжденіемъ своего достоинства, пускается въ безпредѣльное миѳическое фантазерство,—выдумываетъ разныя разности до предсказанія будущности. Бодрость свою онъ поддерживаетъ одной иллюзіей и особенно тогда, когда не можетъ основаться на сознаніи дѣйствительнаго господства надъ силами природы. Самоѣдъ чистосердечно вѣритъ въ исполненіе своихъ желаній, если проситъ объ этомъ своихъ обожаемыхъ существъ; но если по его просьбѣ случится не то, на что онъ надѣялся, а что-нибудь необыкновенное, напр.: среди тундры, гдѣ онъ проживаетъ, открылся бы волканъ, а онъ просилъ обожаемаго камня, чтобы въ пепелищѣ его очага остался огонь до будущаго дня, такъ какъ потерявъ огниво, не имѣетъ уже возможности добыть огня,—то это чудо-волканъ нисколько не удивило бы его, онъ не старался бы уйти отъ него для избѣжанія опасностей, а радовался бы, что камень, котораго онъ просилъ о поддержкѣ огня, далъ ему столько его, что онъ не скоро потухнетъ, и по этому случаю сочинилъ бы замысловатый миѳъ и успокоилъ бы себя этимъ объясненіемъ.

---

*) У самоѣдовъ почти въ каждомъ чумѣ можно увидѣть деревяннаго болвана, представляющаго летящую птицу, укрѣпленнаго на вершинѣ длиннаго шеста. Этому фетишу они покланяются, приносятъ въ жертву оленей и во время касланія ставятъ его на передовой нартѣ.

Впослѣдствіи же, еслибъ отъ волкана случились какія-либо несчастія, то эти несчастія онъ не приписывалъ бы свойству волкана, а искалъ бы причину ихъ въ себѣ и дошелъ бы до того убѣжденія, что просьбы его, жертвы, которыя онъ приносилъ камню, хотя послужили ему къ удовлетворенію его желанія, но какъ онъ не умѣлъ за испытанное удовлетвореніе принесть достаточно благодарственныхъ жертвъ, то за это и наказанъ прилично. Къ подобнымъ выводамъ самоѣды доходятъ во время смертности оленей и свирѣпствующихъ между ними осны и гнилой горячки. Гигіеническія средства свои во всѣхъ болѣзняхъ они находятъ въ шаманствѣ и въ жертвоприношеніяхъ.

Весь окружающій міръ самоѣда, по его воображенію, проникнутъ тѣмъ принципомъ вѣрованія, присутствіе котораго онъ чувствуетъ въ своемъ организмѣ, и потому къ животнымъ, растеніямъ, камнямъ, явленіямъ природы относится, какъ къ существамъ способнымъ понимать его. Напр., если на охотѣ онъ встрѣтится съ медвѣдемъ, то онъ тотчасъ его не убиваетъ, а сначала вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, начинаетъ выхвалять его достоинства, спрашиваетъ, для чего онъ встрѣтился съ нимъ, проситъ его, чтобы онъ не поцарапалъ его своими острыми когтями. Когда же медвѣдь станетъ мурлыкать и приближаться къ самоѣду, то онъ, держа на-готовѣ винтовку и копье, вступаетъ съ нимъ въ уговоры: «Да, князь-медвѣдь, понимаю, что ты говоришь, идешь ко мнѣ, хочешь, чтобы я тебя убилъ, чтобы твою кожу повѣсилъ шайтану; иди, иди! смерть для тебя готова, но я не пищу ея». Послѣ подобныхъ комбинацій онъ стрѣляетъ въ медвѣдя, убиваетъ его и считаетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ оправданнымъ противъ родныхъ медвѣдя, которые за смерть своего члена могли бы отомстить.

Самоѣды, надѣлавъ, по миѳическому своему соображенію, разныхъ истукановъ, приписываютъ имъ силы, которыхъ не ощущаютъ въ себѣ, которыя находятся въ явленіяхъ природы и необходимы имъ для какихъ-либо житейскихъ затѣй. Къ этимъ истуканамъ относятся они, какъ къ живымъ су-

ществамъ, понимающимъ ихъ, разговариваютъ съ ними, просятъ ихъ о разныхъ разностяхъ; но когда эти истуканы не сдѣлаютъ имъ того, чего они желали, то они колотятъ ихъ, ругаютъ, плюютъ въ нихъ и разбрасываютъ. Послѣ этой сцены опять собираютъ ихъ въ кучу и опять начинаютъ просить у нихъ помощи для себя. Однимъ словомъ, вся жизнь самоѣда, какъ фетишиста, заставляетъ его постоянно надѣяться, постоянно безсознательно страшиться; эти чувства безпрерывно чередуются между собою, возникая и пропадая, по причинѣ каждаго ничтожнѣйшаго событія. Онъ объясняетъ каждый предметъ теологически, отъ перваго на него взгляда. Онъ видитъ и слышитъ все то, что создаетъ ему воображеніе.

Обдорскіе самоѣды раздѣляются на каменныхъ и низовскихъ; первые своими кочевьями занимаютъ мѣста на Уральскихъ горахъ и на полуостровѣ Ялмалѣ, а послѣдніе на материкѣ между Обскою и Енисейскою губами. Низовскіе, по настоящее время, находятся подъ вліяніемъ только своей природы; вѣрованіе свое основываютъ на чистомъ фетишизмѣ. Каменные же, непосредственно находившись подъ вліяніемъ остяковъ, стали усваивать себѣ теологическія понятія остяковъ-политеистовъ, у нихъ уже составилось понятіе о нумѣ (Богѣ), о загробной жизни человѣка, о сотвореніи міра. Они имѣютъ такихъ боговъ, которые не входятъ въ частную жизнь самоѣда, а заправляютъ отвлеченными понятіями, образующими таинственную связь между неодушевленными предметами и высшимъ сверхъестественнымъ существомъ, и дѣлаютъ чудеса. Шаманы этихъ самоѣдовъ имѣютъ уже особый характеръ; если шаманятъ, то къ древнему своему обыкновенію, согласно съ правилами фетишизма, прибавляютъ еще разныя штуки, въ родѣ чудесъ, напр. прокалываютъ себя ножомъ или саблею, кровь нейдетъ и живъ остается. У самоѣдовъ есть также и домашніе боги, которые заправляютъ дѣлами тѣхъ только самоѣдовъ, въ семействѣ которыхъ они находятся и составляютъ ихъ собственность. Главные же боги, общіе съ остяцкими, раздѣляются у нихъ по старшинству, и просьбы свои они приносятъ къ нимъ по инстанціямъ. Напр.

Самоѣдинъ покланяется своимъ фетишамъ, прося помощи ихъ для промысла звѣря.

обращается самоѣдъ къ непату своему ялмалу, *) который помогаетъ самоѣду въ промыслахъ морскихъ; но если онъ ему ничего полезнаго не сдѣлаетъ, то проситъ горнаго бога ортика, **) если же и тотъ ничего не сдѣлаетъ, то обращается къ Мастерко—лѣсному и рѣчному богу, ***) самому старшему, у котораго всѣ прочіе подъ командою и въ повиновеніи; если же и Мастерко ничего не сдѣлаетъ, то самоѣды считаютъ себя недостойными, и опять снова начинаютъ ходатайствовать отъ младшго бога о своемъ дѣлѣ съ принесеніемъ жертвъ болѣе цѣнныхъ. Въ жертву они приносятъ оленей, шкуры разныхъ звѣрей, разноцвѣтное сукно по нѣскольку аршинъ, разные бумажные и шелковые платки, шерстяные пояски, кольца, мелкія серебряныя деньги и обнарядки, которые покупаютъ у русскихъ промышленниковъ нарочно для этой цѣли, ими приготовляемые; эти обнарядки дѣлаются въ родѣ короткихъ халатовъ изъ шелковой матеріи и изъ парчи. Этотъ халатикъ кругомъ обшиваютъ серебряными и золотыми мишурными позументами. Подобные обнарядки продаются тайно отъ 30 до 50 руб., а промышленникамъ стоютъ не болѣе 5 руб. Были даже случаи, что русскіе промышленники, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, нарочно заказывали для идоловъ дѣлать серебряныя короны, въ родѣ епископскихъ митръ и, привозя ихъ въ Обдорскъ, тайно продавали крещеным инородцамъ за большія деньги. Разъ мнѣ случилось видѣть у остяковъ въ Эндерскихъ юртахъ идола, одѣтаго въ старый засѣдательскій мундиръ и при шпагѣ. Всѣ приклады идола надѣваются на него такъ, чтобы онъ не терялъ человѣческой фигуры, и оттого идолы эти годъ отъ года становятся толще. При живыхъ жертвахъ, у идола становятся маленькія, металлическія тарелочки въ

---

*) Ялмалъ находится на полуостровѣ Ялмалѣ, есть человѣческая фигура, высѣченная изъ камня и лежащая въ гробу.

**) Ортикъ находится на р. Большой Хоровѣ, впадающей въ р. Обь. Человѣческая голова съ маталлическимъ лицемъ.

***) Мастерко на р. Оби, въ лѣсахъ Тропцкой деревни, представляетъ идола сидящаго на конѣ.

1½ верш. въ діаметрѣ, съ изображеніями діаволовъ, и на эти тарелочки наливаютъ кровь изъ сердца того животнаго, которое было обречено ими въ жертву.

Наконецъ, вліяніе пустозеровъ, зырянъ и русскихъ на остяковъ и самоѣдовъ и распространеніе между ними христіанскихъ истинъ дало имъ сильнѣйшій толчекъ къ притупленію ихъ миѳическаго воображенія. По нынѣшнему ихъ мнѣнію, фетиши, пенаты и самый сильнѣйшій могущественный ихъ идолъ Мастерко, съ распространеніемъ христіанства, стали терять свою могущественную силу, а чрезъ это терялось для нихъ уваженіе и самое обожаніе ихъ. А какъ эти боги имѣли большія богатства въ звѣриныхъ драгоцѣнныхъ шкурахъ и серебрѣ, то остяки и самоѣды, потерявшіе къ нимъ уваженіе, стали ихъ обкрадывать и богатства пропивать. Подстрекательство зырянъ и русскихъ и сотрудничество ихъ въ воровствѣ довершили почти совершенное разореніе идольскаго богатства и самихъ идоловъ до того, что въ настоящее время коренныхъ идоловъ, напр. золотой бабы и другихъ, уже нѣтъ, а существуютъ ихъ копіи, которыя поддержнваются не народно, а избранными, въ особенности шаманами, изъ однихъ только корыстолюбивыхъ ихъ видовъ, въ видѣ ремесла, дающаго имъ легкое и нетрудное для себя и своего семейства пропитаніе, обогащеніе и небольшое значеніе въ народѣ. Чрезъ все это, какъ каменные самоѣды, такъ и остяки хотя еще находятся подъ вліяніемъ политеизма, но уже достигли исходной точки — христіанства.

Не лишнимъ еще нахожу пояснить о нѣкоторыхъ обрядахъ самоѣдовъ и остяковъ во время перехода ихъ чрезъ р. Обь или Обскую и Тазовскую губу съ анасами изъ лѣтнихъ кочевьевъ на зимніе и обратно. 1) До перехода они собираютъ стада оленей и изъ нихъ ловятъ преимущественно бѣлыхъ семь штукъ или нѣсколько семиковъ, смотря по желанію хозяевъ и возможности ихъ; самое же большое число семь семиковъ, что составитъ 49 оленей, приводятъ въ кустарники, гдѣ находилась бы еще хотя одна высокая лиственница, и здѣсь ихъ давятъ тынзянами. Послѣ этого, сколько есть мужчинъ,

Жертво приношеніе Самоѣдовъ при переходѣ ихъ чрезъ р. Обь изъ осеннихъ кочевьевъ на зимнія.

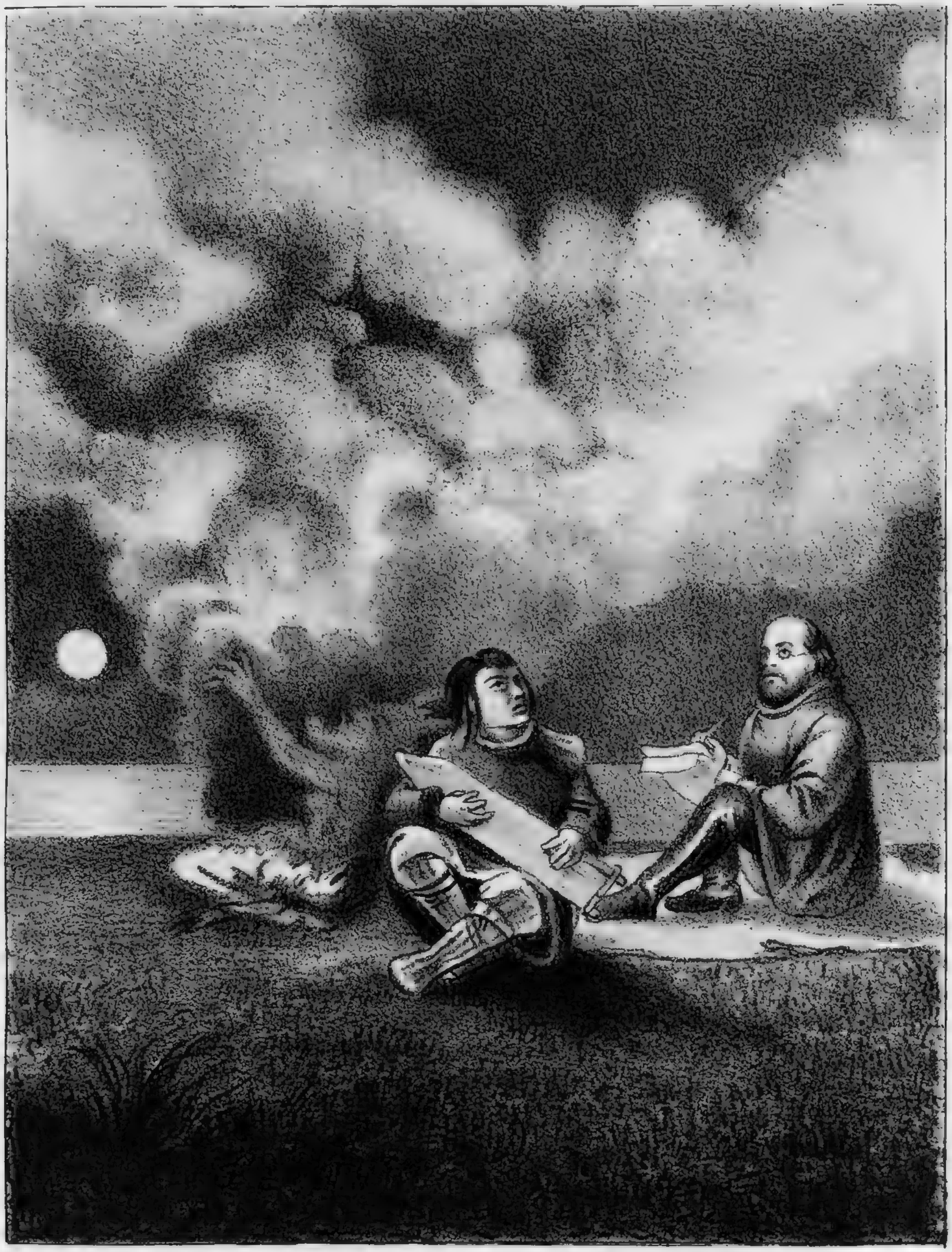
каждый беретъ себѣ одного задавленнаго оленя, снимаетъ съ него кожу, а мясо сырое начинаетъ ѣсть, или справедливѣе выразиться—жрать; сердце и языкъ отдѣляютъ и привѣшиваютъ ихъ, каждый на отдѣльную палочку, воткнутую въ землю, намазавъ ее въ то же время кровью изъ того сердца оленя, которое къ ней прицѣплено. Послѣ непродолжительнаго времени, сердце и языкъ снимаютъ, кладутъ въ котелъ, находящійся на мѣстѣ жертвы, варятъ и съѣдаютъ. Рога отъ задавленныхъ оленей прикрѣпляютъ между вѣтвями къ вершинѣ той лиственницы, возлѣ которой ставятъ намазанныя кровью палочки. Эту жертву приносятъ въ благодарность за счастливо прожитое время въ лѣтнихъ кочевьяхъ, и чтобы благополучно перейти по льду замерзшихъ столь широкихъ водъ на зимнія кочевья. Очень противно смотрѣть на тиранство самоѣдовъ и остяковъ надъ бѣднымъ животнымъ, которое, не требуя за собою рѣшительно никакаго отъ нихъ ухода, служитъ имъ рѣшительно всѣмъ и даже жертвою дьяволу. Надѣвъ на оленя нѣсколько петель изъ тынзяновъ и ставъ другъ противъ друга на разстояніи длины тынзяновъ, съ крикомъ натягиваютъ ихъ. Сколько есть мужчинъ, всѣ берутся за концы тынзяна, и натягиваютъ его такъ сильно и быстро, что у бѣднаго жовотнаго выскочатъ глаза и языкъ, и чуть не оторвутъ голову. Но видѣть, какъ они, сидя каждый возлѣ своего оленя, жрутъ его сырое мясо, макая его въ кровь и пачкаютъ кровью и безъ того противныя свои физіономіи,—переходитъ за предѣлы самосильнѣйшаго отвращенія.

2. Чѣмъ больше стадо оленей, тѣмъ стоянки на одномъ мѣстѣ бываютъ непродолжительнѣе, исключая случая, когда изъ членовъ семейства у самоѣдовъ кто заболѣетъ, тогда не трогаются съ мѣста до того времени, пока больной не почувствуетъ облегченія отъ болѣзни. Олени соскребутъ всю тундру около чума на разстояніи 3-хъ или болѣе верстъ до такой степени, что нельзя увидѣть нигдѣ мху, вездѣ онъ избитъ и перемѣшанъ со снѣгомъ. Хозяева хотя и видятъ, что олени изнуряются отъ недостатка корма, но не смѣютъ скаслать на другое мѣсто, придерживаясь того убѣжденія, что

олени мучатся голодомъ, болѣютъ, за-то больному отъ этого будетъ легче. Первое признаніе больнаго, что онъ чувствуетъ себя здоровѣе, служитъ сигналомъ, чтобы какъ можно скорѣе двинуться съ мѣста, ибо, по мнѣнію самоѣдовъ, на оставленномъ ими мѣстѣ останется и болѣзнь больнаго.

3. Когда между самоѣдами появится оспа, то эту болѣзнь считаютъ худой и часто оставляютъ больнаго въ тундрѣ одного въ маленькомъ чуму, нарочно сдѣланномъ, а сами уходятъ и навѣдываются повременамъ о его жизни. Пособій никакихъ не даютъ больнымъ собственно потому, что считаютъ эту болѣзнь наказаніемъ дьявольскимъ, и считаютъ ее первымъ наказаніемъ человѣка при сотвореніи его. Вотъ что говоритъ у нихъ преданіе объ этой болѣзни. Переведено слово въ слово.

Нумъ (Богъ), по ихъ преданію, сотворилъ первоначально землю, воды, рыбы и птицъ, которыя и въ настоящее время только однѣ летаютъ къ нуму и потому-то самоѣды своимъ божествомъ дѣлаютъ истукана въ изображеніи летящей водяной птицы, посаженной на вершинѣ длинной палочки; этому истукану убиваютъ въ жертву оленей и кровью ихъ изъ сердца намазываютъ ту палочку, на которой прикрѣпленъ истуканъ. Послѣ этого нумъ сотворилъ разныя растенія, животныхъ, наконецъ сотворилъ собаку и самоѣда; оба они были голые. Собака стерегла самоѣда отъ дьявола, который завидовалъ счастію самоѣда на землѣ и старался всячески сдѣлать ему большое зло, но собака не подпустила дьявола къ самоѣду, и чрезъ это дьяволъ ничего худаго не могъ сдѣлать. Счастіе же самоѣда состояло въ томъ, что онъ былъ всегда здоровъ и веселъ; всѣ животныя шли къ нему по зову, не боялись его, и онъ убивалъ оленей на ѣду сколько хотѣлъ. Ходилъ голый и его тѣло не мерзло. Нумъ проживаетъ за Ледовитымъ моремъ далеко, самоѣды никогда не видѣли его, но свѣтъ отъ нума иногда показывается (сѣверное сіяніе). Дьяволъ же постоянно проживаетъ въ самоѣдскихъ тундрахъ, лѣсахъ, горахъ и водахъ. Нумъ дѣлаетъ что есть лучшаго для самоѣда, а дьяволъ—что есть худшаго. Если самоѣды увидятъ красивое дерево или камень, рѣзко отличаю-



Разказъ Самоѣдина Тярка о сотвореніи міра, паденіи Самоѣда и наказаніи его дьяволомъ болѣзней оспою.

щіеся отъ другихъ своимъ видомъ, то предполагаютъ, что эти творенія какъ красивѣе другихъ, то и милѣе Богу, и потому-то предъ ними приносятъ въ жертву оленей и намазываютъ кровью. Дьяволъ, какъ врагъ нума, потому постоянно враждуетъ противъ самоѣда, котораго нумъ любитъ и сотворилъ для него все. Чтобы лишить земнаго счастія самоѣда, дьяволъ сталъ подговаривать собаку, чтобы она позволила ему подойти къ спящему самоѣду. Но собака на это не соглашалась. Однажды дьяволъ, замѣтивъ, что собака, скорчившись, дрожала отъ холода, сказалъ ей, что ему очень жалко ее и что онъ ей можетъ дать такую шубу, которая ее согрѣетъ, если она согласится только допустить его къ человѣку. Собака, какъ холодъ былъ ей не втерпежъ, согласилась на предложеніе. Дьяволъ погладилъ ее рукою и вдругъ собака обросла длинною шерстью, стала отъ радости прыгать, а въ это время дьяволъ подошелъ къ спящему человѣку и плюнулъ на него: съ человѣкомъ вдругъ сдѣлалось дурно, все тѣло его покрылось прыщами (оспой) и онъ началъ хворать, а дьяволъ, засмѣявшись, сказалъ ему: «Ну, теперь ты попался ко мнѣ», и скрылся. Горькая жизнь наступила человѣку и ему было уже холодно, онъ сталъ плакать, мучиться, собака ужь не стала его беречь, стала постоянно гоняться за звѣрями, давить ихъ, а человѣкъ отъ холоду началъ себя тоже прикрывать собачьей шерстью, и звѣри стали бояться человѣка и бѣгать отъ него, для чего человѣкъ сталъ на нихъ выдумывать разныя ловушки, сдѣлалъ лукъ и стрѣлы, и подобными разными хитростями сталъ промышлять ихъ. Трудная была жизнь его, и сталъ человѣкъ бояться всѣхъ. Тогда нумъ еще сжалился надъ человѣкомъ и далъ ему женщину; а чтобы онъ ея не боялся, то сотворилъ ее на подобіе человѣка; а чтобы человѣкъ позабылъ свое горе, заставилъ его испытывать удовольствіе родить себѣ подобныхъ. Эти удовольствія понравились человѣку, и онъ въ такихъ занятіяхъ очень скоро позабылъ о своемъ горѣ, и живетъ на свѣтѣ только для этого труда; а женщина, узнавши, что собака оказалась виновникомъ несчастія человѣка, убила ее собственно потому, чтобы отобрать

ту шубу, которую ей подарилъ дьяволъ, и изъ нея сдѣлала себѣ ягушку. Вотъ начало появившейся болѣзни осны и обыкновеніе самоѣдовъ украшать свои ягушки собачьей разношерстной шкурой, и начало времени, съ котораго самоѣды стали множиться, заселять сѣверъ. Жили они въ большомъ богатствѣ и занимали пространство земли подъ свои кочевья отъ устья рр. Иртыша, Конды, Пелыма, вершинъ Пура и Таза по Енисею и берегамъ Ледовитаго моря до устья Печоры и по р. Печорѣ до устья р. Уссы по Уральскому хребту до р. Пелыма. Счастливѣйшая была жизнь ихъ, оленей имѣли такое множество, что не знали имъ счета. Но къ несчастію ихъ появились изъ вершинъ р. Оби остяки, пришлыли въ ихъ страну на плотахъ и начали ихъ тѣснить, отбирать отъ нихъ рыболовныя мѣста, стада оленей, женъ, дочерей; возникли постоянныя войны, и самоѣды, оставляя свои кочевья, все подвигались къ сѣверу. Наконецъ, когда остяки и тамъ стали притѣснять ихъ, то они принуждены были предъ ними смириться, признать надъ собою ихъ владычество, сдружились съ ними за-одно, стали брать другъ у друга невѣстъ. Остяки стали ходить въ самоѣдской одеждѣ, говорить по-самоѣдски, разводить стада оленей, ѣсть сырую рыбу и мясо, и сдѣлались самоѣдами.

4. На основаніи убѣжденій, что за зло—зло, а за добро—добро всегда получается, самоѣды опредѣлили себѣ правило для своего нравственнаго и матеріальнаго быта; отъ этихъ началъ произошли у нихъ всѣ обыкновенія и обряды, напр.: случится ли съ нимъ зло, болѣзнь,—онъ не думаетъ о томъ, чтобы употребить какія-нибудь лекарства для излеченія себя, а старается свое зло передать дереву, или камню, или оленю. Передача зла происхотъ съ помощью жертвоприношеній такимъ образомъ: заболѣла у него нога,—онъ жертвуетъ своему фетишу песца; этимъ песцомъ вытираетъ себѣ ногу, послѣ несетъ его къ дереву и, повѣсивъ на немъ песца, дѣлаетъ заклятіе, т. е. онъ говоритъ дереву: «Какъ моя нога болитъ, заболѣй и ты, ибо ты здорово, а я болѣнъ, то пусть будетъ на-оборотъ.» Къ врачеванію приглашаютъ они одного изъ своихъ шамановъ, который, разспросивъ признаки боль-

наго, переводитъ эти признаки на избираемаго имъ оленя, бѣдное животное подвергаютъ разнымъ мученіямъ и этимъ хотятъ приноровить страданія человѣка къ страданіямъ животнаго. Когда нападутъ на желанный признакъ болѣзни у животнаго, тогда болѣзнь въ человѣкѣ должна въ то же время уничтожиться. По подобному способу врачеванія шаманъ убиваетъ по-очередно нѣсколько десятковъ оленей. Если больной вдругъ не поправится, то придумываетъ каждому оленю особыя мученія. Когда же больной выздоровѣетъ, то въ то же время шаманъ обрекаетъ смерть его оленю, и бѣдное животное живымъ зарываютъ въ землю. Если же всѣ врачеванія шамановъ не помогутъ и больной умретъ, тогда трупъ его выносятъ изъ чума, но только не чрезъ то отверзтіе, въ которое входятъ живые, а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на-столько, чтобы можно было вытащить потомъ мертвеца, кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ всѣ принадлежности мертвеца, которыя были необходимы ему при жизни, т. е. винтовку, пороховницу, топоръ, ножикъ, рожокъ съ табакомъ, трубку, табаку курительнаго; если есть вино, то бутылку, поставятъ его потомъ все его носимое платье и въ такомъ видѣ уносятъ гробъ на кладбище, гдѣ, вырывъ яму на поларшина, ставятъ туда гробъ съ означеннымъ имуществомъ, засыпаютъ могилу пескомъ и на могилѣ поставятъ разломанную нарту, на которой покойный ѣздилъ, котелъ, изъ котораго онъ ѣлъ и пилъ, но его продырявятъ; наконецъ приведутъ тѣхъ оленей, на которыхъ онъ ѣздилъ, и ихъ задавятъ. Рога отъ оленей воткнутъ въ могилу, а мясо уносятъ въ чумъ для ѣды; послѣ живыхъ жертвоприношеній начинаютъ всѣ, сколько ихъ присутствуетъ при похоронахъ, ругать смерть, поясняя, что ты смерть—поганая, отобрала отъ насъ нашего брата или отца, и послѣ этихъ словъ каждый придумываетъ ругань самую злостнѣйшую, самую нескромнѣйшую. Когда же кончатъ ругань, то обращаются къ мертвецу и просятъ у него, чтобы онъ не сердился на нихъ; тутъ высказываютъ ему, что они его любятъ, что они ему отдали все, что у него было при жиз-

ни, и что смерть ругали за то, что она украла его отъ нихъ; послѣ всего этого возвращаются въ чумъ, гдѣ ѣдятъ мясо задавленныхъ оленей. Если же послѣ смерти самоѣда осталась жена или дѣти, то они дѣлаютъ куклу на подобіе умершаго, одѣваютъ ее въ такую одежду, въ какой ходилъ заживо покойникъ. Жена посадитъ эту куклу возлѣ себя. Если всѣ ѣдятъ, то и куклѣ тоже положатъ кушанья въ корытце. Къ ночи, эту куклу жена раздѣваетъ и ложится съ нею спать. Однимъ словомъ, съ куклой дѣлаютъ все то, что дѣлалъ при жизни покойникъ,—и эти церемоніи продолжаются болѣе года, что у нихъ считается трауромъ. Если приснится кому-нибудь покойникъ, то сейчасъ же на другой день приносятъ ему въ жертву оленей. По понятіямъ самоѣдовъ, по смерти самоѣду предстоитъ лучшая жизнь: онъ проживаетъ гдѣ-то надъ ними за моремъ вмѣстѣ съ нумомъ (Богомъ), постоянно торгуетъ, пьетъ вино; кладутъ же мертвому разныя вещи потому, чтобы ему въ загробной жизни была готовая одежда и все то, что онъ любилъ. По понятію самоѣдовъ, каждая вещь и существо, уничтоженное на землѣ въ память усопшаго, переходитъ во владѣніе его лучшимъ и пріятнѣйшимъ для загробной жизни.

5. Тещи самоѣдовъ ужасно любятъ нѣжить своихъ сноxъ, а особенно, если сноха скоро послѣ свадьбы почувствуетъ себя беременною; съ нетерпѣніемъ дожидаются младенца, ворожатъ, кого нумъ имъ дастъ, приносятъ жертву, чтобы нумъ далъ имъ непремѣнно сына. Когда же наступитъ время родовъ, то, чтобы родильница не переносила сильныхъ болей и родила младенца благополучно, прибѣгаютъ къ слѣдующему симпатическому средству. Какая-нибудь старуха спрашиваетъ родильницу—не имѣла ли она любовной связи, кромѣ мужа, со сторонними лицами до замужества и въ замужествѣ? Подобную же исповѣдь старикъ принимаетъ отъ мужа родильницы, съ прибавленіемъ—не имѣлъ ли онъ совокупленія, кромѣ женщинъ, съ суками и оленями? Каждый грѣхъ старуха и старикъ отдѣльно и секретно завязываютъ на шнурочкѣ узелкомъ. Послѣ этого складываютъ шнурочки вмѣстѣ и дѣлаютъ сравненіе грѣховъ, кто по количеству грѣховъ

Самоѣдскія похороны.

больше нагрѣшилъ; разность грѣховъ отрѣзываютъ и кладутъ на дѣтородныхъ частяхъ родильницы. Отъ этого симпатическаго врачеванія, увѣряютъ самоѣдки, бываетъ всегда легкое, почти нечувствительное разрѣшеніе отъ бремени, лишь бы только объявившіе свои грѣхи не скрывали ихъ и чистосердечно сознались въ нихъ, и чтобы эти грѣхи сильными узлами были привязаны къ шнурочку, по той причинѣ, что отъ разности грѣховъ родильницы и мужа ея, происходятъ трудные роды; но когда она и ея мужъ выскажутся и старики привяжутъ ихъ грѣхи узлами къ шнурку, то этимъ не дозволятъ имъ возвратиться обратно къ нимъ и чрезъ это грѣхи родильницы не могутъ уже вредить рожденію младенца. Кладутъ же разность грѣховъ на дѣтородныя части собственно потому, что лишь эти части бываютъ поражены болѣзнью и чтобы грѣхи эти вмѣстѣ съ очищеніями родильницы, мѣстомъ ребенка, тотчасъ послѣ рожденія ребенка соединить вмѣстѣ и выбросить. Иныя самоѣдки, изъ остяцкаго рода, складываютъ всѣ нечистоты послѣ рожденія младенца въ берестяныя коробочки, плотно закупориваютъ ихъ и завѣшиваютъ по близости своего жилья на дерево; это дѣлаютъ по тому убѣжденію, чтобы всѣ боли, какія имѣла родильница, заключенныя въ означенную коробочку, разошлись по лѣсу и не возвращались болѣе къ матери родившагося ребенка. По этимъ вывѣскамъ въ остяцкихъ юртахъ можно безошибочно сосчитать, сколько каждый годъ въ юртахъ родилось младенцевъ.

РУССКО-САМОѢДСКІЙ

СЛОВАРЬ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Ю. И. Кушелевскимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самоѣдское племя, постоянно уменьшаясь, клонится къ уничтоженію. Такой судьбы его въ недалекомъ будущемъ нельзя не замѣтить. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ этомъ фактѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія моего у самоѣдовъ, я предпринялъ трудъ составленія по возможности полнаго словаря самоѣдскаго языка, котораго по настоящее время нигдѣ издаваемо не было, на тотъ конецъ, чтобы тѣмъ доставить услугу не только филологамъ, но и потомству, для котораго сохранить память о народѣ, обитающемъ на берегахъ Ледовитаго моря въ глубокомъ сѣверѣ, — дѣло не маловажное.

Въ видахъ же, облегчающихъ изученіе самоѣдскаго языка, долгомъ считаю предпослать слѣдующія мои замѣчанія:

Трудность изученія этого языка состоитъ въ произношеніи словъ, которыя самоѣдъ выговариваетъ быстро и въ носъ, такъ что слухъ безъ привычки не въ состояніи отдѣлить слово отъ слова. Сверхъ того, подчинить этотъ языкъ какимъ-нибудь граматическимъ правиламъ весьма трудно. Имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія не склоняются, ихъ дѣйствія опредѣляются предлогами; нѣкоторыя существительныя производятся отъ прилагательныхъ и глаголовъ, чрезъ прибавленіе къ нимъ окончаній: *совой* или *непечъ*. Нѣтъ словъ, которыя начинались бы буквами: б, д, ж, з, р, ф, ч, ш, щ, ѣ, э. Всѣ слова самоѣдскія за неболь-

шимъ исключеніемъ, если начинаются согласною буквою, то первый слогъ его состоитъ изъ сочетанія съ гласной буквой и наоборотъ, а потому слоговъ: дра, бра, мра, тра, шра, хра, бре, вре, гри, бри, бро, бру, мру и т. п. нѣтъ. Глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на ванъ, данъ, манъ, эдь и пр. Спряженіе ихъ состоитъ въ томъ, что къ корню слова прибавляютъ слѣдующія окончанія: въ настоящемъ времени ггумъ, тамъ, бпмъ, нумъ, ма, да, та, ха, на; въ прошедшемъ времени: усь, гахъ, атъ, аѣъ, вась, емъ, вимъ, бись, дись и пр.: въ повелительномъ наклоненіи; адъ, едъ, идъ, ай, ечъ, ардъ, ердъ, ель и пр. Изъ этого общаго правила есть многія исключенія, измѣняющія не только окончанія глаголовъ опредѣленнаго наклоненія, но и самъ корень глагола при спряженіи, и такимъ образомъ составляютъ какъ бы особую форму спряженій неправильныхъ глаголовъ, *наприм.*

неопред. нак.	*настоящ.*	*прошед.*	*повелит. нак.*
сяшанъ—миловать.	сяшль.	сяксамъ.	сяй.
сюртеванъ—прясть.	сюртембпмъ.	сюртевъ.	сюрнадъ.
сапкованъ—копать.	спсіпва.	силовась.	спдъ.
сэйванъ—скрываться.	сея.	сэясь.	сэяе.
сянукуванъ—играть.	сянукупумъ.	сякугусавъ.	сякугудъ.
и проч.	и проч.	и проч.	

Буква *В* не можетъ быть выговариваема въ концѣ глаголовъ въ прошедшемъ времени, а вмѣсто ея правильнѣе соотвѣтствуетъ самоѣдскому выговору греческая буква ϒ.

Буква *Г* на концѣ словъ не можетъ выразить звуковъ самоѣдскаго языка, недостатокъ этотъ можно исправить выговариваньемъ вмѣсто Г греческой гаммы.

Изъ русскаго языка или, правильнѣе, отъ сношеній съ русскими, самоѣды заимствовали слова: аршинъ (аршинъ), якорь (якорь), мыла (мыло), сюлки (чулки), торово (здорово) и проч.

А.

Аамси—кулик.
Адиманъ—подыматься.
Адимдеванъ — показывать.
Агаръ—вислоухій.
Айбей—сырой.
Алагунъ-шопъ — дощаникъ.
Амга-куче—вотъ каковой.
Амгари—сортъ, манера.
Амгарти—ничто.
Амгауна—за что, на что.
Амгыри—что-ли, кто-что?
Амгэ—зачѣмъ, за, для, что, ворона.
Амгэгэтонъ—почему.
Амзэ—для чего.
Анггу—нѣтъ.
Анжи—перецъ.
Аніамге—еще что.
Ани-ненечь—другой человѣкъ.
Ани-поуна — на другой годъ.
Арка—большой.
Аркагану—судно.
Арка-сеудапопа— рѣчникъ, родъ мирожи.
Аршинъ, аршинъ.
Аршинъ-хейвпелей — пол-аршина.
Атебе—долгъ.
Атебе-неначь--должникъ.
Аука-доморощенный олень.
Ачики—ребенокъ.
Ачикимбой—молодой.
Ачикипузова — гнилое дерево.
Ачикъ—маленькій.
Ашимбиръ—сколько.

В.

Ва—огородъ, засѣка.
Вабырка—тюлень.
Ваггалманъ — блудодѣйствовать.
Ваггалтъ — растлѣвать, протыкать.
Ваггорта—ярь.
Вагкъ—яма, нора.
Вагкъ-совой — крутой, глубокій.
Вадаберте—переводчикъ.
Вадаванибе—мать.
Вадованъ—родиться.
Валкада—только.
Ванзеръ-иле—противный
Вантеръ — задняя часть легкой нарты.
Вану—обручъ, корень.
Ванугарчи—дорогая трава, сассапариль.
Вану-мегаръ—корга.
Вану-пой — разстояніе въ лодкѣ между коргами.
Вану-савой—съ корнемъ.
Ваптеванъ-опрокидывать.
Ваптевы—опрокинуто.
Варкеча—мизинецъ.
Варкъ—бѣлый медвѣдь.
Варнгэ—ворона.
Варъ—край, опушка, обложка.
Варэнъ-иле—едва, лишь; едва живъ.
Ваттурманъ—обѣщать.
Ваттурмы—завѣтный.
Венеко—собака.
Веновань— вытягиваться.
Вентотаремъ—по собачьи
Вептый — раздражительный, сердитый.

Ветванъ—наставлять, сращивать.
Вода—крюкъ; слово, рѣчь.
Водаванъ — показывать, наблюдать.
Водермы—горбъ.
Воево-вода; непостоянство, вздоръ.
Вое-гэ см. **Гэси.**
Возеймы—пожилой.
Войво—худой.
Вомань—обезсилѣть, ослабѣть.
Вомдаванъ—испортить.
Вора—морской гусь.
Воренъ—несовсѣмъ, чуть.
Воръ—грязь, сажа.
Воръ-совой—грязный, замаранный.
Вота—лишній.
Вотирманъ—уговаривать.
Вунгалываньъ-утомиться.
Выггаливанъ — разстегивать.
Выгъ — частый; широкій, пустой.
Выдуманъ— испытывать, осматривать.
Выдыманъ—расти.
Вые—кровь.
Выерманъ—гнуться.
Выерываньъ—загибаться.
Вые-совой—кровяной.
Вынолтованъ — пугать, прогонять.
Вэба—листъ.
Вэбатямдъ—вѣтвь.
Вэдгэ—боязливый.
Вэзеймань—старѣться.
Вэзеко—старецъ.
Вэнелгамъ—тянуться.
Вэнзахадъ—чирокъ (дикая утка).
Вэнолованъ—пугаться.
Вэнъ-подеръ—собачья упряжь.
Вэнъ-хеу—денежка.
Вэтэванъ—придѣлывать.

Г.

Гаакурка—см. **Гаана.**
Гаана—далеконько.
Гааттомъ—издалека.
Гаворманъ—ѣсть.
Гаглаванъ—кормить.
Гагу—птица.
Гагы-серъ—древность.
Гадиванъ—явиться.
Гадиманъ—прибывать.
Гадимдеванъ—уступать, удѣлять.
Гадортаванъ—разодрать.
Гадъ-пя — черемховое дерево.
Гадя-я-даргэ—ввиду, видимо.
Газжда—до.
Гай—тѣло.
Гайламба—медленный.
Гайманъ-жирѣть, теришѣть.
Гаймы—жирный.
Галипе—краска.
Гамдей-адиванъ — зеленѣть.
Гамдей-адимы—трава зеленѣетъ.
Гамдетованъ—садить, рождать.
Гамлесъ—санки.
Гани—еще, опять, снова.
Ганина—когда-нибудь.
Гани-серъ—иначе.
Гану—лодка.
Гану-лабэ—руль.
Гану-пя—осина.

Гану-тадъ — поперечины въ лодкѣ.
Гану-тупка—плотникъ.
Гану-хаде—смола.
Ганьзи—моча.
Гаптръ-мы—вкусъ, запахъ.
Гаптъ—челябуха.
Гартій—морской заяцъ.
Гатеванъ—медлить.
Гаунанда—издревле, изстари.
Гаунгуръ—прежде.
Гауно—сверхъ, черезъ.
Гаунъ—безъ, кромѣ.
Гачики—молодой.
Гая—жирный.
Гедароманъ—выпустить.
Гедорованъ, см. **Гендерманъ**.
Гейведаванъ-приставать.
Гендерманъ — стрѣлять; спускать.
Германъ, см. **Герпимъ**.
Герпимъ—шить.
Геръ - мерче — сѣверный вѣтеръ.
Гесо—козанокъ.
Гече—мѣшокъ.
Гій—зять.
Гійнивоево—скорбѣть.
Ги—толкъ, умъ.
Гибета—умный, толковый.
Гибидарманъ, см. **Гигованъ**.
Гибита-ненечь—умница.
Гигованъ—думать.
Гилтаванъ—ворожить.
Гимбетъ—тесть.
Гимбетъ-пууча—теща.
Го—островъ.
Гобэ—рукавица.
Говормадовой, см. **Говорси**.
Говорси—голодный.
Говоръ—пища.
Годе—ягода.
Годеко—бисеръ.
Гоманъ—смѣшаться.
Гомдаванъ—соединяться; сидѣть.
Гомддванъ—присѣсть.
Гоме, см. **Гымда**.
Гоо—сурикъ.
Гоптеу—душно.
Гормыжда, см. **Гымда**.
Госкари — ненадолго, на часъ.
Готованамбимъ-мѣшать, молоть.
Готованъ—красить.
Готэванъ—обозначать.
Гу—слѣдъ; шестъ для вѣшанья.
Гуда—рука; дорога.
Гудакдеръ—взятка.
Гудатидъ — накладка на рукѣ, употребляемая при стрѣльбѣ съ лука.
Гуды-езе—кольцо, служащее самоѣдкамъ для украшенія рукъ и игрушкою.
Гуды-лапчеко—ладонь.
Гуды-лэ, см. **Гуды-чей**.
Гуды-си—безрукій; безъ дороги.
Гуды-чей-локтевая и плечевая кость.
Гули—совсѣмъ, вовсе.
Гумъ—сѣно.
Гумъ - мадаванъ — сѣно косить.
Гунгъ-поре — желѣзная стрѣла, копье.

Гуону—гусиный носъ; кукла.
Гутто—нарта для перевозки чума.
Гуудъ—верхняя губа.
Гыдованъ—вѣсить.
Гыдовы—вѣшенный.
Гыдыманъ — выходить, появляться.
Гыдюпея—ручка у котла.
Гыльняна—внизъ по теченію рѣки.
Гыльняю—далеко; низкій; меньшій.
Гымда—титька, грудь.
Гында—охотничій лукъ.
Гынъ—тетива.
Гэ—нога.
Гэвотиванъ—голову чесать.
Гэда—ну-что; ну-но.
Гэданзи—другъ, подруга.
Гэдапсе—вожакъ, проводникъ.
Гэдаптаванъ—посылать.
Гэдаптавы—посланный.
Гэдензи—распутная женщина.
Гэдованъ—пускать, отпускать.
Гэведоловапъ—усмирять.
Гэенъ—пята у ноги.
Гэйво—голова.
Гэйвохавравапъ—наклонять, нагибать.
Гэйвохаурованъ — умолять.
Гэптъ—волосъ.
Гэре—осень.
Гэрнованъ—храпѣть.
Гэси—безногій, хромой.
Гэсо—суставъ.
Гэсовой—ходокъ.

Е.

Егге—шагъ.
Еге—маленькій ручей.
Еговапъ—терять.
Егу—слой.
Едай—новый.
Едей—спускъ, скатъ; крутой.
Едиме—бревно.
Едимей-пеле — чурбанъ, пень.
Едъ—котелъ.
Ее—нюча (покрывало чума).
Езе—копѣйка; желѣзо.
Езе-едъ–желѣзный котелъ.
Езе-мукуда — желѣзная труба.
Езерманъ—бродить.
Езепаны—кольчуга.
Езеръ—гладкое, чистое мѣсто возлѣ рѣки.
Езе-се—желѣзный горнъ.
Езе-яггу—капканъ.
Еирано-неначь — незнакомецъ.
Ельчеванъ—мѣра.
Ельчевы, см. **Ельчь**.
Ельчь—сноровка.
Емневанъ—починять платье, штопать.
Ена—осетръ.
Енаню—стерлядь, коришъ.
Енги, см. **Еръ**.
Енда-си—медленное теченіе.
Енда-сюра—круги на водѣ отъ быстраго ея теченія.
Енедерманъ—лягаться.
Енеме, см. **Еньма**.
Енея-неначь, см. **Ерембеда**.

Еникоко-ень — спокойствіе.
Енмдаванъ—учиться.
Енне—блокъ при упряжи.
Енново-пазъ — борозда, разрывина.
Енномбина—потихоньку.
Енорманъ—толкать кого, пихать.
Ентъ—быстрина.
Енумбоуна—тихо, смирно.
Енъ—конопля.
Еньма—заплатка.
Енюванъ—приставлять.
Епсъ—колыбель, зыбка.
Епсэсе—полукругъ у самоѣдской зыбки.
Епя—сосна.
Ераго, см. **Ерей-табъ-го**.
Ерванъ—кроить.
Ерводаванъ—гордиться.
Ерву—хозяинъ.
Ергуда—средній палецъ.
Ерде, см. **Еръ**.
Ере—глубина.
Ере—животное длинношерстное.
Еретгода—пята.
Ереггуванъ—стеречь, караулить.
Ерей-табъ-го — песчаный островъ.
Еремань — жену брать, случаться; захватывать; доставаться.
Ерембеванъ—ожидать.
Ерембеда—караульный.
Еромбой—глубокій.
Еремдеванъ — задерживать.
Еркарадъ, см. **Еркеръ**.
Еркеръ—полоса, рядъ.
Ерманъ—ловить рыбу неводомъ.
Ернага, см. **Еръ**.
Ерчь-погга—неводъ.
Еръ—середина, средній.
Есей—скобель.
Есеманъ—строгать.
Есеръ—парусъ, пологъ.
Есъ—петля.
Ехо—береза.

І.

Іо—зять.

И.

И—вода.
Ибамерче — теплый вѣтеръ.
Ибе—клей, клейкій.
Ибемы—тепло стало.
Ибетаванъ—клеить, приставать.
Игтыня—россомаха.
Игипчь—пила.
Иглеръ—забереги.
Идеръ—пузырь.
Идерча—щекуръ (рыба).
Идю—кишки.
Икле—шейная кость.
Икъ—шея.
Икъ-тенъ—становая жила.
Икъ-тогоча—галстухъ.
Икъ-хара-лэ—ключица.
Иламанъ—нести.
Иле—чистый.
Илеванъ — бывать, быть; ожидать.
Илевы—при жизни.
Илена—живой.
Иленапа — ключъ; предъидущій.
Илена-сядой—живой дьяволъ,

Илена-хале—живая рыба.
Иле-юръ—чистый жиръ.
Иликъ—жидкій.
Илипци—имѣніе.
Илипча—дикій олень.
Илманъ—поднимать.
Ильтаванъ—пѣть при ворожбѣ.
Имбытъ—рубаха.
Инда-манзара—вздоръ.
Индамписе—кротъ.
Инда-хаэ—душа вышла.
Индъ—душа.
Ине—возжа.
Ине-едаяукъ — новость; веревка.
Ирдъ—прямой, прямо.
Ири—дѣдъ, предокъ; луна.
Иртну—прямо, стойкомъ.
Иртыплеванъ — усиливаться, стремиться.
Иръ-таремъ-гу—ну; уже.
Исельманъ—обезумѣть.
Ите—заводъ.
Итегоптени—море.
Итсовой, см. **Сангой**.
Ихъ-ямъ—острохвостъ (утка).

К.

Камга-того—шелковая матерія.
Коле—зоркій.

Л.

Лаача-совой — бугорчатый.
Лаачъ—бугоръ.
Лабарованъ—осыпаться.
Лабе—весло.
Лабендалота—перо у весла.
Лабеттаванъ—грести веслом.
Лабэсалъ—окрючина.
Лаганаванводе — сказывать.
Лаганованъ — говорить, разговаривать.
Лаганъ—разговоръ.
Лагы—кочка, бугорокъ.
Ладаванъ—бить, наказывать ударомъ.
Лакари—вдругъ.
Лакари-монеттъ — скоро смотри.
Лакомбой — еще здравствуй.
Ламба-ине—черень ножа.
Ламбей — широкая кость роговъ оленя.
Ламбераманъ — дѣлать однобокимъ.
Ламси,—куликъ щебетунъ.
Лапгой—плоскій.
Лапта—стень.
Лаптай—ящикъ.
Ларецъ—ящикъ изъ бѣлой жести.
Ларъ—ершъ.
Лата—доска.
Латаку—лопатка.
Латта—широкій.
Лезай, см. **Лясой**.
Лемуръ-оде — княжника (ягода).
Лиденекъ-бобровая струя.
Лимбепри — время года, совпадающее съ нашимъ мѣсяцемъ мартомъ.
Лидягкъ—боберъ.
Логгай—пуговица; кусокъ.
Логгманъ—кипѣть.
Лого—косякъ; уголь; загородка.

Логонерничи — передній уголъ, почетное мѣсто.
Логорманъ, см. **Лорчь**.
Ломдукъ—низкій.
Лорней—лугъ, долина.
Лорчь—бѣжать, течь.
Лукъ—тетерь.
Луце-хемде—курица.
Лыггерованъ — спрятаться.
Лызю, см. **Лысю**.
Лымберъ—глина.
Лымбора—грудь.
Лынду—тушица.
Лысю—язь.
Лэ—кость.
Лэбортъ — слабый, несостоятельный.
Лэдванъ—хромать.
Лэймованъ—разоряться.
Лэкъ—ярь.
Лэкэптаванъ—колоть.
Лэмборанда — ложечка, грудь.
Лэмборануа—задъ.
Лэмбора-совой — грудистый.
Лэмдалягкъ—гибкій.
Лэмугкъ — кистень, наконечникъ стрѣлы.
Лэраванъ—пугаться.
Лэтманъ — хранить, беречь.
Лядванъ—колоться.
Лядчей—щель, отверзтіе.
Лярса—мизгирь.
Лясой-развалистые оленьи рога:

М.

Мага—спина.
Мага-лабе — двух-перое кормовое весло.
Магалы—спинная кость.
Магалэ — позвоночный столбъ.
Магбеда-ненечь — злосчастный.
Магбедеванъ — затрудняться, нуждаться.
Маггуванъ—нуждаться.
Магкъ-бе—бѣдность.
Магкъ-беди—бѣдный.
Магэдь — замшевыя шимы (сапоги).
Мадерманъ—замедлять.
Мадеръ—подпорка.
Мадованъ—рѣзать, отрѣзать.
Мадорманъ—удерживать, оберегать, защищать.
Мадэрманъ — подпирать; лаять.
Мае—мука, мученіе, наказаніе.
Маеванъ—мучиться, изнуряться.
Маедаванъ, см. **Маеванъ**.
Маенда—маленькій.
Маенда-неесечь — маленькій ребенокъ.
Майнамъ—радоваться.
Маймби-удовольствіе, радость.
Маканъ, см. **Маканэ**.
Маканэ—пазуха.
Малагоде—водяница (ягода).
Малбой—совсѣмъ.
Малеванъ — пополнять, успѣвать; довольствоваться.
Малованъ—надломаться.
Малтованъ—искать.
Малъ—конецъ; безъ примѣси.

Малъ—весь, каждый, всякій.
Мальче—малица (одежда).
Мампсеванъ, см. **Матидеванъ**.
Манаманъ-разобрать, растолковать.
Мандаль—пукъ, связка.
Манзадаванъ—катиться.
Манзодиванъ—трогаться съ мѣста, шевелиться.
Манзоптаванъ—двинуть.
Манумань — привязывать за ноги.
Манываньъ — видѣть, наблюдать.
Мань—я.
Мара—край, берегъ.
Марги-лэ-ключевая кость.
Марманъ-оставаться; грабить, отнимать.
Марне—загорода.
Маръ—губернскій городъ.
Мась—достаточно, довольно.
Маталовомя—бакъ.
Матертованъ—брить.
Матидеванъ — втыкать, вбивать, прокалывать.
Маторманъ—вырѣзывать.
Маттель-гейвы- хитрый.
Матъ—шесть.
Мдарманъ—дрожать.
Мелъ—искусникъ, мастеръ.
Мере—рана.
Меремби—застарѣлая рана.
Мересовой—паршивый,
Мери—безъ сноровки.
Меру—парши, короста.
Мерче-берте—бекасъ.
Мерчембой—прохладный вѣтеръ.
Мерчи-ненче — намѣстникъ, преемникъ.
Месеръ—кисти.
Месеръ-ханъ—нарта, даваемая въ приданое.
Минзаранъ—работникъ.
Минъ—на проходъ.
Минханда—мимо.
Минхемда—тотчасъ.
Мирванъ—мастерить.
Мире, см. **Миримы**.
Миретея — крупчатая мука.
Мирехасовой—гнойный, гнилой.
Миримы, см. **Мирите**.
Мирите—дорогой, дорого.
Мирманъ — упорствовать; дѣлать.
Миръ—цѣна.
Миръ-си — дешевый; безъ найму.
Мирюй—своенравный, упрямый.
Митванъ—отдавать.
Митлеванъ—продавать.
Мичтованъ—давать.
Мо, см. **Му**.
Могаси—сутулый.
Могбеа—нужный, нуждающійся.
Модко-ненечь—сирота.
Модованъ—ягоды брать.
Мое—крѣпкій.
Моеванъ — бросать, стрѣлять.
Моерованъ — утвердить, укрѣпить.
Мозамбиръ—посредственный.
Мозованъ—замазывать, забрызгивать.
Мойнямна—внутри.

Молеванъ—ломать.
Мелльерманъ—изломаться.
Молкъ—комолый, безрогій.
Мондалуй—шаръ, кругъ.
Монзарованъ—работать.
Монзэгкъ—холка.
Монзэкъ-лэ—бедра.
Монырманъ—вертѣться.
Мора—оленій рогъ.
Мораняна-хань — прибрежный.
Моронга — морошка (ягода).
Мосовой—суковатый.
Мосэй—щеголь.
Мотидевымитаня — колотье.
Моторманъ—рубить.
Моттадеванъ—колоть.
Мотурманъ — отрѣзывать.
Мотъ—шесть.
Мотъ-ягга — шестнадцать.
Му—сукъ.
Мугга-нитти—развилина:
Мугкъ—дробь.
Мукуда — передній шестъ чума.
Муначь, см. **Мунзь**.
Муначь-совой — бородатый.
Мунедей — брюхатый, беременный.
Мунзь—борода.
Мунзюманъ — молчать, умалчивать.
Мунзяно-ненечь – молчаливый.
Мунованъ—гремѣть.
Муноманъ — звучать.
Муноптованъ—валить.
Мунорманъ—падать.
Мунтся—усы.
Мунъ — громъ, звукъ; голосъ.
Мунъ-совой — громовой, звучный.
Мунъ-ха—слухъ.
Мыванъ, см. **Мэчь**.
Мыгдъ—печенка.
Мыдованъ—мять.
Мыедеванъ-выдѣлывать.
Мыла—мыло.
Мыргой—наледъ.
Мырней—упрямство.
Мэбеныгы — сила, крѣпость.
Мэбето-неначь-крѣпкій, ядрёный.
Мэванъ—класть.
Мэдванъ—хромать.
Мэдна—хромота.
Мэйдна-ненче—хромой.
Мэта-ненечь-трубочникъ.
Мэчь—брать, взять.
Мюдахъ-ханъ — обозная парта.
Мюдъ—обозъ.
Мюймны—внутро.
Мюнко — нижняя нюга (покрывало чума).
Мядарцы—подарки.
Мяде—чумовище, чугоръ.
Мядимярманъ—гостить.
Мядимярта - ненечь — гость.
Мядимярта-нэ—гостья.
Мядимярцы—гостинцы.
Мядлатъ—полъ.
Мядьмярчь—пировать.
Мякиче—спальныя шимы (туфли).
Мяреко—выдѣланная оленья кожа, замша.
Мярико-ине — ременная веревка.

Мяровань–петлю ставить.
Мярягкъ—кругъ свернутаго аркана.

Н.

Набако-чага — древесная губка, наростъ на деревѣ.
Навелепчь-пя—шестъ.
Наволмань—скрести.
Нагаде—цѣлый.
Нагаръ—кедровый орѣхъ.
Надъ—изъ, отъ.
Наеванъ—мыться.
Накалованъ — рваться, отрываться.
Накладъ—убытокъ.
Намдаванъ–слушать, выслушивать.
Намдованъ—слышать.
Намедованъ — затыкать, пихать.
Наны—холостой.
Нара—весна.
Наре—весеннее время.
Наре—бубны (въ картахъ).
Наредованъ—весповать.
Нареко, см. **Нарэ**.
Наро—моржъ.
Нарэ—пасть.
Не—дверь.
Небе—мать.
Небесовой—материнскій.
Небой—прошлогодній, въ прошедшемъ году.
Небъ, см. **Неда**.
Неваръ-пя—дверная колода.
Невой—проливъ.
Невой-тюкунту — сюда иди.
Неговань—потѣть.
Него-и—потъ.
Неголта—соръ, дрязги.
Неголь—грязь.
Неголь-совой — грязный, страшный.
Неда—дорога.
Недволевы-мале–нанявшійся, наемщикъ, работникъ.
Недвотана-не — работница.
Недованъ—помогать, догонять.
Недоволеванъ–напимать-ся.
Недорма-сово—твердый, торный.
Недорта—большая дорога.
Недябеси—дешевый.
Нейэ—отелиться.
Нека—вотчимъ; старшій братъ.
Нелико-неначь—маленькій человѣкъ.
Нелико-нюде–маленькій, малый.
Нелико-серъ — маловажность; новость.
Нелкъ—икры у ногъ.
Нельтеванъ—обольщать.
Нельтеванъ—теребить.
Нельтевы-серъ-адимы–искушеніе.
Нельтованъ—искушать.
Неме—сонъ.
Ненай-езе — серебряныя деньги.
Ненамдованъ–сердиться.
Неначь—человѣкъ.
Нендамы—запуганный.
Нендарча-ине — веревка для привязыванія блоковъ къ нартѣ.

Нендевода—крюки у дверей (петли).
Нендомэванъ—узнавать.
Ненду—знакомый.
Ненегкъ—комарь.
Неней—гагара.
Нензакада—пухъ.
Ненземанъ-выпрямиться.
Нензерчь — деревянное кольцо.
Нензета — свободный, не связанный.
Нензъ—плесо.
Нензэдъ—выдра.
Нензямбой — точно, дѣйствительно.
Ненко — длинное и узкое озеро.
Ненчимъ—сердиться.
Ненъ—не, нѣтъ.
Нерки-пя—таловое дерево.
Нермя—прорубь.
Нерня—впередъ.
Нерняю - хань — ступай впередъ.
Неро—тальникъ; палка.
Неро-симдетъ—таловые листья.
Нерочь-сертовой-попа-запоръ.
Нерте—зародышъ въ яйцѣ.
Неру—прутья.
Неруй, см. **Неро**.
Неръ—хрящъ; вязига.
Неубя—плата.
Неубя-си—безъ платы.
Неуттарманъ — скакать, бѣгать.
Неэ—налимъ.
Неюре—подруга.
Неяу—мачиха.
Нибе—иголка.
Нибе-погга — игольное ушко.
Нибича—мизгирь.
Нибырю—мошка.
Нигалманъ—тянуть.
Нигкванъ—раздергивать.
Нигоди—сохранно.
Низяу—отецъ.
Ни-ине—поясъ (женскій).
Никылманъ—отрывать.
Нильманъ—строгать.
Нинанъ—родить.
Ни-мара—поясъ(мужскій).
Нимдеванъ — называть, давать имя.
Нимедованъ — сбить съ мѣста.
Нинеде—своякъ.
Нинзема—молодое перо.
Нирды—рогъ на лбу оленя.
Ниръ—черень, рукоятка.
Ного—несецъ.
Ногодихаеванъ — пополняться.
Ногоптованъ — вздергивать.
Нодеовой—неряха.
Ной—сукно.
Ноймянъ—рубль.
Номки—двухгодовый.
Нора—копье.
Норе — обосѣчное острie стрѣлы.
Норомъ-латта-пристань.
Норметты—морской гусь.
Носкопты-мерзость, мерзкій.
Нуванъ—стоять.
Нукудъ—зыбка.
Нултаванъ — останавливать.
Нумбону—радуга.

Нумгу, см. **Нумгы**.
Нумгы—звѣзда.
Нумсида — безъименный палецъ.
Нумъ—Богъ, небо, сводъ небесный.
Ныгиси—безсильный.
Ныгисовой — крѣпкій, сильный.
Ныгита-ненечь—силачъ, буянъ.
Ныгындотя—чрезмѣрно.
Ныгыта-и—крѣпкое вино, спиртъ.
Ныгы-яггу—возможность.
Ныдманъ—разорвать.
Ными-яггу, см. **Нындовой**.
Нындовой—безсильный.
Нэ—женщина.
Нэванъ—отпирать.
Нэпеванъ—жениться.
Ню—сынъ.
Нюде, см. **Нюкуче**.
Нюде-маняръ—кое-что.
Нюде-нюми — младшій сынъ.
Нюде-паппау—младшій братъ.
Нюкуче—младшій сынъ; дѣтеныпъ; яйцо.
Нюмде—имя.
Нюрчеванъ—хвалить, поощрять.
Нюрчемъ—шутка.
Нюрчемя—забава, прихоть, пріятность.
Нюръ—верхняя покрытая чума.
Нючеванъ—цѣловать.
Няби—второй.
Няби-няна-будущій годъ.
Нябы—утка.
Нябы-берчь — кыскань (рыбья сѣть).
Нябыко—старшая сестра; тетка.
Няво—заяцъ.
Ня-гуда—челюсть рыбья.
Няда—оленій мохъ.
Нядиванъ—помогать.
Нядованъ—запасаться.
Нядэдъ—помощь, пособіе.
Някъ—ворвань, нерпа.
Нялико—поваренка.
Нялкеванъ-выдерживать.
Нялорманъ—ползать.
Нямванъ, см. **Нямованъ**.
Нямдъ—рогъ.
Нямдъ-совой—рогатый.
Няме-мое—твердыня.
Нямза-гэй—сѣть.
Нями, см. **Нятао**.
Нямованъ—держать.
Няморча—клещи.
Нямю—языкъ; обманъ.
Нянко—брюшина.
Нянь—хлѣбъ.
Нянь-сей—мякишъ хлѣба.
Нянь-сябъ—хлѣбная корка.
Няра—мездра.
Няргалода — поперечина; перешеекъ.
Няргалы—поперечный.
Нярове-едъ—мѣдный котелъ.
Нярове-езе—мѣдныя деньги.
Няромда-пеле — два съ половиною.
Нярсу—болотный, бѣловатый мохъ.
Няръ—три.
Няръ-ю—тридцать.
Няръ-я—красный.

Няръ-ягга—тринадцать.
Няръ-яна-годе — брусника.
Няръ-яна-ненай — золото.
Няръ-яна-тене-бѣлодушка (лисица).
Няръ-яна-хале — кунжа (рыба).
Нясорманъ—скользить.
Нясэдаванъ, см. **Нясорманъ**.
Нятао—друзья, товарищи.
Нятванъ—прикасаться.
Няуды-незаконно-рожденный.
Няулы—челюсть.
Няюсово-ты-тэрэдъ — выбирать самаго лучшаго оленя.

О.

Оберманъ, см. **Оберчь**.
Оберчь—ворчать.
Обкана—дорога.
Обкона—вмѣстѣ.
Обкона-хаду, см. **Обладъ-хадо**.
Обладъ-хадо — сплошной.
Объ—одинъ.
Объ-минхада-безостановки.
Объ-небе-ню — одноутробный.
Объ-серъ, см. **Окана**.
Объ-серъ-хулсаловань-смѣшивать.
Объ-таремъ-ю-такъ-есть.
Объ-тарче—подобный, такой же.
Объ-терь—одна рюмка.
Объ-ягга—одиннадцать.
Оде—корольки.
Окана—за-одно; смѣсь.
Око—много, множество.
Олипава—крашеный.
Олипяванъ—красить.
Олъ-гу—чумовыя палки.
Олька-пя—ольха.
Омдерчь, см. **Омдеръ**.
Омдеръ—стулъ, скамья.
Омза—мясо.
Омза-си—сухощавый.
Оневанъ—смѣшить.
Опой, см. **Объ**.
Оякъ—рѣдкій.

П.

Паггалманъ — плѣсти; скать нитки.
Падаръ—бумага, книга, буква.
Падванъ—писать.
Паде—желчь.
Падеванъ—кружить, безпокоить; пугать, прогонять.
Падерта—пеструшка (тетерка).
Паде-са—горечь, желчь.
Падлолманъ—втыкать.
Падначе—чернила.
Падолманъ — прямо ставить.
Падорчи-харъ—чернильница.
Падувы—пестрый.
Падувы-падаръ — письменная книга.
Падувы-хале—окунь.
Падъ—очепъ для вѣшанія надъ огнемъ котла.
Падъ-ню — поперечныя палки очепа.

Паерманъ—добиваться.
Паеровань—опухать.
Пазы—дѣторолныя части самки, женщины.
Пай—кривой, непрямой.
Пайга—сырокъ (рыба).
Пайдово—ворота, входъ.
Пайды—щека.
Пакыда-гедоровы — поношенная изодранная одежда.
Палка—калъ.
Палка-совой — калу подобный.
Палъ—сабля.
Паме—остріе.
Паме-тупка—острый топоръ.
Панванъ, см. **Пандованъ**.
Пандованъ, см. **Пандэванъ**.
Пандэванъ — наполнять, наполняться.
Панзе—вотъ.
Пансуй—осока.
Паны—шуба, платье, одежда.
Паны-таггa–держать подъ платьемъ, спрятать.
Папау—родственникъ.
Паппа—младшій братъ.
Параванъ—слежаться.
Паравъ—перегорѣлый.
Паравы-я—горѣлое мѣсто.
Параламанъ—спѣшить.
Парамвода—царь.
Пардокъ-сертаггумъ — лекарство.
Паркаманъ—кроить.
Пармъ — собраніе, общество.
Пармы–путешественникъ, попутчикъ.
Паровань—горѣть, согрѣваться.
Пароде—черный.
Паттала—острякъ.
Паттана—писарь.
Паусими—вечеръ.
Пебяса—родные.
Педа—драка.
Педабированъ—драться.
Пека—кожа съ ногъ оленя, употребляемая на пимы.
Пеманъ—грузить, садить кого къ себѣ.
Пендермванъ — стрѣлять изъ ружья.
Пендованъ — треснуть, лопнуть.
Пензеръ - ладаггумъ — барабанъ.
Пензеръ - ладарталя — барабанная щетка.
Пептованъ—опутывать.
Переня—родство.
Перенягахорованъ—породниться.
Переняда—родственникъ.
Переняу—сватъ.
Пернъ-хече—крестъ.
Піидагумъ—стельки.
Піяко—горностай.
Пи—ночь.
Пиву — пимы (одежда самоѣда).
Пиву-подеръ—вставка въ пимѣ.
Пидванъ, см. **Пидеванъ**.
Пиде—птичье гнѣздо.
Пидеванъ—бриться.
Пиделманъ—мять.
Пидъ-нэпссааръ–бритва.
Пикичи—перстъ.

Пиле—оводъ.
Пили—прощай.
Пиме—мужскіе штаны.
Пинванъ—бояться.
Пинелинде—шило.
Пинерманъ-приготовлять лѣсъ.
Пинь—вонъ.
Пипте—губа.
Пирбе—обухъ ножа.
Пирдахванъ — превозмогать, побороть.
Пиреванъ — варить, кипѣть.
Пирече—высоко.
Пирипте—дѣвочка.
Пирманъ — управляться; переселиться.
Пированъ — готовить кушанье, стряпать.
Пиртиггусь—кочерга.
Пирче—высокій.
Пирче-я—холмъ, куча.
Пирче—птичій пупокъ.
Пирю—только.
Писе—мыть.
Писовой-яле—сутки.
Пись—смѣхъ.
Письманъ—смѣяться, радоваться.
Питтеванъ—теребить, обозначать.
Питтиме—клеймой, тамга, тавро.
Питторманъ — колотить, шляться.
Питупмеванъ-клеймить, значить.
Пи-эръ—полночь.
Погга—мирежа.
Поггаяво—холстъ.
Подаръ—позументъ.
Подерманъ—запрягать.
Подеръ—имя.
Поды—перелѣсокъ.
Пое—опухоль.
Поиби—тьма, темно.
Пойда—разстояніе, промежутокъ.
Покалъ—задвижка.
Поли—проницательный.
Понде—враждебный.
Поннивоманъ-ссориться.
Поны—полный.
Понырта—дѣланіе, вязаніе мирежи.
Пора—порохъ.
Поръ-куль—пыжанъ (рыба).
Порны — водяникъ, водяной дьяволъ.
Порысь—свинья.
Пруна—къ, до, на.
Пугуча—жена, женщина.
Пугуча-совой—женатый.
Пудеко—малость, бездѣлица.
Пудибтаманъ — смѣшивать.
Пуду—впзпга.
Пудъ-хана-гарчь-корма.
Пуй—моль; корь.
Пулопто-пя—рея.
Пулэнда-лэ — колѣнная чашка.
Пунаравапъ—вѣрить.
Пуно—водяной мохъ.
Пуны—послѣ.
Пуровапъ—плешивѣть.
Пусекъ—лоскуточекъ.
Пуска—лоскутъ; обрывокъ.
Пусь-малъ—конецъ мыса, подводная скала, коса.
Пут-манъ—дуть.
Путопча—мѣхъ.
Пууняны—позади.

Пучь-мерчеванъ–вѣтеръ дуетъ.
Пыдараванъ — торопиться, пороться.
Пыдыръ—ты.
Пыдырь-идаръ–пускать, отпускать.
Пые – носъ.
Пыеда-муно—храпѣть.
Пыедованъ—чихать.
Пыеле—внизъ (къ мордѣ) опущенные рога.
Пыенда-си—ноздри.
Пые-си—безносый.
Пыре—щука.
Пыркаптамъ—подушка.
Пэ—камень.
Пэвэръ–трущоба, пропасть.
Пэгэ—позенъ (родъ сушеной рыбы).
Пэдара—лѣсъ.
Пэдованъ—утомляться.
Пэй-мерче—западный вѣтеръ.
Пэй-сэу-тадъ—очки.
Пэмбуе—каменный мысъ, скала.
Пэндыня—возокъ, обозъ.
Пэнтованъ—крутить.
Пэптеревань — запутываться.
Пэптерманъ–запутывать.
Пэсверъ—густой, частый.
Пэсярка—стаканъ.
Пюванъ—искать.
Пюггусь—нарывъ.
Пюгкъ—твердый мохъ.
Пюнгкъ—багульникъ, кустарникъ.
Пя—дерево.
Пяванъ—приниматься.
Пягъ-гаръ—узкій ножикъ.
Пялованъ—намѣрить.
Пямадованъ — дрова рубить.
Пя-погга—морда; сѣть для ловли рыбы.
Пя-рипчепда — выпуклость.
Пя-рокоси—лыко, лубъ.
Пясикъ—защелка.
Пясовой—деревянный.
Пя-хабо—чайка.
Пя-юръ–деревянное масло.

С.

Са—сила, бурный.
Саальманъ—черпать.
Сабванъ—набивать.
Савне—сорока.
Саво—наводненіе.
Саггово — грузнуть, вязнуть.
Сагдашъ-деванъ –нагружать.
Сада—болото.
Садгалованъ — выворачивать.
Саидованъ — заштопать, чинить, шить.
Саиндарчь-туни–пушка.
Сала—глупый, дикій.
Салаба—ледъ.
Салабана - ханиманъ — обледенѣть.
Салабасовой—ледяный.
Салдаванъ—платить.
Сале—мысъ.
Салиба—гладко, скользко.
Саликъ—пень; локоть.
Салмуй—ровный, гладкій.
Салъ—столбъ, пень.
Саль-езе—наковальня.
Сальманъ—поворотиться.
Самальянъ—пять.

Самальянъ-ю–пятьдесятъ.
Самальянъ-юръ — пятьсотъ.
Самальянъ-янгга—пятьнадцать.
Саммадованъ–гладить.
Санаванъ-эггумъ–отскакивать.
Санванъ—рубить.
Сангой—мокрый, водяной.
Санорманъ–быстро ѣхать, скакать.
Санэрманъ—выскакивать.
Санэрта—пляска.
Санювы—морщина.
Санюманъ—мотать.
Сао—гусиная голова.
Сапкованъ—копать, рыть яму.
Сапкэнованъ—рыться.
Сапкэрнорманъ—копать.
Сапчерманъ—плевать.
Сапчесовой—слюнявый.
Сапчь—слюна.
Сармикъ–волкъ; животное.
Сарню—яйцо.
Сарню-тасси—желтокъ.
Сарню-хамдуванъ—яйцо снести.
Сарю—задѣлка, вставка.
Сарюи-тиръ—туча.
Сарюманъ—задѣлать, додѣлать.
Саттаванъ—зачерпывать.
Сатта-неначь — проворный, удалый, честный.
Сачиняпте–весьма близко.
Се—горло.
Себъ—карманъ.
Севодаванъ—жалѣть, тосковать.
Севой—ноша, бремя, тяжесть.
Севольтованъ–обнимать, схватить.
Севяко—лопатка (палка), употребляемая при ходьбѣ на лыжахъ.
Сегби—черная утка.
Сегга—колокольчикъ.
Сеггамунлованъ — звонить.
Сеггуванъ—ночевать.
Сегъ-аного — голубой песецъ.
Седе—иней, туманъ, куржакъ.
Седеларованъ—куржать, затуманиться.
Сеита-пэ—бутылка.
Сей—сердце.
Сейюре—сердечный другъ.
Сена—сѣни.
Сензе—верхняя часть желудка.
Сензи—глухарь.
Сензъ-иле—живой, здоровый.
Сенитовы—вымоченный.
Сениттованъ—мочиться.
Серберте — руководитель, хозяинъ.
Серга-хамы—въ бѣду попасть.
Середованъ—проколоть.
Сересь—подшилокъ.
Серканы—самъ-по-себѣ.
Серманъ-гумъ–надѣвать.
Сернаеринамъ–подъслѣдствіе, подъ судъ попасть.
Сертаггумъ-порданъ — лекарство.
Сертасьсово—можно.
Сертатовой — неустроенный.

Сертаяманъ — не въ состояніи сдѣлать.
Сертованъ — дѣлать, исправлять, устроить.
Серъ—дѣло; бѣда; обыкновеніе.
Серъ-гадимы — случай, причина.
Серы—дорога; рука.
Сесовой—голосистый.
Сіесе—сталь.
Сіесесовой—стальной.
Сіикаамань-врать, лгать.
Сіиманъ — пробивать насквозь.
Сіиттеванъ—править на оселкѣ.
Сія—оселокъ.
Сіякъ—болтунъ, пустомеля, обманщикъ; пустословіе.
Сіякхъ—вода.
Сіяманъ—обманывать.
Сіянъ-биръ—сколько.
Си—двери.
Сибе-легко; свищъ, струнъ.
Сибесовой—свищеватый.
Сибидеванъ—развивать.
Сибимеванъ—облегчать.
Сибичь—безъ всего.
Сибичь-ханъ—холостой.
Сибичь-ханъ-паны — на легкой картѣ, на-легкѣ.
Сиве—лопата.
Сивепаггалмы—сокъ.
Сиву—семь.
Сиву-ю—семьдесятъ.
Сиву-ягга—семнадцать.
Сигги—цынга.
Сиде—два.
Сиде-егоръ—вдвойнѣ.
Сиденяберманъ -качать.
Сидепоггы — посредственный.
Сидерагкъ—предокъ.
Сидерангкъ—покойникъ; кукла, изображающая подобіе покойника; призракъ.
Сидерси—окно.
Сидеръ-варъ-пя — оконныя колоды.
Сидеръ-кантъ—свѣча.
Сидеръ-кантъ-погга — свѣтильникъ.
Сидеръ-пей—стекло.
Сидеръ-ягга-двѣнадцать.
Сиде-ю—двадцать.
Сиде-я-горъ—туда и сюда.
Сиде-ягоръ-паны — накладка.
Сиде-ягоръ-хардъ-двойной, двуличный.
Сидъ—прядь.
Си-ій — чувствительный, нѣжный.
Сидянгъ—тѣнь.
Силарчь-пай—брусъ.
Сильчь—точить.
Сима—отверстіе.
Симнядованъ-заступаться.
Синдавы—крытый.
Синдеванъ—закрывать.
Синде-гану — заботливый.
Симдетъ—восемь.
Синдетъ-ю—восемдесятъ.
Синдетъ-ягга — восемнадцать.
Синдома-крыша, покрышка.
Сине-яне—туманъ, дымъ.
Синзеванъ—озлобиться.
Синзегъ—птица, птичка.
Синзеу—синица.

Синяю — переднее, почетное мѣсто.
Сисеръ—завязка.
Сисовой—дырявый.
Сисю—пѣна.
Снензеную - сармикъ—мелкая глиста.
Собванъ—много накладывать.
Собе, см. **Сочи.**
Собе-воево, см. **Сочи-воево.**
Сово—хорошо.
Сово-иле–богатый; счастье.
Совокъ—гусь (одежда самоѣда).
Совона-моедавы — хорошее дѣло; работа.
Сово-она—точно.
Согомдаванъ—задавать.
Согомодаванъ – давиться.
Соеванъ—родить, пріобрѣтать, наживать.
Созванъ—тѣснiться.
Сой—война.
Соомань—выливать.
Сопкэнорманъ—копать.
Сортику—бабочка.
Сочи—очень, весьма.
Сочи-воево–весьма худой, негодный.
Сою, см. **Сой.**
Союдырманъ—воевать.
Сояванъ, см. **Соеванъ.**
Сса — ремень въ упряжѣ оленя.
Судиванъ—разбирать дѣло, судить.
Суету—чахнуть.
Суикъ—почки.
Сулемъ—сулема.
Суумбой—красота, видъ.
Суумбой-совой — красивый, видный.
Сую—теленокъ.
Сыво, см. **Сырапо.**
Сыгованъ — напяливать, выставлять.
Сыгы—перехватъ.
Сылантаванъ—провѣтривать.
Сымзи—шесты у входа въ чумъ.
Сыра—снѣгъ.
Сыра-піуво—зимнія пимы (сапоги самоѣда).
Сырапо—зима.
Сыра-совой—снѣжный.
Сырманъ-пуня—оглядываться.
Сыртамъ-васъ– смотрѣть.
Сыумата-піуво, см. **Сыра-піуво.**
Сэву—слеза.
Сэгда—глаза.
Сэгманъ—тонуть.
Сэгъ—глазъ.
Сэдавъ, см. **Сэдорманъ.**
Сэдома—нитка.
Сэдорманъ—шить.
Сэдура—шитье.
Сэйванъ—скрываться.
Сэръ—соль.
Сэръ-я—пшеничная мука.
Сэуда-пай — кривой, косой.
Сэуда-таси—слезы катятся.
Сэуда сейвы юрлованъ-приводить въ безпамятство.
Сэу-си—слѣпой.
Сэу-нирчь—бровь.
Сэу-пари—зрачекъ.

Сэу-пари-дене — роговая оболочка глаза.
Сэу-сереко — бѣлокъ въ глазу.
Сэу-таръ—рѣсница.
Сэу-тидъ — очки у самоѣдовъ.
Сэу-ялена-малъ-выесовой—кровяные глаза.
Сю—пупъ.
Сюдабе—стыдъ; рогожка; дьяволъ, лѣсовикъ.
Сюдбепса-меванъ-хорованъ—хочу сказку разсказать.
Сюденда-поггъ — между крылецъ.
Сюдерманъ—свистать.
Сюдобарчь–сказка, пѣсня.
Сюдобирманъ—повѣствовать.
Сюды—крыльца.
Сюлки—чулки.
Сюмбыкъ—моксунъ (рыба).
Сюраладарта — крутой, суровый.
Сюргилеванъ, см. **Сюргилманъ**.
Сюргилманъ — переворачиваться.
Сюрги-пей—точило.
Сюрдеванъ—чертить.
Сюрманъ–кружать; имѣть.
Сюролеванъ—назадъ, воротить.
Сюрольманъ, см. **Сядгалованъ**.
Сюртеванъ—прясть, вертѣть.
Ся—лице; осынь у рѣкъ и береговъ.
Ся—щель; накосо, скатомъ.
Сяберманъ—тесать, обровнять.
Сябу—нарта для вывозки нечистотъ.
Сябчема—стружки, щепки.
Сябыча—нарта подъ одежду.
Сяга—когда.
Сядаловань — выворачивать.
Сядгалованъ — кругомъ поворотиться.
Сякалманъ—кусать.
Сякана-воево — стыдно, срамъ.
Сякана-хаэ–стыдно стало.
Сялларавань—стыдъ, совѣсть.
Сяманъ—миловать, сострадать.
Сямдаравань—жарить.
Сямей-сялайда-то — мѣсячное у женщины.
Сямлаванъ — осквернять-ся; совокупляться.
Сямма—нечистая женщина.
Сямнанъ—одурѣть, съ ума сойти.
Сямонасартъ—зеркало.
Сямукуванъ—баловать.
Сянаръ—пѣшки.
Сяндкуванъ — играть на инструментѣ.
Сянзе—топленое сало.
Сянука—рѣдкость, игрушка.
Сянукуванъ—играть.
Сянъ—кости у узды оленя.
Сянчема—щенокъ.
Сярда–кора; пучекъ, связка.
Сярда-пэю—связка сушеной рыбы.

Сяровань—вязать; стягиваться, затягиваться.
Сяродовань—связать.
Сяръ—табакъ.
Сяръ-лы—табакерка.
Сяръ-пя, см. **Хагса**.
Сясовой-езе — перстень, кольцо.
Сятурманъ—кусаться.
Сять-пя—налѣво.
Сяунсъ—лопатка для чистки рыбы.
Сяутованъ—скоблить.
Сяутта—нельма (рыба).

Т.

Та—лѣто.
Табе—зубъ.
Табедамбехъ — уставщикъ.
Табедованъ — приказывать.
Таби-лэ—бабка у копыта.
Табо—черви.
Таборъ—соръ; срамъ.
Табъ—песокъ.
Табъ-совой—песчаный.
Табэко—приказъ.
Таванъ—давать; легко.
Таволманъ—жевать.
Таггауна — кромѣ сего; какъ-же.
Тагго—пространный; тихій.
Таггованъ—тереться.
Таггэдъ — лѣтнія шимы (обувь).
Таггондату—плевокъ.
Тагонуа-пеу—муха.
Тагэдь — зимнія шимы (обувь).
Тадапуванъ — отплачивать.
Тадибе—шаманъ, волшебникъ.
Тадованъ—мѣнять.
Тадурчь—браниться.
Таедъ—прямо.
Таелованъ — трудиться, работать; соображать.
Тай—оленій лобъ; береста.
Тай-хоръ—берестяная посуда.
Таккамманъ — погребать, прятать.
Талвадаванъ-прижимать.
Талведаванъ—стѣснять.
Талвей—пряморогій олень.
Талей—воръ.
Талекъ—гнида.
Талобей—ущелье.
Таловэдаванъ — жать, сжимать.
Тальня—сюда.
Талэванъ—красть.
Талю—пониже; недалеко.
Тамаленгана—въ то время, тогда.
Тамбиръ—столько.
Тамдалманъ — переточивать, переправлять остріе.
Тандая, см. **Тедя**.
Тандээдъ-мэванъ—заимствовать.
Танэгеча—лѣстница.
Таню—коса.
Таняю—туда.
Тара—недавно.
Тараггода—напрасно.
Тарагода—трудъ.
Таралоумя — юрта для пляски.
Тарамда—приправа, голенище.
Тарамдаванъ—смѣшать.
Таре—бѣлка.

Тареда-ере — длинношерстный.
Таремуа—точно такъ.
Таремъ-и—посему.
Таремъ-ю — такимъ образомъ.
Тарензя—отростокъ у копытъ.
Тарко-пя—вилы.
Таровань—бороться.
Тарте-нагы—бахтарма.
Тарче—подобный.
Тарэмъ—въ самомъ дѣлѣ, такъ, хорошо.
Таси—нанизъ.
Таси-ниго—низовой житель, снизу.
Тато—искра.
Таэрованъ—сворачивать.
Тебоеванъ — насаживать черень.
Тебуанъ, см. **Тебуманъ**.
Тебуманъ—попасть.
Тебъ—гвоздь; курья (подводная мель).
Тегу—чрево, брюхо.
Теда—теперь.
Тедерчь—желѣзо для строганія мездры при выдѣлкѣ кожъ.
Тедъ—четыре.
Тедъ-ю—сорокъ.
Тедъ-ягга—четырнадцать.
Теда—недавно.
Темуй—желтый, коричневый.
Теневанъ — предчувствовать, знать.
Теневанъ - нече— знакомый.
Тени—лисица.
Тепта—завтра.
Тердаванъ—класть.
Тереванъ—кричать.
Терензянда-лэ — суставъ копыта.
Теровань—проживать.
Терси—безъ всего.
Терчида-ханъ—порожняа нарта.
Те-сняны—вчера.
Тетта—богачъ.
Теть-юнда-пэ—четырехугольная посуда, штофъ.
Тибе—сажень.
Тибеванъ-мѣрить саженю.
Тибей-гнилой, паршивый.
Тидяу—дядя.
Тимдаванъ—размягчать.
Тименъ—гнить.
Тириба—икра.
Тирибя-совой—икряный.
Тирманъ—чесать.
Тирчь—гребень.
Тиръ—облако.
Тиччи—морозъ, стужа.
То—соболь; соръ (весенній рѣчной заливъ).
Тоба—копыто.
Тобокъ—чулокъ съ оленьей кожи.
Тобъ-ево—кожа.
Товань—прибывать; идти; проскачить.
Того—платокъ.
Тоговаръ—кромка, край, сторона.
Тогоптаванъ—подрубить, подшивать.
Тогоптованъ—бродить въ водѣ.
Тогормань—щипать.
Тогось—ситецъ.
Тогоче—рѣдкость.
Тодованъ—блевать.
Той—чилябуха.

Толованъ—учить.
Толавы-моле-считанный.
Толаггонъ—счетъ.
Толованъ—запирать, замыкать.
Толга—видъ.
Толгодаванъ—считаться.
Тологгуванъ—считать.
Толопча-падырь— печатанная книга.
Томалъ—вершина сора.
Томанъ—комокъ.
Томанъ-есе—ключь.
Томдэванъ—покрывать.
Тонгочи-селеніе (нѣсколько вмѣстѣ поставленныхъ юртъ).
Тонсе—устье сора.
Тора—мелкій; надобно.
Торово—будь здоровъ.
Тороманъ—учиться.
Торъ—перо.
Тосовой—крылатый.
Тось—соболь.
Ту—огонь.
Тугу—паукъ.
Тудоко, см. Тудыко.
Тудыко—грибъ.
Туеванъ—кланяться, молиться.
Тумбы—кремень.
Туни—ружье.
Туни-сеччи — ружейный замокъ.
Тунумъ—молня.
Тупка—топоръ.
Тупкамъ—черень.
Тупка-нягу-бородка, пята у топора.
Тупка-нянды—остріе топора.
Тупка-сюмъ—обухъ.
Ту-пя—дрова.
Туртованъ см. Тэневанъ.
Тусовой—огненный.
Туяломдаванъ-засвѣтить, зажечь огонь.
Тыды—кедръ.
Тые—мелкій.
Тынзей—арканъ.
Тыни-та-ири — май (мѣсяцъ).
Тыралманъ—ударять.
Тырентованъ—вялить.
Тыробей—твердый, черствый.
Тыровань—высыхать.
Тыросъ—стругъ.
Тысовой—владѣтель стада оленей.
Тысь—узкій.
Тэдорманъ—ругаться.
Тэеванъ — кружить, кружиться.
Тэйва—хвостъ.
Тэйво-си—безхвостный.
Тэймурманъ—желтить.
Тэкальманъ—скрывать.
Тэлнядъ-яга-горная рѣка.
Тэлуяко-хорошо выѣзженный олень, запрягаемый впереди.
Тэманъ—мѣсти, скоблить, вытирать.
Тэмборау-серъ—обманъ.
Тэмбураванъ — обманывать.
Тэмдеванъ—узнавать.
Тэмдовманъ—цѣловаться,
Тэмуованъ—покупать.
Тэмы—вытертый.
Тэневанъ—приходить.
Тэнъ—жила, нитка.
Тэра-ханъ-тяжелая нарта.
Тэрьэ — ручная четверть (пядь).

Тэри—такъ; даромъ.
Тэрованъ—выгонять, выстрашивать.
Тэръ—чашка.
Тэтнорманъ—вздохнуть.
Тетта-ненечь—господинъ.
Тю—рукавъ.
Тюванъ—входить.
Тюкана—здѣсь.
Тюки—этотъ.
Тюки-яле—сегодня.
Тюкумъ—ежегодно.
Тюкууна-хань—туда иди, ступай.
Тюкуче—наличность.
Тюкуядъ—отсюда.
Тюлеванъ—вносить.
Тюмко—очагъ, чувалъ.
Тюмы—печь.
Тюнаванъ—обонять.
Тюндамалъ—нарукавникъ.
Тюндеръ—передокъ нарты.
Тюнаванъ-добывать огонь; топить печь.
Тюнзеба—пепелъ, зола.
Тюнзибеги-хаа—сгорѣло, сдѣлался пепелъ.
Тюнзибя—пепель съ очага.
Тюня-мерче—южный вѣтеръ.
Тюръ—шестъ для понужденія къ бѣгу оленей.
Тюръ-малъ—костяная маковка на вершинѣ шеста, употребляемаго для понужденія къ бѣгу оленей.
Тюсеръ—покрышка.
Тютаневанъ—выходить.
Тюуна-хаэванъ—подниматься.
Тюуни—житель верховьевъ рѣки.
Тюунома—высоко, сверху; давно.
Тюуня—вверхъ.
Тябиванъ—скучать, тосковать.
Тяби-ю-у—скучно, скука.
Тягатъ—оттуда.
Тякуна—прошедшій разъ, давно.
Тямэгэа—лягушка.
Тянибоуна—потихоньку.
Тянимбой—немного.
Тянимбоунаванъ-весновать.
Тянурка—мало.
Тянюманъ-уменьшаться.
Тяня—сторона.
Тярманъ—дѣлить.

У.

Умбы—палецъ.
Умбые-гесо-суставъ пальца.
Умбые-сей—брюшко пальца.
Умбы-се—указательный палецъ.

Х.

Ха—ухо; гной.
Хаборта-пивы—лось сохатый.
Хаванъ—умирать.
Хавунда—самъ.
Хавуня—подвѣска у серегъ.
Хаггурта—больной.
Хатса—чубукъ.
Хада—бабка.

Библиотека РКВМФ СССР

Хадагы — бабушка, старшая сестра отца.
Хадермянъ—гноится.
Хадетормань—болтать.
Хадованъ—ловить.
Хадону-масованъ — заривать.
Хадъ—кашель.
Хадманъ—кашлять.
Хадъ-гылманъ — кашель одолѣлъ.
Хады—копыто, ноготь; ель.
Хадэлтана—курчавый.
Хадюванъ—лишитьск.
Хаеванъ—бросить, оставлять.
Ха-езе—серги.
Хазаку—палочка, употребляемая при пляскѣ.
Хазару—травяное балото.
Хазово—самоѣдъ.
Хазово-ханъ — мужскія санки.
Хазово-ю, см. **Хасово-ю**.
Хазово-юръ, см. **Хасово-юръ**.
Хазуй—сухой.
Хай, см. **Хэмъ**.
Хаи-пя-та, см. **Ха-езе**.
Хале—рыба.
Халедъ—волна.
Халенто—рыбы перо.
Хале-совой—рыбный.
Халимеръ-пя—гробъ, колода.
Халсу—водяной червь.
Халтаванъ—мыть.
Хальмерота-я — кладбище.
Хальца-лэ—грудная кость.
Халэувъ—полярная мартышка.
Хамадеръ—готовый.
Хамбалъ—соръ.
Хамдаванъ — выливать, брызгать, плескать.
Хамедованъ—понимать.
Хамзенда—рабъ.
Хамка—шелкъ.
Хамомеръ—покойникъ.
Хамэдэванъ — приготовлять.
Ханавей—ястребъ.
Ханебей—пологій, отлогій.
Ханеръ—толкъ.
Ханеръ-си—безтолковый.
Ханзатта—полозъ.
Ханзо—прохладно; скоро; прочный.
Ханзода-яггу—спорпня.
Ханзонга-хаэ—остывать, подмораживать.
Ханзо-яггу—непрочный.
Ханзяри—кругъ, кольцо.
Ханиманъ—озябнуть, замерзнуть.
Ханипшеванъ — замораживать.
Ханмъ—жертва.
Ханомбеда — сватовство, приданное.
Ханоровань – вспоминать, поминать.
Ханудованъ — жертвовать идолу.
Ханурманъ—хворать.
Ханъ—парта, сани.
Ханыпче-лата—кровать.
Ханюй—мерзлый.
Ханяванъ—ловить сѣтьми рыбу.
Хапараванъ — разклѣиться.
Хапдаванъ—оставаться.
Хапепчю—филинъ.

Хаптъ—неѣзжалый быкъ.
Хапчи — болѣзнь. конецъ жизни.
Хапчи-войво—худая болѣзнь, сифилисъ.
Хапчигъ — трясучка, собачья болѣзнь.
Хапчито-малъ — конецъ пришелъ, предѣлъ.
Харакси—разбойникъ.
Хардъ—домъ.
Хареванъ—понижать.
Харей—впадина, углубленіе на деревѣ.
Харемдаванъ—загибать.
Харнапагкъ—вереекъ.
Харнесъ—воронъ.
Харни-се—ножны.
Хартъ—городокъ.
Хартъ-совой—городской.
Хару-пя—лиственница.
Хару-хутькя—лиственная шишка.
Харчинде-ле—пустое мѣсто въ боку у стараго оленя.
Харъ—ножъ.
Хасово-ню—сынъ.
Хасово-ю—девять.
Хасово-ю-юръ — девяносто.
Хасово-ю-ягга –девятнадцать.
Хасу-яле—пать, пасти.
Хасу-яле-мэванъ —голодеть, поститься.
Хаудорманъ — ударять, колотить.
Хаэванъ—приходить.
Хаэрованъ—проясниваться.
Хаэръ—ясно.
Хая—сосѣдство.
Хейвуня—всторону.
Хесь-гіи-неванъ–думать, намѣреваться.
Хеударъ—сугробъ, ухабъ, снѣжный накатъ.
Хечедавы—крещеный.
Хече-дованъ–креститься.
Хече-мунъ—громъ.
Хече-нунъ—затылокъ.
Хече-пернъ—крестъ.
Хечеттагумъ—присяга.
Хечету—молня.
Хече-ту-я-соргэ — молня сверкаетъ.
Хо—береза.
Хоба—оленья кожа.
Хоба—колесо, кругъ.
Хованъ—находить, пріобрѣтать.
Хогоптованъ–издѣваться.
Хогорей—лебедь.
Хогорманъ—пучить, разбухнуть, раздувать.
Ходеттованъ–царапаться, чесаться.
Ходэванъ—мозолить вредить.
Хозахъ-эръ — смотритель хлѣбнаго магазина.
Хозыръ—карты.
Холса-ягга—рѣка Полуй.
Хонде—куропатка.
Хора—жеребецъ.
Хора-ката-тене—лисица, сиводушка.
Хара-суи—бычекъ.
Хорманъ — спрашивать, пробовать, испытывать.
Хорова—корова.
Хорованъ — хотѣть, желать.
Хорова-нюкуче — теленокъ.

Хорова-нясить — табачный рожокъ.
Хорова-юръ—коровье масло.
Хорова-этте — дойная корова.
Хоропта—испытывать.
Хороптованъ-возражать.
Хортванъ—обязать, ощупывать.
Хорчи—задница.
Хорчинда-лэ — тазовая кость.
Хоръ—чанъ, кадь.
Хоръ-хуптъ—олово.
Хорь—дѣторо́дный удъ.
Хорэванъ—пугаться.
Хорю—стрѣлка.
Хосьяна-проворный, осторожный.
Хотты—русскіе сапоги.
Ху—ложка.
Хугго—пищепріемное горло.
Хузарованъ—жаловаться.
Хузорованъ, см. **Хузарованъ**.
Хулантованъ—плавать.
Хулованъ—плыть.
Хумбазиде-вода — вздорить.
Хумбана—попусту.
Хумбанзеда—пустой.
Хумбанзи—напрасно, несправедливо.
Хумбанзи-вода — ложь, клевета.
Хунванъ — скрываться, убѣжать.
Хунованъ—спать, уснуть.
Хуня—куда.
Хуня-гы—который.
Хуня-мигель-куда идешь?
Хуняна, см. **Хуптана**.
Хуптана—поутру.
Хуптатъ—рано.
Хуптъ—свинецъ.
Хурды—шумъ, тревога.
Хуркекъ—какой.
Хурко—связка.
Хурко-погга — колыданъ (мѣшокъ изъ сѣти).
Хурома—нарта подъ тяжести.
Хуруеванъ—шумѣть.
Хурцедованъ — безпокоиться.
Хутти—кукушка.
Хуудеръ—сторона, бокъ дома.
Хуумерче—восточный вѣтеръ.
Хыде—яръ, оврагъ.
Хыде-ка—корыто, очевки.
Хыде-ямъ—миска, чашка, сдѣланная изъ древеснаго корня.
Хылтуй—оленій рогъ безъ вѣтвей.
Хыневанъ—затихать, утихать.
Хынованъ—отпѣвать.
Хыномапъ—пѣть.
Хыня—куда-нибудь.
Хынядъ—откуда.
Хыня-на—гдѣ.
Хэвудеръ-лы, см. **Хэйвыча**.
Хэгкъ—тихое мѣсто, тихо; тѣнь; кровь.
Хэгкъ-няю-ханъ—ступай въ тихое мѣсто.
Хэйва—мозгъ.
Хэйвада-сово—сытый.
Хэйвъ, см. **Хэудеръ**.

Хэйвъ-сесмы — бокъ болить.
Хэйвы-ничи-ненечь — пожилой, старый, иностранецъ.
Хэйвыча—ребро.
Хэкругована—омутъ.
Хэмъ—близкій, короткій.
Хэтванъ—сказать, произносить.
Хэтманъ, см. **Хэтуванъ**.
Хэтуванъ—толковать, называть, разсказывать, произносить.
Хэудеръ—бокъ.
Хэче-таванъ—присягать.
Хээда—невыѣзженный, неученый.

Ю.

Ю—десять.
Юбай—талый.
Юбъ—хотя.
Юбъ-тарче—хоть-такъ.
Юванъ—таять.
Юванъ-хорованъ — замерзшее озеро.
Ювой—ахъ!
Юдаванъ—во снѣ видѣть.
Юкадъ-ягга, см. **Хасово-ю**.
Юманъ-завязывать узломъ.
Юна—лошадь.
Юндау—узелъ.
Юнко — длинное, узкое озеро.
Юре—другъ.
Юркаванъ—вставлять.
Юрлованъ—забывать.
Юръ—сто; жиръ.
Ютолманъ—придавлять.
Юттома—рубецъ.

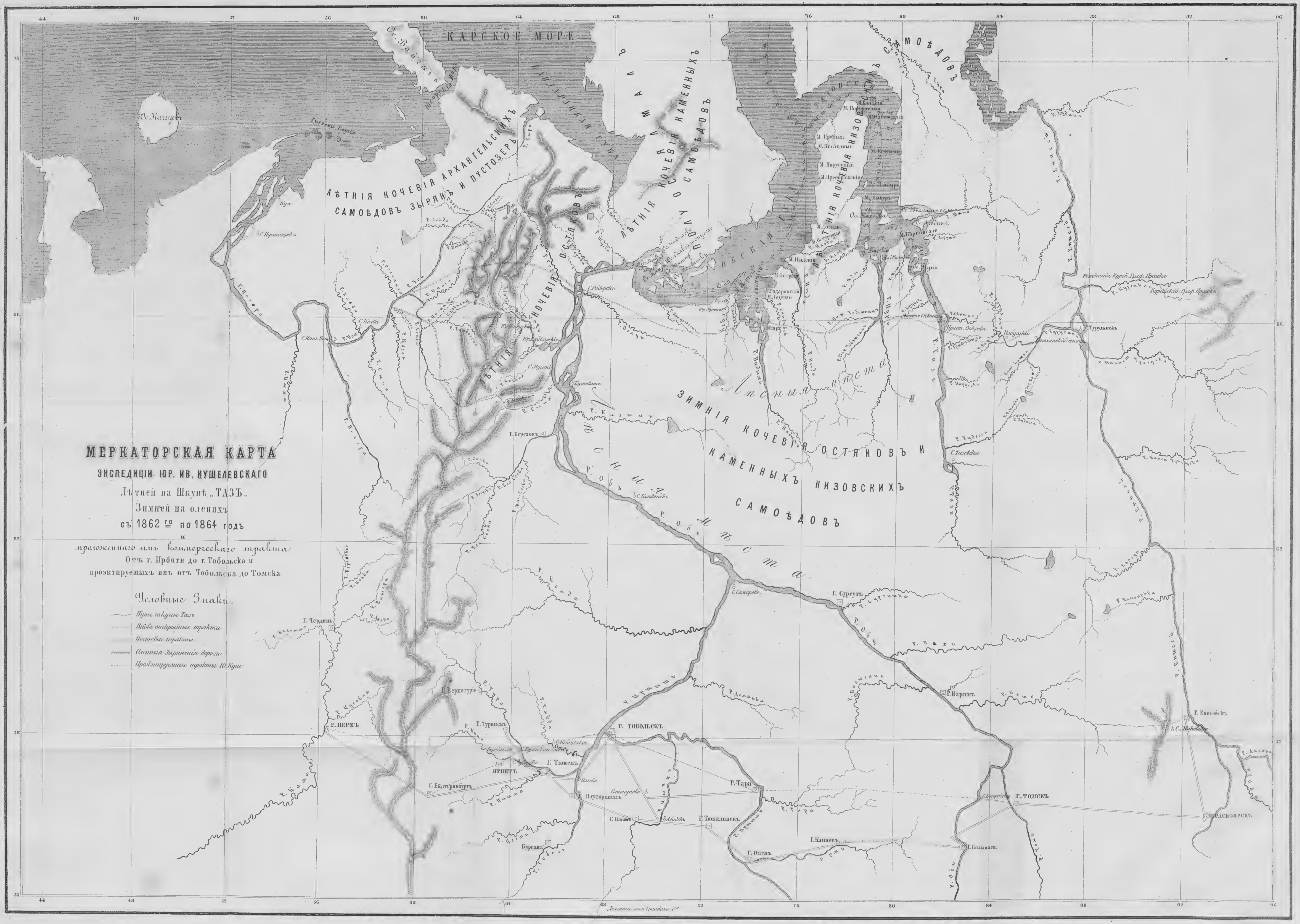
Я.

Я—мука; земля; мѣсто.
Ябе, см. **Ябеву**.
Ябеву, см. **Ябекъ**.
Ябекъ—пьяный.
Ябельманъ—опьянѣть.
Ябиреванъ—блестѣть.
Ябнанда—счастливо.
Ябъ—счастіе.
Ябъ-совой—счастливый.
Яву-нуръ—ворванъ, жиръ.
Яга—рѣка.
Яггаванъ—драть, сдирать кожу.
Ягако—рѣчка, рѣченка.
Ягасе—куль.
Яггапча—пешня.
Яггапчи—кошма.
Яггуманъ—оканчивать.
Яггэй—одноглазый.
Ягктованъ—долбить.
Ягъ-хода—дернъ.
Ягэ-се—мѣшокъ.
Ядамби—жаркій.
Ядарманъ—ходить.
Ядапча—песокъ.
Ядванъ—идти.
Яде—олень.
Ядей, см. **Ядси**.
Ядиманъ—свариться.
Ядимби—горячій.
Ядлаванъ—косить, вести, возить.
Ядованъ-засыпать землею.
Ядси—оленья самка.
Якованъ—зудѣть.
Якоръ—якорь.
Якуванъ, см. **Якованъ**.
Якэ—дымъ.
Якэмби—дымный.
Яле—солнце.
Яле-мерче-южный вѣтеръ.

Ялена-серъ—свѣтъ; свѣтлый; бѣлый.
Ялина—свѣтлый.
Ялморта—отцвѣлый.
Ялмуанъ—отцвѣтать.
Ялыманъ—свѣтать.
Ялэмтъ—заря.
Ямалъ-мерче—сѣверный вѣтеръ.
Ямбой-мука—медленно.
Ямдеванъ — перекочевывать.
Ямдюй—узелъ у узды оленя.
Ямине-пууча—помощница при родахъ, повивальная бабка.
Ямъ—рѣка Обь и вообще каждая большая рѣка.
Ямъ-седа—плѣть.
Яновань—ковать.
Янорта-ненечь—кузнецъ.
Яну-деревянный молотокъ.
Янумбоона-потихонечку.
Янъ-деръ—землякъ.
Янямъ—мамонтовый рогъ.
Янянзоко—хвощъ.
Янэмъ—сватъ.
Япитованъ—домогаться.
Япадъ—мучной мѣшокъ.
Яппга—тонкій.
Яптеванъ-безпокоиться.
Яптеръ—безпокойство.
Япта—ручей.
Яптарованъ—отсырѣть.
Яптовы—лѣнивый.
Яптогэ-хаэ—дѣлаться тонкимъ.
Яра-при—мартъ (мѣсяцъ).
Яроко—ковшикъ.
Яромбой—плотный.
Ярсынга—кости заднихъ ногъ оленя.
Яръ — свилеватое дерево; пупырь; кусокъ.
Ясерта — непроходимое мѣсто.
Ясорта—негладкій, неровный.
Яттома—уголь.

НАЗВАНІЯ ЧИСЕЛЪ ВЪ ЯЗЫКѢ САМОѢДОВЪ.

Объ, опой—одинъ.
Сиде—два.
Няръ—три.
Тедъ—четыре.
Самальянъ—пять.
Матъ—шесть.
Сиву—семь.
Синдетъ—восемь.
Хасово-ю, хазово-ю, юкадъ-ягга—девять.
Ю—десять.
Объ-ягга—одиннадцать.
Сиде-ягга, Сидеръ-ягга—двѣнадцать.
Няръ-ягга—тринадцать.
Тедъ-ягга—четырнадцать.
Самальянъ-ягга — пятьнадцать.
Матъ-ягга–шестьнадцать.
Сиву-ягга—семьнадцать.
Синдетъ-ягга—восемьнадцать.
Хасово-ю-ягга — девятьнадцать.
Сиде-ю—двадцать.
Сиде-ю-объ — двадцать одинъ.
Сиде-ю-сиде–двадцатьдва.
Сиде-ю-няръ — двадцать три.
Няръ-ю—тридцать.
Няръ-ю-объ — тридцать одинъ.
Няръ-ю-сиде—тридцать два.
Няръ-ю-няръ—тридцать три.
Тедъ-ю—сорокъ.
Самальянъ-ю–пятьдесятъ.
Матъ-ю—шестьдесятъ.
Сиву-ю—семьдесятъ.
Синдетъ-ю—восемьдесятъ.
Хасово-ю-юръ–девяносто.
Юръ—сто.
Юръ-объ—сто одинъ.
Юръ-ю—сто десять.
Юръ-сиде-ю–стодвадцать.
Сиде-юръ—двѣсти (двѣ сотни).
Няръ-юръ—триста (три сотни).


МЕРКАТОРСКАЯ КАРТА
ЭКСПЕДИЦІИ ЮР. ИВ. КУШЕЛЕВСКАГО
Лѣтней на Шкунѣ „ТАЗЪ"
Зимней на оленяхъ
съ 1862 го по 1864 годъ
и
проложеннаго имъ коммерческаго тракта
Отъ г. Ирбити до г. Тобольска и
проэктируемыхъ имъ отъ Тобольска до Томска
Условные Знаки.
Путь шкуны Тазъ
Вновь открытые тракты
Почтовые тракты
Оленныя Зырянскія дороги
Проэктируемые тракты Ю. Куш.
КАРСКОЕ МОРЕ
О. Колгуевъ
ЛѢТНІЯ КОЧЕВІЯ АРХАНГЕЛЬСКИХЪ
САМОѢДОВЪ ЗЫРЯНЪ И ПУСТОЗЕРЪ
ЛѢТНІЯ КОЧЕВІЯ ОСТЯКОВЪ
ЛѢТНІЯ КОЧЕВІЯ КАМЕННЫХЪ САМОѢДОВЪ
ЛѢТНІЯ КОЧЕВІЯ НИЗОВСКИХЪ САМОѢДОВЪ
ОБСКАЯ ГУБА
ЗИМНІЯ КОЧЕВІЯ ОСТЯКОВЪ И
КАМЕННЫХЪ НИЗОВСКИХЪ
САМОѢДОВЪ
С. Обдорскъ
Г. Березовъ
С. Тазовское
Туруханскъ
С. Самарово
Г. Сургутъ
Г. Нарымъ
Г. Енисейскъ
Г. Чердынь
Г. Пермъ
Г. Верхотурье
Г. Туринскъ
Ирбитъ
Г. Екатеринбургъ
Г. Тюмень
Г. Тобольскъ
Г. Ялуторовскъ
Г. Ишимъ
Г. Тюкалинскъ
Г. Тара
Г. Омскъ
Г. Каинскъ
Г. Томскъ
Г. Колывань
Красноярскъ
Курганъ
Р. Обь
Р. Иртышъ
Р. Тазъ
Р. Енисей
Р. Печора
Р. Кама

4b

M.2 K
3 96-C